

ISSN 2658-7602 (print)
ISSN 2658-7610 (online)

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN LAW REVIEW
SCIENTIFIC JOURNAL

Том 22 № 2

2025

Vol 22 No 2

- ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ
«СУБЪЕКТ ПРАВА»
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ
И СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ КОДЕКСОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
- ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 22 · № 2

• 2025 •

Vol. 22 · No. 2

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2025

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2025

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тонисевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабуринов Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лузилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасо, Неаполь, Италия; Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия; Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Бирмингемский университет, Бирмингем, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Aleksei A. Grishkovets – Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В. В. Антонченко

Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса 158

Н. Е. Коваленко

Исследование категории «субъект права» 173

С. Б. Поляков

Превращение налогообложения в рэкет как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права 185

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Т. З. Зокиров

Соответствует ли Конституции Российской Федерации принцип федерализма в законодательном регулировании административной ответственности? 201

Р. Ю. Колобов

Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, как природоохранный инструмент 215

Е. А. Соломатина

Административно-правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних при использовании ими информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (на примере Китайской Народной Республики) 227

М. Ю. Федорова

Критерии достойного социального обеспечения: теория, законодательство, правоприменительная практика 240

С. В. Щепалов

Административное и судебное усмотрение при принятии процессуальных решений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях 257

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А. Т. Анешева, С. Е. Тимошенко, Л. С. Шеховцова

Тактико-криминалистические особенности производства освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях 271

А. А. Урусов

Соотношение размера штрафа и категории преступления 282

А. В. Чумаков

Хищения в бюджетной сфере как объект криминалистического исследования 294

Информация для авторов 310

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW SCIENCES

V. V. Antonchenko

Legitimate Coercion and Law as a Resource of State and Social Progress 158

N. E. Kovalenko

Exploring the Category of the Subject of Law 173

S. B. Polyakov

**The Transformation of Taxation into Racket as a Consequence of a Nihilistic Attitude
Toward the Normative Understanding of Law** 185

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

T. Z. Zokirov

**Does the Principle of Federalism in the Legislative Regulation of Administrative Liability
Comply with the Constitution of the Russian Federation?** 201

R. Yu. Kolobov

The List of World Heritage in Danger as an Environmental Protection Instrument 215

E. A. Solomatina

**Administrative and Legal Regulation of the Protection of Minors' Rights in Their Use
of the Internet (Case Study: The People's Republic of China)** 227

M. Yu. Fedorova

Criteria for Decent Social Security: Theory, Legislation, and Law Enforcement Practice 240

S. V. Schepalov

**Administrative and Judicial Discretion in Procedural Decision Making under the Code
of Administrative Offenses of the Russian Federation** 257

CRIMINAL LAW SCIENCES

A. T. Anesheva, S. E. Timoshenko, L. S. Shekhovtsova

**Tactical and Criminalistic Features of Conducting a Physical Examination
during the Verification of Crime Reports** 271

A. A. Urusov

The Proportionality Between the Size of the Fine and the Category of Crime 282

A. V. Chumakov

Embezzlement in the Public Sector as an Object of Forensic Research 294

Information for Authors 312

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ Theory and History of Law Sciences

УДК 321

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172

EDN: AXFUSE

Оригинальная научная статья

Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса

В. В. Антонченко

*Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России, Владивосток, Российская Федерация*

✉ antovadim@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является анализ характера взаимосвязи индивида, общества и государства, определяющегося различными состояниями права и особенностями политического режима. Цель работы заключается в выявлении значения человеческого капитала и права как ресурсов государственного и социального прогресса, определении места государственного принуждения и насилия в регуляции общественных отношений. В работе используются исторический, аксиологический, системно-структурный, социологический и сравнительно-правовой методы, позволяющие сопоставить различные подходы к правопониманию и обосновать выводы автора в отношении проблемы государственного принуждения прежде всего в сфере противодействия преступности средствами уголовного права. Комплексный и критический взгляд на историю человечества с древнейших времен до наших дней позволяет увидеть, что вся она состоит из непрерывной череды социальных конфликтов, гражданских противостояний, революций, мировых и локальных войн. Главным ресурсом в цивилизационном и государственном развитии был сам человек. Государство, подчинив себе общество с момента своего возникновения, на протяжении нескольких тысячелетий использует насилие для решения и внутренних (с помощью правоохранительных органов), и внешних (с помощью армии) задач. Это подчинение служит как рациональному общественному интересу (теория общественного договора, предотвращение войны всех против всех), так и частным интересам экономически господствующих классов и групп (теория насилия, материалистическая теория экономического детерминизма). На протяжении всей истории человеческого общежития вплоть до Новейшего времени и закрепления в политической практике современных государств феноменов правового и социального государства, гражданского общества и народного суверенитета властные элиты артикулировали интересы отдельных индивидов, социальных групп и слоев в качестве общегосударственных. Такое свойство государственности требовало особых методов регуляции общественных отношений, среди которых значимое место занимало легальное государственное принуждение, нередко принимающее формы насилия, а люди использовались как возобновляемый ресурс для выполнения государственных функций. В современном государстве, отрицающем деструктивное в своей связи с индивидами и обществом, люди являются не ресурсом для выполнения каких-либо задач, а капиталом, количественные и качественные свойства которого, включая здоровье, образование, интеллект, навыки и социальное благополучие, служат показателями его прогрессивности. В этих условиях главным ресурсом современного государства является право, защищающее фундаментальные ценности, личность и ее права от влияния вредоносных и разрушающих факторов узкогрупповой экономической, политической и идеологической целесообразности.

© Антонченко В. В., 2025

Ключевые слова: государственно-правовые процессы; государственные ресурсы; государственное принуждение; права человека; социальный прогресс; человеческий капитал

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Антонченко В. В. Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/axfuse>

Original scientific article

Legitimate Coercion and Law as a Resource of State and Social Progress

V. V. Antonchenko

*Far Eastern Fire-Rescue Academy – branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of
EMERCOM of Russia, Vladivostok, Russian Federation*

✉ antovadim@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the analysis of the nature of the interrelationship between the individual, society, and the state, as shaped by various legal frameworks and the characteristics of political regimes. The objective of the paper is to determine the significance of human capital and law as resources of state and social development, and to define the role of state coercion and violence in the regulation of social relations. The study employs historical, axiological, systemic-structural, sociological, and comparative legal methods, which allow for the comparison of diverse approaches to the understanding of law and provide justification for the Author's conclusions on the issue of state coercion, particularly in the area of combating crime through criminal law. A comprehensive and critical examination of human history – from antiquity to the present – reveals an unbroken sequence of social conflicts, civil strife, revolutions, and both world and local wars. The central resource in civilizational and state development has always been the human being. From its inception, the state has subordinated society and for millennia has employed violence to address both internal challenges (through law enforcement) and external ones (via the military). This subjugation has served both the rational public interest (as in the social contract theory, which seeks to prevent a “war of all against all”) and the private interests of economically dominant classes and groups (as posited in the theory of violence and the materialist theory of economic determinism). Throughout the history of human coexistence – up to the modern era, when the principles of the rule of law, the welfare state, civil society, and popular sovereignty have been enshrined in political practice – ruling elites have articulated the interests of individuals, social groups, and strata as national priorities. This quality of statehood has necessitated specific methods for regulating social relations, among which legal state coercion has held a significant position. Such coercion has often manifested in violent forms, and people have been treated as a renewable resource for the fulfillment of state functions. In the modern state – one that rejects destructive approaches in its relations with individuals and society – people are no longer seen as mere resources for task execution. Rather, they are regarded as capital, the quantitative and qualitative attributes of which – including health, education, intelligence, skills, and social well-being – serve as indicators of the state's progressiveness. Under these conditions, the primary resource of the contemporary state is law itself: a force that safeguards fundamental values, the individual, and their rights from the harmful and destructive effects of narrowly defined economic, political, and ideological interests.

Keywords: state-legal processes; state resources; state coercion; human rights; social progress; human capital

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Antonchenko V. V. Legitimate Coercion and Law as a Resource of State and Social Progress. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):158–172. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/axfuse> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Генезис и свойства публичной власти, методы регуляции общественных отношений и роль государства в обеспечении социального благополучия тревожили умы ученых с древнейших времен. Характер взаимосвязи индивида, общества и государства определяется состоянием права и зависит от особенностей политических режимов, актуальность различных представлений о которых обостряется в периоды социальных трансформаций, связанных с глубокими нелинейными структурными изменениями общественного состояния [1], сопровождающихся, как правило, социальными потрясениями (бунтами, революциями, гражданскими войнами и т. д.), несущими многочисленные бедствия народам и способными причинять вред устойчивости политических систем (вплоть до их полного разрушения).

Обоснованно пытаясь выявить свойства государственности через познание детерминации их генезиса, ученые не обнаружили её универсальных признаков и всеобщей причины возникновения, предполагая, что возникновение и развитие государства связано с широким спектром внутренних и внешних факторов самого разного свойства: религиозного объединения, завоевательных войн, насильственного подчинения, технологического развития и разделения общества на антагонистические классы и т. д. Тем не менее теории происхождения государств, разрабатывавшиеся в разное время в разных экономических условиях и под влиянием различных религиозных и политических процессов (теологическая (Ф. Аквинский, Ф. Лебюфф, Д. Эйве), патриархальная (Аристотель, Конфуций, Р. Филмер, Н. К. Михайловский), договорная (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищев), материалистическая (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов), психологическая

(Л. И. Петражицкий, Д. Фрезер, З. Фрейд), патримониальная (А. Галлер), органическая теория (Г. Спенсер и А. Э. Вормс), теория насилия (Е. Дюринг, К. Каутский) и другие), сходятся в том, что социализация общества, неизбежно порождающая неравенство и институциональные конфликты интересов между людьми, их группами и стратами, требует наличия верховного арбитра, способного принуждением заставить на данной территории выполнять определенные правила, а значит, всегда приводит к образованию государственности. Таким образом, обязательные правила (право) диалектически связаны с механизмом их принятия и обеспечения (государством). При этом, как представляется, правовая наука уделяет недостаточное внимание ресурсному подходу к осмыслению государственно-правовых процессов.

Ресурс (фр. *ressource* – «вспомогательное средство») – это источник покрытия нужд, потребностей. Объединение мощностей, сил и средств являлось залогом выживания общества как в Древнем мире (защита своих и захват чужих земель, рабов и другого имущества, строительство масштабных сооружений, например, ирригационных, необходимых для ведения сельского хозяйства в Древнем Египте, и т. д.), так и в другие эпохи (оборонительные и захватнические войны, формирование колониальной системы и империй). Независимо от того, какую из указанных выше теорий генезиса государственности мы будем полагать наиболее верной, очевидно, что фактически и исторически большое и сложное объединение людей, начиная с их сплочения в человеческое стадо, в догосударственное родовое или общинное образование и, наконец, в государство, имело больше шансов для своего выживания.

Большая территория и большое количество населения на ней позволяли объединять ресурсы и силы масс

для противостояния перед лицом не только внутренних (стихийные бедствия, неурожай и т. д.), но и внешних (войны) опасностей. Кроме этого, большая территория обеспечивала большее количество подчиненного государственной власти населения и, следовательно, большее количество собираемой дани (что, например, было одной из причин формирования путем захватнических войн в Центральной Евразии крупнейшего государства Средневековья – Золотой Орды (XIII–XV вв.)) и налогов. Решая задачи обеспечения собственного выживания посредством расширения площади подконтрольной территории, увеличения и объединения производительных сил, государства увеличивали свою ресурсную базу.

Расширение горизонтальных и вертикальных социальных связей, усложнение общественных отношений требовали развития и совершенствования сферы обязательных правил, порождали формирование правовых систем, разнообразие которых обуславливалось культурными, национальными, религиозными и иными особенностями разных стран. Государство, возникая на определенном этапе общественного развития, подчиняет себе общество в интересах экономического господствующего класса: сначала – правящей аристократии (наследственной или выборной), позже – представителей крупной буржуазии, и наконец – профессиональной бюрократии, вынужденной ограничивать себя в своих действиях по управлению подчиненным ей обществом в силу того или иного состояния политико-правовой системы, демократических либо недемократических традиций, усвоенных на протяжении своего исторического развития всем обществом и его частью – властными элитами. Отношение социума и его властных элит к ресурсам,

способам их воспроизводства и распределения определяет «лицо» государства, его эффективность и современность, выражающиеся в реальном, поддающемся количественной и качественной оценке уровне благополучия и безопасности населения.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ

К ресурсам власти, то есть к совокупности средств, использование которых обеспечивает влияние на объект власти в соответствие с целями субъекта, относят, как правило, такие ресурсы, как экономические (материальные ценности, полезные ископаемые, деньги), силовые (аппарат физического принуждения), информационные (информация и средства ее получения и распространения), политико-правовые (законодательство), а также – и это ключевой момент – демографические, то есть людей – универсальный ресурс, создающий другие ресурсы¹.

Значимость ресурсов как оснований власти отражена в теории социального обмена (англ. *Social exchange theory*) (Дж. К. Хоманс, П. М. Блау, Р. М. Эмерсон и др.), восходящей к традиции утилитаризма в политической экономии XIX в. и сложившейся в русле идей социологического бихевиоризма. Согласно данной теории в основе власти лежит неравномерное распределение ресурсов. Индивиды, не имеющие ресурсов и получающие их в обмен на подчинение их обладателям, попадают в зависимость к последним. Обладание ресурсами порождает власть, которая сама становится важнейшим ресурсом и в масштабах государства реализуется через создаваемое властными элитами позитивное право.

Значительное накопление ресурсов, основными и до поры единственными

¹ См., напр.: Гордеев В. В. Мировая экономика и проблемы глобализации : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2008. С. 32 ; Вэриан Х. Г. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход : учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям / пер. с англ. М. : ЮНИТИ, 1997. С. 78.

из которых, наряду с властью, были территория и население, позволяло государствам решать масштабные задачи. Возобновляемость человеческого ресурса, который может накапливаться естественным образом либо захватываться у неприятеля в ходе войн и затем расходоваться, опять же, в военных целях, позволяла нещадно эксплуатировать его на протяжении многотысячелетней истории человеческой цивилизации для решения государственных задач как рациональных, так и иррациональных. Примером нерациональных, с точки зрения современного человека, задач, требовавших значительных ресурсных затрат, являются, в частности, великие стройки древности (так, по оценкам исследователей, только на строительстве одной из комплекса пирамид в Гизе (Египет) – пирамиды Хеопса – в условиях пустыни было задействовано от 10–15 до 100 тысяч человек [2]) и многочисленные и фактически непрекращающиеся войны, летопись которых и составляет историю человечества [3].

Иррациональное стремление к доминации как оставшемуся от предков элементу инстинкта выживания, психопатологические представления о личной славе и величии правителей и военачальников лежат в основе подавляющего большинства военных конфликтов: от древних Пунических войн (264–146 гг. до н. э.) до разрушительных мировых конфликтов XX столетия. Несмотря на подробнейшую изученность большинства этих событий, вряд ли можно выявить действительные противоречия между странами и народами, которые требовали бы для своего разрешения гибели десятков миллионов людей и уничтожения громадного объема материальных ценностей. Социальные конфликты, и особенно войны, не только утилизируют громадные объемы ресурсов, но и требуют большого количества людей, оторванных от производства материальных и иных благ и готовых подчи-

няться легальной властью, несмотря на существующие риски для жизни и здоровья: «Бог всегда на стороне больших батальонов» (Ж. д'Эстамп де ла Ферте, XVII в.). Промышленная революция и достигнутый человечеством уровень промышленного производства позволили создать к XX в. гигантские запасы материальных ресурсов и высвободить из общественных отношений по производству материальных благ миллионы людей, а освоение социальных технологий по идеологизации общества обеспечило государствам эффективность концентрации человеческих ресурсов и беспрецедентные возможности по их использованию.

Люди как уникальный ресурс, обладающий собственной волей, требуют специфического механизма по управлению ими. Этим механизмом и является государство, использующее легальное принуждение, очень часто принимавшее во всех известных государствах прошлого форму насилия. Представляется, что именно отношение к человеку как к ресурсу для достижения каких-либо целей и порождает возможность государственного насилия над ним. Отличие легального государственного принуждения от неправового государственного насилия заключается в том, что первое служит общесоциальной и общепольной цели обеспечения правопорядка, тогда как второе является недопустимым переходом публичной власти за черту рационального и необходимого для обеспечения правопорядка.

Л. Н. Толстой, критикуя современный ему порядок, говорил о том, что задача государства «разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не чувствовал противоестественности этих поступков». Он раскрыл этот механизм, основанный на анонимности легального государственного насилия: «Люди, совершая самые ужасные дела, не видят своей ответственности за них. Одни потребовали, другие решили, третьи

подтвердили, четвертые предположили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили... и никто не виноват»².

Государственное насилие представляется наиболее опасным видом насилия, превосходящим по своим негативным последствиям другие его виды, в том числе все формы традиционной преступности. Внутри- и межгосударственное насилие приводит к огромным людским и материальным потерям, влекущим за собой гуманитарные катастрофы глобального характера, разрушение всей среды человеческого обитания. В войнах XX в. погибло свыше 120 млн человек, причем большинство из погибших не были комбатантами, их смерть наступила от последствий, вызванных военными действиями, голодом и болезнями; сотни миллионов людей были покалечены и лишены жилья и средств к существованию [4; 5, р. 281].

XX век являет собой, по-видимому, уникальный период в жизни человечества: несмотря на формирование тоталитарных и фашистских государств, отличавшихся сверхконтролем, сверхбюрократией, сверхрегулированием и неспособностью ограничить государственное насилие во всех сферах общественной жизни, повлекшее за собой геноциды, социальные и военные конфликты, которые стоили десятки миллионов человеческих жизней, во второй его половине на первый план выходят демократические режимы социальных правовых государств, устройство и деятельность которых соответствуют представлениям о ценности прав и свобод человека, народного суверенитета и принципа равенства граждан.

В постиндустриальную эпоху, отличающуюся от предыдущих тысячелетий существования человеческой цивилизации высокопроизводительной промышленно-

стью, высокой долей высокотехнологичных и инновационных услуг в ВВП, а также более высокой, чем в промышленном производстве, долей населения, занятого в сфере услуг, государство для своего выживания более не нуждается в человеке как ресурсе (кроме случаев войны, где люди продолжают оставаться основным ресурсом). Одновременно общество перестало нуждаться в сверхгосударствах, поскольку его выживание не требует концентрации громадных ресурсов и производительных сил. Однако, развиваясь, государства не просто продолжают концентрировать зачастую избыточные ресурсы, но и постоянно увеличивают их.

В руках современных государств или под их контролем находятся, как правило, не только ведущие, наиболее прибыльные сферы экономики, руководство налоговой сферой, правоохранительными органами и армией, но и ключевые информационно-пропагандистские средства, обеспечивающие беспрецедентные возможности по контролю общества и управлению им (пресса, телевидение, радио), позволяющие формировать общественное мнение, повестку дня и даже то или иное состояние общественного и индивидуального правосознания (правовую идеологию и правовую психологию).

Ресурсы современных государств могут быть направлены на достижение рациональных целей, связанных с повышением благосостояния и безопасности социума (социальной сферой, обеспечением правопорядка и обороны государства), однако если распределение ресурсов не является рациональным, то любое их количество не будет достаточным для обеспечения государственных потребностей. Неэффективные и нерациональные проекты способны поглотить любое количество ресурсов, которые у каждого

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова. М. : Терра, 1992. Т. 28: [Царство божие внутри нас, 1890–1893. Т. 28 / подгот. текста и коммент. Н. В. Горбачева ; авт. предисл. М. Зозуля]. С. 250–251.

государства являются отнюдь не безграничными. Особенно очевиден данный вывод для государств с низким уровнем восприятия коррупции: в таких государствах сами проекты могут служить лишь поводом для коррупционных действий или прямого хищения государственных ресурсов.

Сегодня объединение людей в большую общность перестало быть насущной для выживания необходимостью и одновременно явилось исторической и цивилизационной данностью. Ту работу, которую при производстве общественного продукта, создаваемого трудом в материальной сфере, двести лет назад выполняли тысячи людей, в наши дни благодаря применению новейших технологий и техники способны выполнить несколько человек. Человек, все более обособливаясь от природы, создавая искусственную среду обитания, оказывается все менее зависим в своей деятельности от погодных условий и стихийных бедствий. Одновременно человек во всех сферах жизни становится все более зависимым от высокотехнологичных вещей, требующих и определенной специализации, и определенного интеллектуального уровня. Достижение благополучия и безопасности современного человека не требует уже такого, как ранее, тесного объединения в другими людьми в группу, общину, племя, род. А благополучие групп и социальных страт, основанное на достижениях технократической цивилизации, все менее зависит от тесной связи с государством. Идеал Афинской демократии, которая в результате своего недолгого развития впервые установила приоритет частных, по существу капиталистических, интересов над интересами государственными, в глобальном мире реализуется в самых широких масштабах. Свободное распространение технологий, в том числе социальных, оказывает непосредственное влияние на проникновение в политико-правовую практику совре-

менных взглядов на функции государства и способов государственного управления, в частности, на легальное принуждение и возможность/невозможность государственного насилия.

Ценности демократии как метода коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса и принципы либерализма, провозглашающие незыблемость прав и личных свобод человека, получая свое закрепление в праве и правоприменении, препятствуют утверждению насилия как метода социального управления, созидательные возможности которого в современном обществе весьма ограничены [6]. Насилие, в отличие от легального государственного принуждения, имеет антиправовую природу и даже в смягченном варианте не может быть легальным, несмотря на намерения и цели (идеологическую целесообразность, экономическую и политическую необходимость, борьбу с преступностью и т. д.) его обуславливающие.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Стремление к прогрессу человечество связывает с движением социума к свободе, к такому состоянию, при котором государство не господствует над обществом, а служит ему. Опираясь на новые в философской и общественной мысли положения рационализма и свободомыслия, эти взгляды получили свое начало в одну из ключевых эпох истории европейской культуры – эпоху Просвещения (Г. Гроций, Дж. Локк, А. Смит, Т. Джефферсон, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Вольтер и др.). Позже один из основоположников западной философии, создатель системы абсолютного идеализма Г. В. Ф. Гегель, чьи идеи существенно повлияли на развитие политики и права, полагал, что историей движет стремление человека к свободе; прогресс в сознании свободы, который и является всемирной историей,

выражается через идеологии — идеи, объединяющие культурные, нравственные и религиозные взгляды и ценности [7, с. 19].

Народы и элиты подавляющего большинства государств прошлого до наступления эпохи европейского Просвещения, давшей импульс интеллектуальному и общественному развитию, не имели представлений о гражданских правах и политическом равенстве. Немецкий философ, социолог, экономист и материалист К. Маркс, отталкиваясь от провозглашенных в эпоху Просвещения идей равенства, именно их полагал руководящими в цивилизационном развитии человечества. Объясняя линейность исторического развития экономическими детерминантами и материальными факторами, он считал, что, достигнув состояния всеобщего равенства и избавившись от антагонистических противоречий, человечество придет к процветанию бесклассового коммунистического общества и перестанет нуждаться в государстве, что будет являться причиной исчезновения последнего³.

Сегодня роль национальных государств размывается эволюционными процессами изменения структуры мирового хозяйства, экономической, политической и культурной интеграции (глобализации), формированием единой мировой рыночной экономики (геоэкономики). Данные процессы неизбежно и объективно сказываются на снижении роли государственного суверенитета, который на протяжении веков занимал главенствующее положение в международной политике. Так или иначе, но большинство государств, в том числе и с недемократическими политическими режимами, вынуждено сегодня равняться на «основополагающие принципы»: равноправие, гуманизм, законность и справедливость, «общепризнанные нормы», «передовой

международный опыт», отрицающие право кого-либо, включая и государство, на насилие. Те страны, которые следуют этому курсу и преуспевают в нем, в короткий промежуток времени показывают высокие темпы развития экономики, роста ВВП, жизненного уровня, благосостояния и безопасности населения (Япония, 1960–1980-е гг.; Китай, 1978–2000-е гг. и др.).

Социальная реальность и технологические возможности (прежде всего, в военной сфере) свидетельствуют от том, что сегодня для выживания человечества необходимо объединяться уже не людям и общественным группам, а государствам. Договорная теория происхождения государства объясняет, что процесс превращения отдельных индивидов в народ и государство сопровождался передачей ими части своей свободы в руки государства и подчинению законам, лежащим в основе системы взаимных прав и обязанностей государства и общества. Также и межгосударственное объединение неизбежно предполагает передачу части своего суверенитета надгосударственным органам. Современным примером такого органа (при всех его недостатках и признании обоснованной критики) может служить Организация Объединенных Наций, созданная после Второй мировой войны для предотвращения возможных войн в будущем, поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Сложно представить себе существование общества в постгосударственном состоянии. Однако очевидным является то, что поступательное движение цивилизованных форм человеческого общежития постепенно освобождает общество от безусловного государственного доминирования. Евроцентричность мировой истории в целом и господство европейских социальных технологий, доказавших свое преимущество в обеспечении социального благополучия, в частности

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / [пер.]. М. : Прогресс, 1986. 103 с.

заставляет обращать внимание на европейские идеи конституционализма, присваивающие государственной бюрократии и административному классу подчиненную обществу роль и лишаящую их права на реализацию собственных интересов за счет государства.

Общественное развитие высокодифференцированной социальной структуры, которой является государство, меняет подходы к человеку и назначенной ему социальной роли. От древнего «Человек есть мера всех вещей» Протагора⁴ через антропоцентризм эпохи Возрождения (XIV–XVI вв.) и гуманизм европейского Просвещения (XVII–XVIII вв.) идеи свободы, равенства, справедливости, права человека на достоинство перешли в конституции современных государств и закрепились в них (ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»). Перемещение человека с периферии стандартных представлений о важном и второстепенном среди всех вещей и явлений, встречаемых в природе и обществе, в центр, закрепление за ним свойств высшей ценности не было ни легким, ни быстрым. И сегодня оно все еще не является окончательным: слишком разнятся люди и их группы по своим политическим и религиозным убеждениям, материальному статусу и образу жизни, воспитанию и образованию; слишком хрупка человеческая цивилизованность (в узком смысле) перед лицом всё возрастающих социальных, военных, экологических рисков, природных и техногенных катастроф. Тем более значимы сегодня идеи гуманизма и ценность личности, которая является и субъектом, и объектом цивилизационного прогресса, и автором технологий (в том числе социальных), побеждающих нищету, голод и болезни. Как говорил Вольтер, «Бог [больше] (примечание наше. – В. А.) не на стороне

больших батальонов, а на стороне лучших стрелков».

Понятие «ресурс» (то, что тратится для достижения каких-либо целей) в отношении человека не является приемлемым с точки зрения современных подходов к феноменам государства и права. Оно, безусловно, должно быть заменено понятием «капитал» (то, что имеет самостоятельную ценность, требует роста этой ценности и может обеспечить этот рост). Проводя аналогию с марксистской политэкономией, где капитал не просто стоимость, а *самовозрастающая* стоимость [8, с. 62], можно заметить, что в социальных отношениях человеческий капитал имеет (должен иметь) *самовозрастающую* ценность. С развитием социума права человека на жизнь, здоровье, свободу, справедливость и юридическое равенство между людьми, занимая высшее положение в иерархии других ценностей, все чаще и публичной властью признаются высшей ценностью. Осознание непреходящей во времени и пространстве роли этих ценностей опирается на признание уникальности каждой личности и фундаментальность естественно-правовой доктрины, подтверждающей наличие у человека ряда неотъемлемых прав, которые принадлежат ему исходя из самого факта его отношения к человеческому роду.

Ценность личности, занимая доминирующее положение среди других правовых и государственных ценностей, должна быть обеспечена всем массивом законодательных актов и практикой их применения. При этом каждый человек уникален, а следовательно, самооценочность разных людей не одинакова. На нее влияют различные факторы, в том числе индивидуальные особенности человека и его достижения. Ценность личности может увеличиваться путем дальнейшей социализации, интеллектуального развития, следования этическим принципам

⁴ *Протагор* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Т. 3: Н–С.

и моральным убеждениям, повышения уровня профессиональной компетенции, духовного и эмоционального развития, эмпатии и жизненной мудрости. В конечном счете ценность индивида может быть определена по качеству его отношений с окружающими людьми и способности приносить пользу обществу.

Пройдя череду сложных общественно-политических трансформаций, связанных с революциями, мировыми и локальными войнами, возникновением и крушением колониальной системы и империй, человечество в цивилизованной его части пришло к такому положению, которое Ф. Фукуяма в конце XX в. назвал «концом истории», понимая под этим утверждение во многих, в частности и ранее авторитарных, странах либерально-демократических политических режимов и соответствующих им органов власти (правительств). По мнению Фукуямы, данная очевидно наблюдаемая тенденция носит глобальный характер и означает конец идеологических противостояний, больших войн и революций [9].

Сегодня следует признать, что американский мыслитель и те, кто придерживался мнения о «всемирно-исторической победе» либеральной демократии и вечном «мире во всем мире», если не явно заблуждались, то как минимум явно поторопились. Выводы, сделанные под влиянием эйфории от краха авторитарных, тоталитарных, в том числе и откровенно фашистских, режимов на разных континентах, не учитывают того, что общество и государство на любом из этапов своего развития не могут представлять из себя застывшие в неизменном виде формы. Развиваясь нелинейно, они время от времени приходят к точкам бифуркации, в которых решение о выборе дальнейшего направления движения в немалой степени зависит от субъективных факторов: представлений о ценностях, идей, интересов и заблуждений правящих элит. Последующие события начала XXI в., связанные

с реваншем авторитаризма в некоторых государствах, многочисленными террористическими атаками и войнами в самых разных частях света, заставили Ф. Фукуяму пересмотреть свои взгляды на всеобщую победу идеологии либеральной демократии, основную угрозу для которой представляют биосоциальные свойства индивида [10].

Несмотря на то что «конец истории» явно откладывается, расширение взаимосвязей и усложнение взаимодействия между людьми, корпорациями и государствами, характеризующих процесс глобализации, очевидны. Глобализация затрагивает не только экономическую сторону жизни сообществ; вслед за расширением и унификацией рынка технологий и товаров глобализация стирает границы как для физического перемещения людей, так и для оборота элементов интеллектуальной сферы, культуры и искусства (литературы, музыки, кино и т. д.). Это неизбежно ведет к взаимопроникновению идей о желаемом и должном устройстве общественной жизни и государственной власти, равно как и к конвергенции правовых систем и взглядов на право, которое не опирается на насилие, а противостоит ему.

Право как государственный ресурс прогресса

Сложные системы, к которым, безусловно, относится государство, всегда подвергаются рискам накопления неблагоприятных факторов, рано или поздно проявляющихся в виде кризисов. Общество и государство как неравновесные системы подвержены влиянию многочисленных и разнообразных факторов: необходимых и случайных явлений, нестабильных и неустойчивых процессов, вызываемых как внутренними, так и внешними причинами, обусловленных прежде всего столкновением интересов индивидов и социальных групп.

При особо неблагоприятном развитии событий, связанном с субъективными компонентами некомпетентности высших чиновников в частности и властных элит в целом (что может обуславливаться особенностями их формирования и отбора), преследующих не общегосударственные, а личные или групповые интересы, величина кризиса может быть разрушительной для всей системы. Наиболее яркими примерами подобных кризисов в отечественной истории являлись события 1917 и 1991 гг., приведшие к краху государства.

В условиях рисков и угроз, обостряющих нестабильность политической системы, необходим прочный фундамент, на котором бы строилось качественное государственное управление, заботящееся о своей эффективности. Сложноорганизованная система должна быть склонна к рефлексии, то есть самопознанию, которое лежит в основе самосовершенствования и саморазвития. Причем данные процессы должны являться не имитационно-декларативными, отраженными в разного рода программных документах (например, как во многочисленных нереализованных проектах советского периода: жилищной, продовольственной, лунной и других программах), не учитывающих реального положения дел, но преследующих только пропагандистские, то есть оторванные от реальности, цели, а действенными и адекватными сложившейся ситуации. Замусоривание социальной реальности контрпродуктивными, но, как правило, высокочатными проектами, призванными отвлечь население от проблем реальной действительности, не ослабляет, а, наоборот, увеличивает социальную энтропию и ускоряет обрушение системы, перестающей выполнять свои функции где-либо, кроме как на бумаге.

Государствовед и экономист Лоренц фон Штейн, впервые употребивший понятие «социальное государство» (1850), говорил о том, что задача государства заключается в становлении общественного равенства и личной свободы. По мнению Л. фон Штейна, государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает важным условием развития другого: «...чем ничтожнее его граждане, тем оно само ничтожнее; чем меньше они развиты, тем менее развито и само государство» [11, с. 28]. Этот подход диаметрально противоположен принципу древнекитайского легизма, идеологи которого открыто и откровенно презирали народ, нуждающийся, по их мнению, в кнуте: «Слабый народ – сильное государство» [12, с. 308]. Следует заметить, что закрепление таких взглядов древних китайских философов в практике государственного управления стало одной из причин, на тысячелетие обусловивших глобальное отставание Китая в цивилизационном развитии.

Сравнительный анализ конкретных социологических данных о качестве жизни граждан в различных государствах (продолжительность жизни, доход граждан, их покупательная способность, уровень здравоохранения, уровень образования, стоимость недвижимости, безопасность, уровень преступности и т. п.) убедительно свидетельствует⁵ о том, что ключевое значение в достижении обществом прогресса, соответствующего современным представлениям о должном, имеет отношение государства к личности человека, объективированное в наличии реально действующих демократических институтов, элементов правового государства и гражданского общества [13]. Чем более демократичным и правовым является

⁵ См., напр.: *Department of Economic and Social Affairs. Economic Analysis // United Nations. 2025. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad> (дата обращения: 01.05.2025)* ; *Экономические показатели // Trading Economics. 2025. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/countries> (дата обращения: 01.05.2025).*

государство, тем больших успехов оно способно добиться в своем прогрессивном развитии.

В век всеобщей грамотности, информатизации и глобализации, мобильности населения эффективным может быть только то государство, которое стремится к обеспечению общесоциального интереса, благополучия и безопасности всего социума, а не отдельных индивидов и социальных групп. В современном мире фундаментом государственного управления, о котором говорилось выше, не могут быть националистические или религиозные ценности и идеи, идеологические ценности, маскирующиеся под морально-нравственные императивы и служащие цели управления обществом на основе манипуляции массовым сознанием. Не могут быть эффективной опорой и надежды на государственное принуждение, если оно выходит за рамки необходимого в противодействии преступности и, теряя свои правовые свойства, приобретает формы насилия. Публичная власть в таком государстве не выполняет в должной мере функцию согласования общественных интересов и защиты правопорядка и перестает удовлетворять общество. Подмена реальных общественных интересов личными, узкогрупповыми либо мнимыми, основанными на религиозных, идеологических и подобных им догмах, дифференцирует общество и порождает острые социальные противоречия. Даже властные элиты в подобных неправовых условиях понимают свою незащищенность и теряют интерес к сохранению существующего режима.

Сегодня, когда человек в современном государстве теряет характер ресурса и приобретает свойство капитала, который следует приумножать и всемерно развивать, место основного государственного

ресурса должно занять право. При этом основной жизнедеятельности прогрессивного государства может быть лишь рациональное право, направленное на обеспечение не группового (классового), порождающего и усиливающего тенденцию к групповому (социальному) паразитизму [14], а общего интереса; право, защищающее фундаментальные (универсальные) ценности от влияния факторов экономической или политической целесообразности, воздействия каких бы то ни было идеологий и политтехнологий.

В юридической науке достаточно глубоко разработаны теоретико-правовые и отраслевые вопросы основ государственного управления⁶, в котором под правовыми ресурсами обычно понимается законодательство, в том числе международные правовые акты, акты судебной практики и иные средства, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект власти. Вместе с тем представляется необходимым более глубокое познание права как самостоятельного ресурса, диалектически взаимосвязанного с феноменами правовой культуры и правовых ценностей, являющихся ориентиром юридически значимого поведения и определяющих собой качественное состояние правовой системы. В основе уважения к закону, уверенности в справедливости права и гуманности правосудия, привычки соблюдать и придерживаться правовых предписаний лежит тот или иной уровень правового развития общества, но прежде всего его властных элит.

Теоретическое и доктринальное знание о праве, понимание его сущности и принципов, ценностных свойств и качеств всегда имеет некоторый разрыв с практической сферой, в первую очередь в правоохранительной деятельности и сфере уголовного права. Величина этого разрыва обратно

⁶ *Правовое обеспечение государственного и муниципального управления* : учеб. / [И. А. Андреева, В. С. Афанасьев, А. В. Борисов и др.] ; под общ. ред. Д. В. Пожарского. М. : Акад. управления МВД России, 2020. 400 с.

пропорциональна степени цивилизованности государства. Задачей современного государства является сокращение этого разрыва. Там, где право служит человеку и защищает его от насилия, общество добивается очевидных и существенных успехов в своем благополучии. Частный случай этого подхода – в отношении права и политики: чем меньше политики в праве, тем больше права в общественной жизни, включая и саму политическую область. Данный вывод особенно актуален при оценке взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности норм уголовного права и средств уголовной политики [15].

Функции права как государственного ресурса выражаются, прежде всего, в том, что оно, предусматривая создание защитных и обязательных мер и помещая государственную деятельность в строгие рамки нормативных требований, легализует работу государства. Определяя границы деятельности государства, истинное право выступает барьером на пути государственного произвола, предотвращает необоснованное и незаконное ущемление прав и свобод человека. Правовые средства, расширяя сферу деятельности человека в экономике, политике, науке и иных сферах общественной жизни, создают условия для юридической свободы человека, ограничивают участие государства в частной жизни граждан. Именно состояние права, то или иное воплощение декларируемых принципов в реальной действительности обуславливает будет ли в государстве обеспечен уровень благополучия и безопасности его граждан, соответствующий современным представлениям о них, будет ли само государство поступательно развиваться либо деградировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликты ценностей в повседневной жизни неизбежны, однако они являются двигателем прогресса общества и государства. Способность отнесения вещей и яв-

лений к ценностям – это сложный когнитивный навык, требующий постоянного интеллектуального напряжения, позволяющий отличить ценности от антиценностей – разрушительного начала и для общества, и для отдельного индивида. Ценность права напрямую зависит от того, какие ценности это право выражает и защищает.

Гигантские проекты и чудовищные войны, за которые человечество заплатило слишком большую цену, не могут быть оправданы в мире, где человек является не ресурсом, а капиталом. Иной подход грозит сползанием цивилизации к средневековым отношениям, влекущим за собой зависимость большинства населения от феодала или состоятельного сюзерена, бессмысленные военные конфликты с бесчисленными жертвами, разрушение городов и запустение территорий. Однако в сравнении с прошлым текущий этап Новейшего времени (постмодерн, метамодерн) несет еще и глобальные угрозы, способные поставить человечество на грань выживания. Риски глобальных экологических катастроф и применения оружия массового поражения способны если не уничтожить человечество, то вернуть его в условия крайней бедности и упадка доиндустриальной эпохи. О реальности подобных угроз много и, как представляется, обоснованно говорит, например, криминолог, девиантолог, суицидолог и специалист в области уголовного права профессор Я. И. Гишинский [16].

В правовом демократическом государстве народ является единственным источником власти, агрегирующим в себе все исторически обусловленные факторы ее возникновения. Уже в силу этого в современном государстве, стремящемся к прогрессу, народ (граждане, люди) не может быть ресурсом для достижения властных целей. Гуманизм (лат. *humanus* – «человечный») как принцип построения социальной системы, в которой высшей ценностью является человек (прежде

всего, его жизнь), а все ресурсы направлены на то, чтобы сделать эту жизнь максимально комфортной и безопасной, приобретает сегодня особую актуальность. Право, воплощающее и реально защищающее этот принцип, объявляющее вслед за Протагором человека «мерой всех вещей», является не только ресурсом государственного и социального прогресса, но и в глобальном значении условием выживания человечества.

Практическое применение результатов настоящего исследования, а также усилий будущих исследований должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации указанных идей в современной государственной практике. На теоретическом уровне, в законодательстве и правоприменении требуется качественная ревизия подходов к проблеме легального государственного принуждения⁷. Так, несомненный исследовательский и практический интерес представляет область уголовно-правового ценностного содержания, определяющего то или иное состояние уголовной политики совре-

менного государства, влияющее на эффективность правоохранения и качество выполнения государственной функции по обеспечению безопасности граждан, общества и государства. Сегодня, например, есть все основания говорить о недостаточной защите нормами уголовного права личности человека. Также требует своего признания правосоставительная способность уголовного права, которая должна принимать свойство его основной функции во всех случаях, когда вред, причиненный преступлением, возможно возместить⁸.

Глобальное движение общества от низших состояний к высшим, обеспечивающее благополучие и безопасность населения в условиях усложнения социальной жизни, требует разрешения практических проблем в области легального государственного принуждения на основании научно-обоснованных социологических и криминологических изысканий, не подверженных при этом политическому, идеологическому, мифологическому и иному подобному влиянию.

Список литературы

1. Linnér B.-O., Wibeck V. Conceptualising Variations in Societal Transformations Towards Sustainability // *Environmental Science & Policy*. 2020. Vol. 106. P. 221–227. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2020.01.007>
2. Павлов Н. Л. Как строились египетские пирамиды // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. № 4 (61). С. 162–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/1998-4839-2022-4-162-175>
3. Все войны мировой истории : по Харпер. энцикл. воен. истории Р. Э. Дюпюи и Т. Н. Дюпюи / [редкол.: А. Д. Балабуха и др.] ; с коммент. Н. Л. Волковского, Д. Н. Волковского. СПб. : Полигон, 2004.
4. Щербакоева Е. Людские потери в вооруженных конфликтах в мире: 1946–2015 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 69–102. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1754>
5. Ponting C. The Twentieth Century: A World History. New York : H. Holt, 1999. 584 p.
6. Залысин И. Ю. Насилие как метод социального управления // *Бизнес и дизайн ревю*. 2016. № 4 (4). С. 10.
7. Гегель Г. В. Ф. Сочинения / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова ; Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. М. : Л. : Гос. изд-во, 1935. Т. 8: Философия истории / пер. А. М. Водена ; под ред. и с предисл. Ф. А. Горюхова. 470 с.
8. Ильин М. А., Рабинович М. А. Политическая экономия капитализма в вопросах и ответах. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1973. 256 с.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / [пер. с англ. М. Б. Левина]. М. : АСТ, 2005. 588 с.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / [пер. с англ. М. Б. Левина]. М. : Центр гуманитар. технологий, 2004. 349 с.
11. Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 года / пер. со 2 нем. изд. СПб. : Тип. А. М. Котомица, 1872. 305 с.

⁷ Антонченко В. В. Уголовное наказание: социальные иллюзии и теории заблуждения // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2024. № 2 (68). С. 34–42.

⁸ Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20, № 1 (170). С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.170.1.131-140>

12. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы / пер. с фр. В. Б. Иорданского. М. : Алгоритм, 2008. 523 с.
13. Букина Е. Е. Правовая деалиенация как основа благополучия человека // Вестник науки Сибири. 2015. № 4 (19). С. 23–30.
14. Макаренко В. Л. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 120–128.
15. Hasbrouck B. Prisons as Laboratories of Antidemocracy // The Yale Law Journal. 2024. № 133. P. 1966–2016.
16. Гилинский Я. И. Онтологический трагизм бытия : сб. ст. СПб. : Алетейя, 2023. 190 с.

References

1. Linnér B.-O., Wibeck V. Conceptualising Variations in Societal Transformations Towards Sustainability. *Environmental Science & Policy*. 2020;106:221-227. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2020.01.007>
2. Pavlov N. L. How the Egyptian Pyramids Were Built. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022;4:162-175. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/1998-4839-2022-4-162-175> (In Russ.)
3. Balabukha A. D. (Ed.). *All the Wars of World History*. St. Petersburg: Polygon Publ.; 2004. (In Russ.)
4. Shcherbakova E. Casualties in Armed Conflicts in the World: 1946–2015. *Demographic Review*. 2016;3(2):69-102. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1754> (In Russ.)
5. Ponting C. *The Twentieth Century: A World History*. New York: H. Holt, 1999. 584 p.
6. Zalyzin I. Yu. Violence as a Method of Social Management. *Biznes i dizain revyu*. 2016;4:10. (In Russ.)
7. Hegel G. W. F. *Complete Works. Vol. 8: Philosophy of History*. Moscow, Leningrad: State Publ.; 1935. 470 p. (In Russ.)
8. Il'in M. A., Rabinovich M. A. *Political Economy of Capitalism in Questions and Answers*. 3rd ed. Moscow: Politizdat Publ.; 1973. 256 p. (In Russ.)
9. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST, 2005. 588 p. (In Russ.)
10. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii Publ.; 2004. 349 p. (In Russ.)
11. Stein L. von. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789*. St. Petersburg: Printing House of A. M. Kotomits, 1872. 305 p. (In Russ.)
12. Granet M. *Chinese Thought from Confucius to Laozi*. Moscow: Algoritm Publ.; 2008. 523 p. (In Russ.)
13. Bukina E. E. Legislative Dealienation as the Basis for an Individual Well-Being. *Siberian Journal of Science*. 2015;4:23-30. (In Russ.)
14. Makarenko V. L. Interest Groups and Administrative Apparatus: To the Research Design. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1996;11:120-128. (In Russ.)
15. Hasbrouck B. Prisons as Laboratories of Antidemocracy. *The Yale Law Journal*. 2024;133:1966-2016.
16. Gilinskii Ya. I. *The Ontological Tragedy of Being*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2023. 190 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Викторович Антонченко, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (пос. Аякс, 27, о. Русский, Владивосток, 690922, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>; Researcher ID: AAB-4863-2022; e-mail: antovadim@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire-Rescue Academy – branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (27 Ayaks settlement, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>; Researcher ID: AAB-4863-2022; e-mail: antovadim@yandex.ru

Поступила | Received
07.03.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.04.2025

Принята к публикации | Accepted
03.06.2025

УДК 340.111.52

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184

EDN: AZNOYQ

Оригинальная научная статья

Исследование категории «субъект права»

Н. Е. Коваленко *Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация*✉ kovalenkorub5@gmail.com

Аннотация. Правовая система имеет в своей инструментарии специфичный язык, с помощью которого выражается сущность права. В первую очередь речь идет о юридическом языке, рассматриваемом учеными-правоведами в трех направлениях: в юридической науке; как практическая составляющая юриспруденции; как выражение права. В настоящей работе предлагается обозначить особенности языка права на конкретном примере – субъекте права. Актуальность исследования заключается в поиске подхода к понятию субъекта права в доктрине для того, чтобы четко понимать сущность данной категории в условиях смешивания субъекта с объектом правоотношения в информационном обществе. Цель работы заключается в исследовании феномена субъекта права, изучении подходов зарубежных ученых-правоведов. Вырабатывается общее представление относительно субъекта права в зарубежной правовой системе, обозначаются лексические формы выражения, терминологическое разнообразие. Автором применены сравнительно-правовой, исторический, диалектический, формально-юридический, логический методы, а также юридический анализ. Работы зарубежных ученых-правоведов содержат неоднозначное понимание субъекта права, зачастую встречаются тезисы, отождествляющие субъект с правовой личностью. Отмечается, что изменение общественной жизни сопровождается не только увеличением числа коммуникации, информационных потоков в целом, но и внедрением цифровых технологий. Отсутствие единого подхода к формированию теории субъектности (учения о субъекте) привело к потере ценности данной категории, что негативно сказывается не только на развитии теории права, но и на законодательной и правоприменительной деятельности. Видится перспективным дальнейшее исследование категории с целью разработки рекомендаций для законодателя по формированию норм права, посвященных субъектам. С одной стороны, субъект предстает в качестве личности, с другой, определяется как юридическая конструкция, закрепленная в тексте нормативно-правовых актов. Автор приходит к выводу о двуединой природе субъекта права, что ранее не рассматривалось в доктрине.

Ключевые слова: право; правоотношение; субъект права; юридическая техника; субъект правоотношения; лицо; индивид; язык

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Коваленко Н. Е. Исследование категории «субъект права» // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 173–184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184>. EDN: <https://elibrary.ru/aznoyq>

Original scientific article

Exploring the Category of the Subject of Law

N. E. Kovalenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ kovalenkorub5@gmail.com

Abstract. The legal system possesses a distinctive language through which the essence of law is articulated. This pertains primarily to legal language, which legal scholars explore in three dimensions: within legal science; as a practical component of jurisprudence; and as a medium of expressing law itself. This paper proposes to examine the features of legal language through a focused case study – namely, the concept of the subject of law. The relevance of the study lies in identifying a doctrinal approach to the concept of the subject of law, which is essential for a clear understanding of its nature in the context of the information society, where distinctions between the subject and object of legal relations have increasingly blurred. The aim of this research is to explore the phenomenon of the subject of law and to analyze approaches taken by foreign legal scholars. The study seeks to develop a general understanding of this concept within foreign legal systems, to identify the lexical forms in which it is expressed, and to outline the terminological diversity associated with it. The Author employs comparative legal, historical, dialectical, formal-legal, and logical methods, along with legal analysis. The study finds that foreign legal literature reflects an ambiguous understanding of the subject of law; it frequently equates the subject with legal personality. Notably, transformations in societal life are accompanied not only by the expansion of communication and information flows but also by the introduction of digital technologies. The absence of a unified theoretical framework for subjectivity (the theory of the subject) has devalued this category, adversely affecting the development of legal theory as well as legislative and law enforcement practices. Continued research into this category appears both necessary and promising, particularly with the aim of formulating recommendations for legislators on the development of legal norms governing legal subjects. The study concludes that the subject of law is characterized by a dual nature: on the one hand, it is a person; on the other, it is a legal construct formalized in normative legal texts. This duality has not previously been sufficiently addressed in legal doctrine.

Keywords: law; legal relationship; subject of law; legal technique; subject of legal relationship; person; individual; legal language

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Kovalenko N. E. Exploring the Category of the Subject of Law. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):173-184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184>. EDN: <https://elibrary.ru/aznoyq> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Юридическая наука представляет собой специфичную сферу, в которой одновременно существуют фактические отношения в обществе и государстве, реальный мир и правовая материя, система правового регулирования [1, с. 7].

С помощью языка становится возможным перевести в правовую плоскость фактические обстоятельства жизни чело-

века. В юридической науке язык выступает производным звеном между обществом, его потребностями, отношениями и законодателем в части создания нормы права. Профессор А. Ф. Черданцев писал об этом, как о «процессе материализации и реализации» [1, с. 12]. Ученый отмечал важность знаковой системы как носителя информации, при этом в роли знаковой рассматривал правовую систему [1, с. 15].

Несомненно, знаки оказывают воздействие на когнитивно-эмоциональное состояние человека, что влечет за собой ответную реакцию в виде определенного поведения. Если вести речь именно о знаках в правовой системе, то такое поведение продиктовано особенностями правового сознания личности, к примеру, информация о наказании за противоправные деяния, изложенная в норме права, приводит к формированию установки соблюдения данной нормы, включается оценочный фактор. Кроме того, сознание личности устроено таким образом, что проецирует на себя последствия увиденного, познанного, для того чтобы избежать последствий негативного характера. Знаковая система в этом случае обуславливает поведение субъекта.

А. Ф. Черданцев отмечал, что идеальные объекты, под которыми он понимал логико-языковые феномены, одновременно выступающие в качестве средств индивидуального регулирования, в правовой системе больше всего наблюдаются в процессе формирования правоспособности субъектов [1, с. 17].

Отметим, что формально-юридический метод позволил исследовать особенности юридической техники использования понятия «субъект права». Понимание юридического языка необходимо для осуществления действенного правового регулирования, что, в свою очередь, будет выражаться в правовой культуре в целом и уровне правосознания граждан в частности. Правовые тексты составляются с помощью определенных приемов и средств по правилам юридической техники. При этом существуют негативные явления юридической техники, усложняющие понимание. В доктрине к ним относят катахрезу, синонимию, избыточность метафор, полисемию и другие.

Как верно отмечает П. Н. Андреева, слово представляет собой начальный этап в формировании и построении текста, следует тщательнее относиться к требованиям законодательной техники¹. Считаем, что от качества юридического языка зависит не только оценка нормативно-правовых актов, но и четкость понимания нормы права. Представляет интерес изучение субъекта права с точки зрения полисемии. В частности, многозначность проявляется в использовании законодателем таких понятий, как «личность», «лицо», «субъект правоотношения», «участник правоотношения» и других. Так, П. Н. Андреева отмечает, что в процессе создания правовой нормы происходит перенос смысла слова в результате выявления их общих черт, то есть наблюдается метонимия². Далее ученый-правовед отмечает, что в современном законодательстве выявлены слова, часто подвергающиеся замене на другие, схожие, в качестве примера предлагая понятие «лицо»³. Соглашаясь с позицией П. Н. Андреевой относительно актуальности полисемии в современном законодательстве, находим актуальным продолжение исследования понятия «субъект права», а также отражение в последующем особенностей понимания данного термина в отечественной доктрине.

Предлагаем остановиться на аспекте полисемии в отношении субъекта права. Многозначность подходов к определению субъекта права вызывает неопределенность в понимании данной категории как на практике, так и в доктрине. В настоящее время не сложилось единой точки зрения относительно общего определения субъекта права в силу некоторых причин. Во-первых, данный термин сформировался под влиянием отраслевой науки гражданского права, в связи с чем он рассматривается с позиции лиц – участников

¹ Андреева П. Н. Юридическая техника : учеб. пособие. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2023. С. 111.

² Там же.

³ Там же.

правоотношений. Во-вторых, теория права не сформировала комплексной теории субъектности, которая позволила бы раскрыть наибольшее число аспектов исследуемой категории. В-третьих, так как гражданское право сформировалось под определенным влиянием романо-германской правовой семьи, не исключено влияние зарубежных источников права, специфика которых заключается в отсутствии полисемии и неоднозначности в понимании терминов в сравнении с отечественной правовой системой. Ввиду вышесказанного предлагается рассмотреть понимание термина «субъект права» в зарубежных источниках, определить общие закономерности исследуемого явления и попытаться выявить схожие позиции в российской правовой доктрине.

Следует отметить, что помимо явления полисемии существует синонимия, которая используется законодателем для уточнения своих позиций – происходит «уточнение мысли», отмечает П. Н. Андреева⁴. Автор настоящей статьи предлагает не рассматривать синонимию термина «субъект права». Анализ нормативных актов свидетельствует, что законодатель сознательно избегает терминологической синонимии, оперируя строго дифференцированными правовыми конструкциями при характеристике правового положения различных субъектов.

С помощью сравнительно-правового и системного методов рассмотрено доктринальное содержание зарубежных и отечественных источников теории права. Определено, что категория «субъект права» по-особому функционирует в российской правовой доктрине и практике прежде всего потому, что основное содержание субъекта составляет правовое сознание, основанное на национальной идентичности общества и государства. При этом сам термин «субъект права» часто предлагают сравнивать с терминами *persona* в рим-

ском праве или *subject* в английском праве. Считаем необходимым провести изучение субъекта права в англоязычной зарубежной доктрине, чтобы представить сравнительный анализ подходов к определению, на основании полученных результатов сформировать особенности российской теории субъектности. Следует отметить и появление новых видов субъектов – данный аспект показывает быстроту развития общественных отношений, требующих действенного правового регулирования. М. В. Залоило отмечает появление квазисубъектов и других новых субъектов права как результат цифровой трансформации сложных правоотношений [2, с. 105].

Цель данной работы состоит в выявлении проблемы понимания субъекта права как правовой категории, формированию авторской трактовки аспектов теории субъектности с точки зрения человекоцентристского подхода.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к субъекту права как к правовой категории с помощью логического метода. Изучение англоязычной научной доктрины направлено на выявление особенностей термина «субъект права».

По причинам стагнации в российской правовой мысли, неопределенности и подмене практического понимания категории субъекта права появилась необходимость в проведении комплексного анализа проблем теории субъектности, обнаруженных с помощью логического метода и метода юридического анализа, а также путей их решения, что обозначает значимость проводимого исследования.

В качестве примера одной из таких проблем можно привести трудности понимания субъекта права в зарубежных странах, что подчеркивает актуальность данного исследования и способствует поиску вариантов их решения через формирование отдельных аспектов субъекта права

⁴ Андреева П. Н. Указ. соч. С. 113.

как категории. Автором предлагается решение этой проблемы путем формирования стройной, логичной и четкой системы определения субъектов права в тексте нормативно-правовых актов, что позволит сформулировать рекомендации для правильного построения юридической конструкции субъекта права, так как законодатель неверно определяет содержание исследуемого термина, что приводит к возникновению полисемии, которая может проявляться как негативное явления юридической техники. В дальнейших исследованиях планируется сформулировать определение субъекта права как правовой категории, что видится перспективным в первую очередь потому, что от верности дефиниции зависит дальнейшее правовое регулирование отношений. Согласимся с позицией профессора Н. А. Власенко, который отмечает важность дефиниции в праве, так как в ней концентрируются основные черты содержания описываемого предмета. Также ученый-правовед подчеркивает роль правовых понятий, заключающуюся в «ориентировании право творчества и реализации юридических норм» [3, с. 123].

С помощью исторического метода определено, что вопросом субъекта права в российской правовой доктрине стали заниматься с начала XX в., однако существенное развитие данная тема получила лишь со второй половины XX в. и продолжается по настоящее время. В частности, М. Ф. Орзих, В. К. Бабаев, С. А. Комарова, С. И. Архипов посвятили свои труды изучению личности как стрелы субъекта права, отчего возникло понимание его как правовой личности [4, 5]⁵. Профессор В. Е. Чиркин предлагал рассматривать субъект права в контексте юридическо-

го лица как юридическую абстракцию [6, с. 97–98]. Н. Н. Алексеев анализировал рассматриваемое понятие через способность выступать в роли правового деятеля, так как в деятельности происходит осмысление поведения [7, с. 203].

Прежде всего, обратимся к определению понятия «субъект права». Одни ученые предлагают трактовать его как участника правоотношений, другие – как лицо, обладающее правоспособностью при вступлении в правоотношения. Однако встречаются и иные подходы, которые предлагают в качестве субъектов права рассматривать участников правовой коммуникации, обладающих или способных приобрести права и обязанности «актом собственной воли», при этом имеющих возможность и готовых нести «юридическую ответственность, осуществлять правовую деятельность»⁶. Такая трактовка отвечает советской доктрине права, закрепленной в юридическом словаре⁷. Отметим, что в настоящей статье приводятся различия между категориями «субъект права» и «субъект правоотношения».

В настоящей работе предлагается рассмотреть существующие определения субъекта права, вызывающие неопределенность в его понимании, так как понятие исследовалось не как правовая категория. Активно развивающееся общество, увеличение коммуникаций внутри социума и государства выступают предпосылками возникновения новых видов отношений, требующих правового регулирования, что, в свою очередь, подчеркивает необходимость определения субъектно-объектных связей. Без обновления концепции о субъекте права рассмотрение его как правовой категории представляется достаточно сложным. В связи

⁵ См., напр.: *Бабаев В. К.* Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород : Нижегород. ВШ МВД РСФСР, 1991. 155 с. ; *Архипов С. И.* Субъект права (теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 522 с.

⁶ *Пономарева Е. В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 33.

⁷ *Юридический словарь* / гл. ред. С. Н. Братусь [и др.]. М. : Госюриздат, 1953. С. 656–657.

с этим настоящая статья посвящена проблеме определения субъекта права как одного из центральных элементов в теории государства и права.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА

Термин «субъект права» был взят за основу в связи с тем, что он представляет собой неотъемлемый элемент любого правоотношения, отражает особенности отраслевых наук, поскольку историческое формирование его теоретического содержания сопровождалось активным исследованием лиц в правоотношениях различных сфер. Вопрос определения понятия субъекта права изучают не только в российской теории права, но и в зарубежной, поэтому в настоящем исследовании предлагается анализ иностранных источников для выявления особенностей соответствующего правопонимания.

В настоящее время отмечается период становления и развития информационного общества, сопровождающийся внедрением результатов технологий искусственного интеллекта, повсеместной автоматизацией сфер жизни общества. Ю. А. Тихомиров определяет новую реальность как «информационное (виртуальное) пространство», которое, в свою очередь, основывается как раз на обозначенных выше информационных технологиях. При этом ученый уточняет, что формируется совершенно новая юриди́ко-информационная сфера, которая порождает новые задачи, требующие разрешения, и далее задается вопросом правового регулирования новых явлений [8, с. 25]. Так, проблема определения субъекта права возникает в подобных отношениях, связанных со сферой цифровизации и автоматизации жизни государства и общества. Предлагается рассмотреть субъект как ключевой элемент правоотношения, без которого невозможны реализация правовых предписаний, воплощение механизма правового

регулирования. Так как человек выступает создателем правовой материи, на нем основывается преобразующая функция всего мира. Наблюдается проблема отраслевого поглощения понятия «субъект права», юридическая наука не выработала единого системного подхода к пониманию субъекта как правовой категории, явления теории права. Ю. А. Тихомиров отмечает превалирование развития отраслевых юридических наук, в связи с чем теория права теряет свою позицию, «ослабевая» [8, с. 33]. Это заметно в практическом опыте, который накапливают отраслевые науки, ежедневно сталкиваясь с юридическими фактами, требующими правовой регламентации, или казусами, которые следует разрешать. Количественное сравнение работ ученых-правоведов показывает, что по классической теории права написано меньше трудов, чем по отраслевым наукам. Констатируется наличие обозначенной проблемы, заключающейся в недостаточной разработке общих теоретических положений в контексте современных вызовов, а также в отсутствии системных попыток модернизации классических правовых понятий и категорий в тех сферах, где подобная актуализация представляется объективно необходимой. В данном контексте особую научную перспективу приобретает дальнейшее развитие указанного направления исследований с учетом возрастающего трансформационного воздействия цифровизации на все сферы общественных отношений, включая правовую действительность. Предлагаем начать модернизацию права с развития субъекта права как проблемы, находящейся на поверхности. Как верно отмечает Ю. А. Тихомиров, праву следует усилить свои позиции в части преобразующего и созидательного потенциала [8, с. 36].

Современные подходы к определению понятия «субъект права» демонстрируют значительное влияние гражданско-

правовой доктрины, в рамках которой данный термин традиционно раскрывается через характеристики участника правоотношений и правосубъектного лица. Разграничение понятий «субъект права», «субъект правоотношения», «лицо», «личность» не проводилось в юридической доктрине, между тем это стоило бы сделать для точного определения содержания понятийно-терминологического аппарата в науке. Л. И. Петражицкий отмечал важность полноты и «чистоты» языка науки, отсутствие вспомогательных черт, возникающих под влиянием практики [9]. Подобный подход можно встретить и у представителей Венского кружка, однако они выступали против проникновения обыденного языка в научный. В настоящее время в доктрине встречается позиция, согласно которой в теории права необходимо сформировать свой подход к определению субъекта права как правовой категории в науке⁸. Цель настоящей статьи состоит в исследовании понятия субъекта права, обозначении существующей проблемы в современных реалиях информационного общества и выделении закономерностей в зарубежных государствах для выявления менталитета правотворчества.

На наш взгляд, с определением субъекта права дело обстоит сложнее, так как прежде всего необходимо учесть личностную сущность, отображенную в действиях правовой личности, индивидуальные особенности человека как социально-активного участника общества, а также обратить внимание на особенности закрепления правового статуса субъекта законодателем.

Как было отмечено выше, при характеристике субъекта права приводится в пример понятие *persona*, под которым в римском праве подразумевалось право-

способное лицо, субъект права. Примечателен тот факт, что в римском праве понятия человека и лица не были тождественны. В редких случаях данный термин применялся для обозначения простого человека⁹.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К СУБЪЕКТУ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

В зарубежной доктрине субъект права определяется через понятие *the subject of law*, однако при дальнейшем изучении выявлено, что так понимается субъект правоотношений – как отношения между персоной и реальностью: «*between persona and resyields*» [10, p. 68]. В данном контексте речь, скорее всего, идет о личности, а не о персоне, так как далее автор приводит понятие *persona* в кавычках, и затем через запятую уточняет его, но уже без кавычек: «*Thus a “person”, persona, is constituted by the possession of a bundle of rights*» [10, p. 69].

Таким образом, можно сделать вывод о разделении понятия субъекта в зарубежной теории права. Кроме того, Дж. Фроу предлагает рассмотреть особенности категории субъекта права через разделение естественной и правовой форм личности: «*natural and legal forms of the person*» [10, p. 70]. Под естественной формой, вероятнее всего, понимается объем естественных прав и обязанностей, данный природой и представляющийся недостаточным. Поэтому предлагаем рассматривать, помимо юридической, личностную сущность (сторону) субъекта права, что позволит расширить понимание субъекта как категории.

В английском юридическом словаре субъект права понимается как *persona*, при этом отмечается привязка к гражданской отрасли права и тем самым

⁸ Коваленко Н. Е. Аспекты теории субъекта права: исторический анализ // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 97–99.

⁹ Дорн Л. Б. Догма римского права: лекции проф. С.-Петербург. ун-та Л. Б. Дорна. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1890. С. 45–47.

подчеркивается отраслевой характер понимания¹⁰. В советских юридических словарях данное понятие не встречалось, что подчеркивало узость по отношению к определению субъекта права и привело к отсутствию комплексной правовой теории субъектности.

Группа иностранных ученых в своей работе пишут следующее: «*Understanding of legal personhood relies on the individual exercising personhood independently*» [11, p. 530]. Согласно данному тезису существует некая юридическая личность, выступающая отражением индивидуума, а последний выполняет роль личности. В данном случае ученые оперируют такими терминами, как *legal personhood*, *individual* и *personhood*. Вероятно, первый и последний термины используются в качестве синонимов, так как общий смысл тезиса, высказанного авторами, понимается как возможность человека реализовывать свой правовой статус, закрепленный в норме права, где он представлен законодателем как юридическая личность. Далее находим в тексте понятие *natural entity*, что понимается как физическое лицо [11, p. 530]. Интересно, что такой подход не совпадает со взглядами других иностранных авторов, лишний раз подчеркивая особенность неоднородного понимания субъекта права в иностранных государствах, что вызвано отсутствием единой теории субъектности. Кроме того, в завершении рассматриваемой статьи находим тождественное понимание *individual* и *personhood*, что отражает отсутствие системного понимания терминов. Однако приведенный подход позволяет сконструировать субъект права через юридическую личность, которая закреплена нормой права, и социальную личность, существующую в обыденных отношениях. Мы придерживаемся подхода к категории субъекта права как к двуединой структуре.

Существует иной подход к пониманию субъекта права. Э. А. К. Адриано предлагает следующее: *natural persons, juridical persons and legal personhood* [12, p. 101], то есть «физическое лицо», «юридическое лицо» и «правовая личность» (субъект права). В исследуемой работе Э. А. К. Адриано предлагает отождествлять понятия *person* и *legal entity*, под которыми понимается правовая личность, включающая в себя черты индивидуального и социального [12, p. 104]. Отметим, что данная трактовка схожа с нашим пониманием, в котором правовая личность выступает одним из этапов формирования субъекта права в правовой системе. В индивидуальное содержание субъекта права следует вкладывать понимание когнитивных, эмоциональных и биосоциальных особенностей поведения человека, что, в свою очередь, позволит обозначить внутренние причины поведения правовой личности. Знание обозначенного позволит законодателю лучше реализовывать прогностическую функцию норм права. Таким образом, будут предопределены потенциальные факторы, влияющие на выбор того или иного поведения, которое возможно предвидеть и закрепить в тексте нормативно-правовых актов, что положительно скажется на уровне законности и правопорядка в государстве и обществе. В частности, М. Ф. Орзих отмечал в своем труде, что природная составляющая человека как участника социума выступает причиной поведения, в том числе в правовой сфере, то есть через «внутренние условия личности» прослеживаются правовые связи [4, с. 21].

Рассмотренное мнение зарубежных авторов по вопросу определения субъекта права и правовой личности позволяет определить, что конкретного понимания термина «субъект права» в зарубежной доктрине не представлено. Так, упомянутая выше работа Э. А. К. Адриано

¹⁰ Black's Law Dictionary, 1968. P. 1300.

показывает три разновидности субъекта права, однако далее в тексте автор заменяет *legal personhood* на *legal entity*, что вызывает неопределенность в понимании истинного содержания правовой категории [12, p. 110–115].

КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ТЕОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Следует отметить, что проблема существует и в российской правовой доктрине. Зачастую при рассмотрении вопроса субъекта права предлагается к рассмотрению физическое и юридическое лицо, или же существует мнение, согласно которому субъект права предлагается рассматривать как участника правоотношений [13, с. 166–169]. Профессор Н. И. Матузов определяет субъект права «в качестве носителя предусмотренных законом прав и обязанностей»¹¹. Отсутствие единого подхода к формированию теории субъектности (учения о субъекте) привело к потере ценности данной категории, что негативно сказывается не только на развитии теории права, но и на законодательной и правоприменительной деятельности.

Термин «субъект права» не получил должного исследования в теории права, отраслевое содержание гражданско-правовой сферы превалирует над общетеоретическим содержанием изучаемой правовой категории. Следует понимать субъект как личность, с одной стороны, и как юридическую форму, закрепленную в тексте нормативно-правовых актов, с другой стороны. Этот аспект требует дальнейшего глубокого изучения с учетом эмпирического и теоретического материала – в настоящее время такая работа ведется автором данной статьи.

Возникает проблема определения субъектов из-за изменяющейся социальной реальности и внедрения цифровых технологий. К примеру, Л. Ю. Василев-

ская обращает внимание на характер «электронного лица», которое в гражданской отрасли права не может определяться как субъект в классическом понимании (физические, юридические лица и др.), и предлагает рассмотреть его в качестве нового вида [14, с. 9]. При этом законодатель данный вопрос еще не рассмотрел: существующий в Гражданском кодексе Российской Федерации раздел, посвященный участникам гражданско-правовых отношений, не устанавливает правовой статус «электронного лица, цифровой личности». Согласимся с позицией Е. С. Аничкина, который отмечает, что общественные отношения претерпевают постоянные изменения, развитие, возникают новые коммуникации, тогда как нормы права не получили соответствующего обновления, остались на прежних позициях [15]. Так, уже стали возникать дискуссии о наделении искусственного интеллекта чертами субъекта права, вопросы идентификации и привлечения к ответственности цифровой личности за неправомерные действия в цифровой среде и другие [16–18]. М. В. Залоило отмечает, что в настоящее время происходит увеличение технико-цифровизационной составляющей в культуре правотворчества современного общества и, как следствие, возникают определенные особенности: трансформация правовой культуры и мышления человека, размывание границ между субъектом и объектом, объектом и результатом правотворчества [19, с. 67–68]. Обозначенная ситуация позволяет сделать вывод о риске потери индивидуальной особенности субъекта права, основанной на сущности человека как участника социального общества. Такая черта, как антропоцентричность права, находится под угрозой исчезновения вследствие погони за результатом масштабных информационно-коммуникативных процессов

¹¹ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. С. 187.

цифровизации и следования моде на использования искусственного интеллекта. Не стоит забывать классические правовые категории, но необходимо продолжать их исследование с учетом современных реалий. Наука теории права дает основополагающие, базовые позиции, с опорой на которые происходит дальнейшее правовое регулирование через нормы права. Ошибки в юридической технике, встречающиеся в настоящее время в текстах законов, представляют собой пробел в развитии научной терминологии классических категорий, на что следует обратить внимание научному сообществу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приходим к тому, что возникшая ситуация неопределенности в понимании категории субъекта права сформировались в результате стагнации в российской правовой мысли и превалированием практического понимания данной категории. Целесообразно привести позицию А. Ф. Черданцева, который писал, что язык в юриспруденции имеет несколько уровней, среди которых принято выделять язык права, язык науки, язык юридической практики [1, с. 18]. Проведенное в настоящей статье исследование направлено на развитие языка науки, что соответствует концепции профессора А. Ф. Черданцева. Исследование зарубежной доктрины показало наличие аналогичной проблемы в понимании субъектов, что представляется вполне логичным ввиду особенностей английского языка, отличающегося лексической многозначностью. Российская правовая мысль предпринимала попытки изучения субъекта права как особой юридической фикции, тем самым показывая значимость и ценность субъекта как такового, однако в связи с доминированием гражданской отрасли права изучение субъекта права свелось

к соответствующему пониманию, а теория права стала изучать правовую личность, которая, на наш взгляд, выступает лишь частью субъекта права [20, с. 32].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в разработке комплексного подхода к изучению проблемы определения субъекта права, а также моделировании начальных аспектов теории субъектности в современных реалиях. Проблема заключается в том, что субъект права рассматривают как понятие, а не как правовую категорию, в результате чего возникает неопределенность в понимании. В частности, это подтвердил приведенный анализ англоязычных источников. Решение обозначенной проблемы видится в развитии концепции субъекта права как категории через формирование стройной, логичной и четкой системы определения субъектов в тексте нормативно-правовых актов и создании рекомендаций для правильного построения юридической конструкции субъекта права, потому что законодатель под субъектом понимает множество терминов, что приводит к возникновению полисемии как негативного явления юридической техники. Следовательно, полученные результаты и выводы могут применяться для развития теории права, законодательной и правоприменительной деятельности, что позволит обозначить пробел в понимании субъекта права в концепции человекоцентристского правопонимания.

К тому же активное развитие общественных отношений вместе с усложнением информационных потоков между их членами способствует образованию новых видов отношений, требующих дальнейшей правовой регламентации. Автором настоящей статьи поставлена задача по поиску содержания категории субъекта права в следующих научных работах.

Список литературы

1. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике : моногр. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 319 с.
2. Залоило М. В. Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (43). С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12>
3. Власенко Н. А. Методологические основания исследования правовых ценностей : моногр. М. : Норма, 2023. 197 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/2007818>
4. Орзих М. Ф. Личность и право. М. : Юрид. лит., 1975. 111 с.
5. Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность: политико-правовые аспекты. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 135 с.
6. Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6 (162). С. 87–101.
7. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
8. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты: моногр. М. : Блок-Принт, 2023. 208 с.
9. Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб. : Юрид. книга, 2010. 1031 с.
10. Frow J. The Subject of Law // Social Theory and Legal Politics / ed. by G. Wickham. Sydney : Local Consumption Publications, 1987. P. 68–70.
11. Arstein-Kerslake A., O'Donnell E., Kayess R., Watson J. Relational Personhood: a Conception of Legal Personhood with Insights from Disability Rights and Environmental Law // Griffith Law Review. 2021. Vol. 30, № 3. P. 530–555. DOI: <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.2003744>
12. Adriano E. A. Q. Natural Persons, Juridical Persons and Legal Personhood // Mexican Law Review. 2015. Vol. 8, iss. 1. P. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mexlaw.2015.12.005>
13. Мицкевич А. В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2010. 304 с.
14. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : моногр. : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. III / отв. ред. Л. Ю. Василевская. 287 с.
15. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
16. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
17. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 23–26. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03)
18. Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. материалов к XII ежегод. науч. чтением памяти проф. С. Н. Братуся. / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Статут, 2017. С. 21–28.
19. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073>
20. Ландкоф С. Н. Субъекты прав (лица). М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 63 с.

References

1. Cherdantsev A. F. *Logical and Linguistic Phenomena in Law, Legal Science, and Practice*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2012. 319 p. (In Russ.) (In Russ.)
2. Zaloilo M. V. The Subject of Law and the Dynamics of Its Legal Status in the Context of Digitalization. *MCU Journal of Legal Sciences*. 2021;3:104-120. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12> (In Russ.)
3. Vlasenko N. A. *Methodological bases for the research of legal values*. Moscow: Norma Publ.; 2023. 197 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/2007818> (In Russ.)
4. Orzikh M. F. *Personality and Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. 111 p. (In Russ.)
5. Komarov S. A. *The Soviet All-People's State and the Individual: Political and Legal Aspects*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1986. 135 p. (In Russ.)
6. Chirkin V. E. On Notion and Classification of Legal Person of Public Law. *Journal of Russian Law*. 2010;6:87-101. (In Russ.)
7. Alekseev N. N. *Fundamentals of the Philosophy of Law*. St. Petersburg: Lan' Publ.; 1999. 251 p. (In Russ.)
8. Tikhomirov Yu. A. *Law: Traditions and New Occasions*. Moscow: Blok-Print Publ.; 2023. 208 p. (In Russ.)

9. Petrażycki L. I. *Theory and Policy of Law: Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Publ.; 2010. 1031 p. (In Russ.)
10. Frow J. The Subject of Law. In: Wickham G. (Ed.). *Social Theory and Legal Politics*. Sydney: Local Consumption Publications, 1987. P. 68–70.
11. Arstein-Kerslake A., O'Donnell E., Kayess R., Watson J. Relational Personhood: a Conception of Legal Personhood with Insights from Disability Rights and Environmental Law. *Griffith Law Review*. 2021;30(3):530-555. DOI: <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.2003744>
12. Adriano E. A. Q. Natural Persons, Juridical Persons and Legal Personhood. *Mexican Law Review*. 2015;8(1):101-118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mexlaw.2015.12.005>
13. Mitskevich A. V. *Selected Works*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; 2010. 304 p. (In Russ.)
14. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. *Digitalization of Civil Turnover: Legal Characterization of "Artificial Intelligence" and "Digital" Subjects (A Civil Law Study)*. Vol. III. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. 287 p. (In Russ.)
15. Anichkin E. S. Modernization of the Constitutional Law Status of an Individual in the Conditions of Cyberspace Establishment. *Constitutional and Municipal Law*. 2019;12:19-22. (In Russ.)
16. Arkhipov V. V., Naumov V. B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics. *SPIIRAS Proceedings*. 2017;6:46-62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2> (In Russ.)
17. Vasilev A. A., Szpopor D. Artificial Intelligence: Legal Aspects. *Izvestiya of Altai State University*. 2018;6:23-26. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03) (In Russ.)
18. Khabrieva T. Y. Introduction. In: Yakovlev V. F., Khabrieva T. Y., Andreev V. K. etc. *Legal Personality: the Collection of Materials for the XII Annual Scientific Readings in Memoriam of Professor S. N. Bratus*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Statut Publ.; 2017. P. 21–28. (In Russ.)
19. Zaloilo M. V. Post-Industrial Culture of Law-Making: a New Image of Reality. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;4:65-73. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073> (In Russ.)
20. Landkof S. N. *Legal Subjects (Persons)*. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1928. 63 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Евгеньевна Коваленко, младший научный сотрудник лаборатории проблем правового регулирования научной и инновационной деятельности, аспирант кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656045, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4961-9480>; e-mail: kovalenkorub5@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalya E. Kovalenko, Junior Researcher of the Laboratory for Legal Regulation of Scientific and Innovative Activity, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at the Altai State University (61 Lenin pr., Barnaul, 656045, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4961-9480>; e-mail: kovalenkorub5@gmail.com

Поступила | Received
24.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.04.2025

Принята к публикации | Accepted
03.04.2025

УДК 347.73:336.2

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-185-200

EDN: BDFGUU

Оригинальная научная статья

Превращение налогообложения в рэкёт как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права

С. Б. Поляков *Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Пермь, Российская Федерация*✉ psb59@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в доказывании того, что отказ от нормативного понимания права является главной угрозой законности, а также в представлении метода выявления смысла положений закона, придаваемого им сложившейся правоприменительной практикой, для определения способов защиты законных прав и интересов. Применены следующие методы исследования: формально-догматический метод, который заключается в ограничении исследования текстом объектов исследования; конструирование из текста закона логических норм права; анализ судебных актов для выявления наличия или отсутствия в них обстоятельств, предусмотренных законом; синтез из судебных актов обстоятельств, указываемых основаниями привлечения к налоговой ответственности; правила логики определения понятий при соотнесении обстоятельств дела, указываемых в судебных актах, с понятиями юридических фактов, установленными в законе. На примере анализа судебной практики по налоговым спорам доказана произвольность правоприменения, начинающегося с пренебрежения к установлению и доказыванию формально определенных признаков налогового правонарушения. Отказ от узконормативного понимания права приводит к превращению законного налогообложения в извлечение государством незаконного дохода, подавлению экономической деятельности. При том что в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. особо отмечена недопустимость нарушения закона в отношении предпринимателей: «Они создают рабочие места, обеспечивают работой, зарплату платят людям». Доказательство практического вреда критики нормативизма подчеркивает научную новизну проводимого исследования, равно как и выявление правоположений, создаваемых правоприменительной практикой с искажением закона, для определения способов борьбы за право. Практическая значимость заключается в демонстрации того, как законное правоприменение может обеспечиваться использованием компьютерной программы «Лазер»-ИП-ГПК-2020 при адаптации ее к арбитражным спорам. При выявленном отсутствии реальной судебной защиты налогоплательщиков в порядке обжалования решений налоговых органов предложены способы защиты в исковом производстве.

Ключевые слова: налогообложение; формальная определенность; юридические факты; обстоятельства дела; доказательства; законность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поляков С. Б. Превращение налогообложения в рэкёт как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 185–200. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-185-200>. EDN: <https://elibrary.ru/bdfguu>

Original scientific article

The Transformation of Taxation into Racket as a Consequence of a Nihilistic Attitude Toward the Normative Understanding of Law

S. B. Polyakov

National Research University Higher School of Economics, City of Perm, Perm, Russian Federation

✉ psb59@rambler.ru

Abstract. Objective. This study aims to demonstrate that the rejection of a normative understanding of law poses a primary threat to the rule of law. It further proposes a method for identifying the actual meaning attributed to legal provisions through established law enforcement practice – an approach that enables the development of strategies for protecting legitimate rights and interests. The research employs several methods/ Formal-dogmatic method: limiting the analysis to the legal texts under examination. Logical construction: deriving legal norms from statutory texts. Judicial analysis: examining court decisions to detect the presence or absence of statutorily prescribed facts. Synthesis: extracting the factual grounds for tax liability from judicial acts. Logical definition: applying formal logic to correlate case-specific circumstances described in judgments with legal facts defined in legislation. A case study of judicial practice in tax disputes illustrates the arbitrariness of legal enforcement, beginning with the disregard for establishing and proving formally defined elements of tax violations. The abandonment of a strict normative legal framework leads to a shift: lawful taxation degenerates into a mechanism for the state to extract unlawful revenues and suppress economic activity. This situation becomes particularly pressing in light of the Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 29, 2024, where President Vladimir Putin emphasized the inadmissibility of violating the law in relation to entrepreneurs, stating: “They create jobs, employ people, and pay salaries.” Scientific Contribution. The study emphasizes the tangible harm caused by critiques of legal normativism. It offers a method for detecting jurisprudential distortions of statutory law, thereby facilitating the identification of strategies to defend legal rights Practical Significance: The research demonstrates how legal enforcement aligned with statutory norms can be supported through the use of the “LASER-IP-CPC-2020” computer program, when adapted to arbitral disputes. Given the lack of effective judicial protection for taxpayers during appeals against decisions by tax authorities, the study proposes mechanisms for protection through litigation in civil proceedings.

Keywords: taxation; formal certainty; legal facts; case circumstances; evidence; legality

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Polyakov S. B. The Transformation of Taxation into Racket as a Consequence of a Nihilistic Attitude Toward the Normative Understanding of Law. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):185-200. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-185-200>. EDN: <https://elibrary.ru/bdfguu> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Призывы отказаться от «позитивной (узонормативной) теории права» [1, с. 6], права в его нормативном понимании как ядра правосудия [2, с. 9–10] становятся едва ли не господствующими в современной российской теории права. Заметен вклад в размывание сущностных признаков права ученых, осуществляющих судебную власть [3].

Антипозитивизм может быть идеологическим знаменем судебной практики, пренебрежительно относящейся к формальной определенности закона без теоретической подоплеки. В частности, при применении ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Представители науки налогового права, не особо связывая свои доводы с вопросами правопонимания, активно

обсуждают антиуклонительные от налогообложения правила, направленные на расширение свободы усмотрения правоприменителей введением оценочных норм в налоговое законодательство [4–7 и др.].

Настоящая статья – не о вопросах обоснованности установления в налоговом законе оценочных понятий и их применения, а о нигилистическом отношении судов к формально определенным юридическим фактам, о подмене их оценочными юридическими фактами, не предусмотренными положениями закона, на которые сделана ссылка в решении, о вынесении решений на основании обстоятельств, не предусмотренных ни конкретными, ни абстрактными (оценочными) понятиями положений закона. В теоретическом отрицании нормативизма нарушение закона, особенно заметное в фискальных целях, приобретает покров научности.

Для развенчивания антинормативизма надо показать тело беззакония, которое он покрывает. Для лечения болезни тела нужен его анализ и поиск лекарств для борьбы с вирусами.

ПРОЯВЛЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 26 июля 2023 г. по делу № А40-115353/23 отказано в удовлетворении требования общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом “Керамет”» (далее – ООО «ТД “Керамет”») о признании недействительным решения налогового органа о привлечении общества к налоговой ответственности и взыскании недоимки по НДС в сумме 29 562 607 руб. Апелляционное постановление было практически копией решения суда первой инстанции и не было связано с доводами апелляционной жалобы.

Согласно решению налогового органа ООО «ТД “Керамет”» нарушило п. 1 ст. 54.1 НК РФ: «Не допускается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога

в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика».

Из этого текста следует запрет налогоплательщику уменьшать налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога при совокупности юридических фактов (фактический состав):

- 1) искажение сведений (альтернативно):
 - 1.1) о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов),
 - 1.2) объектах налогообложения;
- 2) подлежащих отражению (альтернативно):
 - 2.1) в налоговом учете,
 - 2.2) бухгалтерском учете,
 - 2.3) налоговой отчетности налогоплательщика;
- 3) размер подлежащего уплате налога при совершенных фактах хозяйственной жизни превышает размер фактически уплаченного налога.

Бремя доказывания соответствующих обстоятельств, в силу п. 6 ст. 108 НК РФ, ч. 5 ст. 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), лежит на налоговом органе.

В кассационной жалобе поабзачным анализом судебных актов налогоплательщик указывал, что в решении налогового органа и судебных актах не указаны обстоятельства, соответствующие конкретным юридическим фактам, предусмотренным п. 1 ст. 54.1 НК РФ, а указаны обстоятельства и их доказательства, соотносимые налоговым органом и судом с жаргонными налоговыми терминами: «технические организации», «налоговые разрывы», «сложное расхождение», «круговое движение денежных средств», «обналичивание денежных средств».

В судебных актах ООО «ТД “Керамет”» также обвинялось в нарушении п. 2 ст. 54.1 НК РФ без указания

обстоятельств, соответствующих предусмотренным в нем юридическим фактам: «При отсутствии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, по имевшим место сделкам (операциям) налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога в соответствии с правилами соответствующей главы части второй настоящего Кодекса при соблюдении одновременно следующих условий:

1) основной целью совершения сделки (операции) не являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога;

2) обязательство по сделке (операции) исполнено лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки (операции) передано по договору или закону».

Суды вместо контроля за законностью решения налогового органа выполнили функцию субсидиарного налогового обвинения (подобное недопустимо в уголовном процессе согласно, например, ч. 3 ст. 15, п. 6 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), но не указали индивидуально определяемые обстоятельства дела, образующие оценочный юридический факт, предусмотренный подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ.

В судебном заседании суда кассационной инстанции представители налогового органа четко подтвердили:

– что обстоятельства, изложенные в их решении, воспроизведенном в оспариваемых судебных актах, не соответствуют понятиям, указанным в п. 1 ст. 54.1 НК РФ;

– ООО «ТД “Керамет”» не обвиняется в разбеге бизнеса.

На вопрос суда, все ли указанные товары получены и оплачены, представители налогового органа дали однозначный утвердительный ответ.

То есть суду кассационной инстанции заявителем и самим же налоговым органом четко было показано, что изъятие у ООО «ТД “Керамет”» 29 562 607 руб. под видом недоимки произведено не по обстоятельствам, предусмотренным п. 1 ст. 54.1 НК РФ. Однако Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2024 г. кассационная жалоба оставлена без удовлетворения, а обжалованные судебные акты – без изменения¹.

АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ АКТОВ

С целями выявления того, насколько типично применение ст. 54.1 НК РФ не по предусмотренным статьей юридическим фактам и какие действительно обстоятельства являются основанием судебных решений для применения данной статьи, нами проведен анализ 93 кассационных постановлений арбитражных судов округов, на которые ссылался налоговый орган как на образцы своих решений в акте налоговой проверки межрайонной ИФНС по г. Москве № 31 от 29 февраля 2024 г. № 23-22/02 в отношении ООО «ТД “Керамет”» за следующий период.

Выявлено указание в судебных актах обстоятельств (показателей анализа), соответствующих вышеуказанным юридическим фактам (критериям анализа), установленным ст. 54.1 НК РФ.

1. В 10 судебных актах прямо указано на неприменение по делам ст. 54.1 НК РФ или эта статья в постановлениях вообще не упоминается. Это означает, что признаки правонарушения, предусмотренные упомянутой статьей, для налоговых органов значения не имеют.

Прямо указано на применение п. 1 ст. 54.1 НК РФ в 31 постановлении, на применение п. 2 ст. 54.1 НК РФ – в 28 постановлениях. В большинстве судебных актов приводятся ссылки на ст. 54.1 НК РФ без указания пунктов и подпунктов.

¹ Все указанные судебные акты по рассматриваемому делу см.: *Электронное правосудие*. 2025. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-115353-2023/1177551> (дата обращения: 25.05.2025).

Ссылки на пункты ст. 54.1 НК РФ в судебных актах носят формальный характер. В судебных актах ясно не указываются предусмотренные в них юридические факты, соответственно которым должны устанавливаться фактические обстоятельства дела (предмет доказывания по делу). Так, в Постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 4 июня 2020 г. № Ф06-61054/2020², Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2023 г. по делу № А40-5345/2022³ и от 25 апреля 2023 г. по делу № А40-68187/2022⁴ однозначно указывается на применение п. 2 ст. 54.1 НК РФ, но не п. 1 ст. 54.1 НК РФ, однако приводятся обстоятельства именно признаков п. 1 ст. 54.1 НК РФ и их доказательства (спорные контрагенты не могли выполнять и фактически не выполняли работы на объектах заявителей-налогоплательщиков).

В кассационных постановлениях ни прямо, ни отсылочным образом к листам и абзацам судебных актов и решений налоговых органов не указываются фактические обстоятельства, соответствующие конкретным юридическим фактам, установленным п. 1 ст. 54.1 НК РФ.

Вместо этого в постановлениях сходные действия и события указываются то в перечнях обстоятельств, то в перечнях доказательств.

2. По содержанию 65 постановлений нельзя определить искаженные конкретные факты хозяйственной жизни с указанием места, времени, предмета (товара, продукции, услуг, денежных сумм). Содержание 15 постановлений позволяет сделать предположения о предметах хозяйственных операций, которые фактически не осуществлялись, но оформлялись докумен-

тами бухгалтерского или налогового учета налогоплательщиками-заявителями.

3. Только в 11 постановлениях указаны отдельные документы первичного бухгалтерского или налогового учета либо налоговой отчетности с какими-то их реквизитами, содержащие недостоверную информацию.

4. Лишь в 8 постановлениях, хотя и фрагментарно, но указаны объекты налогообложения и возникающие из них налоговые обязанности в конкретном размере из названных искаженными фактов хозяйственной жизни.

5. В 18 постановлениях нет сведений, что налогоплательщики приводили доказательства. В 36 постановлениях упоминается, что заявители приводили доказательства, подтверждающие реальность хозяйственных операций и являющиеся основанием для налоговых вычетов, но без их изложения. После чего типично следовало: «Доводы кассационной жалобы о наличии в материалах дела доказательств, подтверждающих реальность хозяйственных операций со спорными контрагентами и являющихся основанием для налоговых вычетов по НДС, отклоняются судом кассационной инстанции, поскольку судами в ходе рассмотрения дела на основании совокупности исследования предоставленных в материалы дела доказательств установлена неправомерность заявленного налогового вычета по НДС со спорными контрагентами»⁵. При этом нет ссылок на материалы дел, листы решений налоговых органов и судебных актов с доказательствами опровержения доводов налогоплательщиков.

В 27 постановлениях есть изложение некоторых доказательств налогоплательщиков. В 5 из них отсутствует их оценка.

² URL: <http://kad.arbitr.ru/A55-26674-2019/843076> (дата обращения: 25.05.2025).

³ URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-5345-2022/1131763> (дата обращения: 25.05.2025).

⁴ URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-68187-2022/1141303> (дата обращения: 25.05.2025).

⁵ См., напр.: *Постановление* Арбитр. суда Москов. окр. от 8 июня 2023 г. по делу № А41-51523/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A41-51523-2022/1148797> (дата обращения: 25.05.2025); и др.

6. Лишь в 6 постановлениях имеются какие-то сведения о том, что суд определял «уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни». Но и в них отсутствуют расчеты уменьшения сумм подлежащих уплате налогов хотя бы точными ссылками на листы решений налоговых органов и судебных актов предшествующих инстанций, где бы такие расчеты были приведены.

7. Только в 5 постановлениях указано наличие у налоговых органов обязанности проведения налоговой реконструкции в целях определения действительной налоговой обязанности проверяемых налогоплательщиков. «Под налоговой реконструкцией в судебной практике понимается определение действительного размера экономически обоснованных расходов общества и их учета в целях налогообложения»⁶. Выводы по этому вопросу отсутствуют в 50 постановлениях. В остальных постановлениях отрицается обязанность налоговых органов устанавливать действительную налоговую обязанность проверяемых налогоплательщиков.

8. Содержание целей совершения сделок (операций) – неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога – не аргументировано (указано, что сделки совершены с названными целями без указания обстоятельств, подтверждающих такие цели) в 45 постановлениях. В 31 постановлении можно найти указания на какие-либо обстоятельства в умозаключениях о названных целях. В основном это обстоятельства, указываемые при квалификации деяний по п. 1 ст. 54.1 НК РФ. Ясное, самостоя-

тельное обстоятельство, обосновывающее указанную в подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ цель, выявлено только одно: закупая товар по определенной цене у взаимозависимой компании с налогоплательщиком-заявителем с минимальной наценкой, в последующем организации реализовывали тот же товар налогоплательщику-заявителю с наценкой, превышающей в разы первоначальную⁷.

9. Только в 2 постановлениях указаны названные налогоплательщиками экономически обоснованные цели совершения сделок (операций) с приведением налогоплательщиками каких-то доказательств законных целей совершения сделок (операций). Приведены мотивы отклонения этих доводов без указания средств доказывания.

10. В 25 постановлениях указаны лица, исполнившие обязательства по сделкам (операциям), не являющиеся сторонами договоров, заключенных с налогоплательщиками, и (или) лица, которым обязательства по исполнению сделок (операций) не переданы по договорам или закону. При этом в 20 постановлениях такими лицами указаны налогоплательщики-заявители. В остальных случаях обстоятельства, соответствующие подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ, не назывались, соответственно, прямой квалификации деяний налогоплательщиков по подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ не выявлено.

11. В 40 постановлениях, то есть почти в половине проанализированных судебных актов, указано на недоказанность налогоплательщиками обстоятельств своей невиновности и (или) обстоятельств, которые налоговый орган и суд считают освобождающими от налоговой ответственности.

⁶ См., напр.: *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 18 янв. 2023 г. по делу № А40-20237/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-20237-2022/1133677> (дата обращения: 25.05.2025); и др.

⁷ *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 23 мая 2023 г. по делу № А40-230185/2021 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-230185-2021/1170179> (дата обращения: 25.05.2025).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 54.1 введена в НК РФ Федеральным законом от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ⁸.

Налоговые органы и в некоторых случаях суды восприняли это дополнение НК РФ как ограничение прав налогоплательщиков и, соответственно, расширение возможностей налоговых органов по формированию недоимок по налогам. Такая позиция налоговых органов приведена, например, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 июля 2020 г. по делу № А27-17275/2019: «Инспекция возражает против удовлетворения кассационной жалобы согласно отзыву, полагает, что судом апелляционной инстанции правомерно применены положения статьи 54.1 НК РФ и не приняты расходы заявителя в полном объеме. Указывает, что положения статьи 54.1 НК РФ, являясь ужесточением требований к налогоплательщикам по соблюдению ими налогового законодательства, допускают (в указанных в статье случаях) полный отказ в возможности реализации прав на заявление налоговых вычетов и учет расходов; что нивелирование ужесточительных мер в виде ограничения в правах (в рассматриваемом случае на вычеты и расходы), введенных Федеральным законом от 18.07.2017 № 163-ФЗ, путем обратного восстановления всех прав исходя из обстоятельств, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, приводит к дисфункциональности статьи 54.1 НК РФ»⁹.

Установление п. 1 ст. 54.1 НК РФ конкретных юридических фактов, в совокупности порождающих запрет налогоплательщику уменьшать налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога, по логическому закону обратного соотношения объема и содержания понятия ограничило запрет налогоплательщику (объем понятия) введением формально-определенных признаков (юридических фактов). Поэтому верным логическим толкованием введения ст. 54.1 НК РФ является вывод не об «ужесточении требований к налогоплательщикам по соблюдению ими налогового законодательства», а о конкретизации обстоятельств и условий, порождающих запрет налогоплательщику¹⁰. В вышеуказанном Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 июля 2020 г. по делу № А27-17275/2019 в опровержение приведенного налоговым органом толкования дополнения НК РФ статьей 54.1 сказано: «В пояснительных записках к законопроекту № 529775-6 “О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” указано, что проект подготовлен с целью защиты налогоплательщиков, надлежащим образом исполняющих обязанности, предусмотренные законодательством о налогах и сборах».

То есть дополнение НК РФ статьей 54.1 явилось реализацией принципа формальной определенности закона, предполагающего точность и ясность законодательных предписаний, исключаящих

⁸ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ URL: <http://kad.arbitr.ru/A27-17275-2019/877812> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁰ См., напр.: *Определение Конституц. Суда Рос. Федерации* от 29 сент. 2020 г. № 2311-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *Постановление Арбитр. суда Урал. окр.* от 28 мая 2024 г. по делу № А07-30893/2022 // Электрон. правосудие. 2024. URL: <http://kad.arbitr.ru/A07-30893-2022/1250079> (дата обращения: 25.05.2025), *Постановление Арбитр. суда Сев.-Зап. окр.* от 29 мая 2024 г. по делу № А56-48948/2023 // Электрон. правосудие. 2024. URL: <http://kad.arbitr.ru/A56-48948-2023/1235663> (дата обращения: 25.05.2025).

произвольное его применение¹¹. О требованиях формальной определенности налоговых норм наиболее содержательно сказано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 24 марта 2017 г. № 9-П¹².

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ СУДОВ,
СОЗДАННЫЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Судебная практика фактически не реализует волю законодателя, применяя п. 1 ст. 54.1 НК РФ не по ее буквальному содержанию. Судебным правотворчеством введены:

1) необязательность установления и указания в решениях налоговых органов и в судебных актах в качестве оснований ответственности за нарушение ст. 54.1 НК РФ:

– конкретных фактов хозяйственной жизни с указанием места, времени, предмета (товара, продукции, услуг, денежных сумм);

– документов первичного бухгалтерского или налогового учета либо налоговой отчетности, в которых искажены проверяемые факты хозяйственной жизни, налогового учета и отчетности;

– следующих из проверяемых фактов хозяйственной жизни объектов налогообложения и возникающих из них налоговых обязанностей в конкретном размере;

– величины уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога по искаженным сведениям недостоверной налоговой отчетности относительно налоговых обязанностей, возникающих из действительных фактов хозяйственной жизни;

2) допустимость для налоговых органов и судов обоснования нарушения ст. 54.1 НК РФ обстоятельствами, не предусмотренными данной статьей, вводимыми произвольно и без ограничений: «техническими организациями», «налоговыми разрывами по уплате НДС по цепочке контрагентов», дроблением бизнеса, миграцией организаций в короткий промежуток времени и др.;

3) право налоговых органов и суда заочно (без привлечения в дело) на обвинение организаций и индивидуальных предпринимателей в деловой и налоговой недобросовестности не предусмотренным законом понятием «техническая организация» и запрет для не привлеченных в дело лиц на обжалование порочащих их деловую репутацию сведений,

¹¹ См., напр.: *По делу* о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 июля 1999 г. № 11-П; *По делу* о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 мая 2003 г. № 9-П; *По делу* о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П; *По делу* о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П; *По делу* о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П; *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 4 марта 2021 г. № 5-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² *По делу* о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кулбацкого и В. А. Чапланова: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 марта 2017 г. № 9-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

содержащихся в описательной и мотивировочной частях судебных актов¹³;

4) право суда на расширение по собственной инициативе объема налогового обвинения путем указания на пункты и подпункты ст. 54.1 НК РФ, не приведенные в решении налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности;

5) право, а не обязанность налогового органа и суда на исследование и оценку доказательств налогоплательщика, подтверждающих реальность хозяйственных операций¹⁴.

Кроме того, по тем же критериям проанализировано еще 100 судебных актов, выбранных в СПС «КонсультантПлюс» по ссылке к ст. 54.1 НК РФ на дату обращения 13 июня 2024 г. в убывающем порядке. В 90 кассационных постановлениях полностью, в 6 частично отказано в удовлетворении заявлений налогоплательщиков об оспаривании решений налоговых органов с приведенными правовыми положениями.

В большинстве судебных актов даже при декларируемых иногда презумпции добросовестности налогоплательщиков и обязанности налоговых органов опровергать реальность спорных сделок и доказывать, что основной целью заключения налогоплательщиками сделок являлось не получение результатов предпринимательской деятельности, а получение налоговой экономии, на налогоплательщиков возлагается обязанность доказывать:

– реальность хозяйственных операций;
– не предусмотренные ст. 54.1 НК РФ и вводимые произвольно и без ограничений налоговыми органами и судами обстоятельства, подтверждающие отсутствие нарушений ст. 54.1 НК РФ;

– действительный размер своих налоговых обязательств при оспаривании налоговыми органами реальности хозяйственных операций.

Но при этом судебной практикой установлены такие правовые позиции:

5.1) налоговый орган по своему усмотрению определяет обстоятельства и доказательства для привлечения налогоплательщика к ответственности и вправе скрывать доказательства невиновности налогоплательщика: «На налоговый орган законодательством о налогах и сборах возложена обязанность прилагать к акту налоговой проверки не все полученные в ходе налоговой проверки документы, а только документы, которые подтверждают факты нарушения налогоплательщиком норм законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе налоговой проверки, чтобы налогоплательщик имел возможность с ними ознакомиться и представить свои возражения.

С учетом изложенного нормы НК РФ не предусматривают право проверяемого налогоплательщика на ознакомление с документами, не отраженными в акте налоговой проверки. В этой связи представление налоговым органом лицу,

¹³ *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 нояб. 2021 г. № 305-ЭС21-15612 по делу № А40-77108/2020 ; *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 июня 2024 г. № 305-ЭС24-10864 по делу № А40-115353/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., напр.: *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 16 февр. 2023 г. по делу № А40-28893/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-28893-2022/1141106> (дата обращения: 26.05.2025) ; *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 6 марта 2023 г. по делу № А40-29405/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-29405-2022/1122355> (дата обращения: 26.05.2025) ; *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 24 марта 2023 г. по делу № А40-98693/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-98693-2022/1142373> (дата обращения: 26.05.2025) ; *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 18 апр. 2023 г. по делу № А40-92899/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-92899-2022/1134253> (дата обращения: 26.05.2025) ; *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 20 апр. 2023 г. по делу № А40-178804/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-178804-2022/1148746> (дата обращения: 26.05.2025) ; *Постановление* Арбитраж. суда Москов. окр. от 8 июня 2023 г. по делу № А41-51523/2022 ... ; и др.

в отношении которого проводилась налоговая проверка, материалов налоговой проверки, не связанных с выявленными налоговым органом нарушениями законодательства о налогах и сборах, не нарушает его прав и законных интересов.

Ссылка Общества, что Инспекцией не были допрошены все работники Общества, не свидетельствует о необоснованности выводов Инспекции в отношении данных контрагентов»¹⁵;

5.2) суд вправе произвольно отказывать в удовлетворении ходатайств заявителя об истребовании и проверке доказательств действительности хозяйственных операций: «Довод о неправомерном отклонении ходатайства Общества о вызове свидетелей подлежит отклонению, поскольку суд самостоятельно определяет круг доказательств по делу и решает вопрос об удовлетворении (отказе в удовлетворении) ходатайства (ст. 159 АПК РФ)»¹⁶. Произвольно отказывается в проведении экспертизы¹⁷, приобщении документов, в том числе подтверждающих невозможность самостоятельного выполнения обвиняемым комплекса работ¹⁸;

5.3) суд не обязан давать оценку всем доказательствам или доводам сто-

рон: «Доводы заявителя жалобы о том, что судом не была дана оценка всем доводам Общества, отклоняются судебной коллегией, поскольку нормы статей 170 и 271 АПК РФ не предъявляют конкретных требований к фактической полноте судебных актов. Указание арбитражными судами только выводов, в том числе по итогам непосредственной оценки документов, содержание которых исключает согласие суда с доводами участвующего в деле лица, не является нарушением указанных норм процессуального права.

В определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2017 г. № 305-КГ17-13553 указано, что неотражение в судебных актах всех имеющихся в деле доказательств и доводов Заявителя не свидетельствует об отсутствии их надлежащей судебной проверки и оценки. Данная позиция подтверждается сложившейся судебной практикой, в том числе Определениями Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 302-КГ16-16864, от 27 марта 2017 г. № 304-КГ17-1427, от 29 ноября 2016 г. № 304-КГ16-15626»¹⁹.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 18 апр. 2023 г. по делу № А40-92899/2022 ...

См. также: Постановление Арбитражного суда Дальневост. окр. от 15 июня 2017 г. по делу № А73-10135/2016 // Электрон. правосудие. 2017. URL: <http://kad.arbitr.ru/A73-10135-2016/413062> (дата обращения: 26.05.2025); Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 20 апр. 2023 г. по делу № А40-178804/2022 ...

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019 // Электрон. правосудие. 2020. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-167841-2019/871507> (дата обращения: 26.05.2025). См. также: Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 16 февр. 2023 г. по делу № А40-28893/2022 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 6 марта 2023 г. по делу № А40-29405/2022 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 27 марта 2023 г. по делу № А41-78569/2021 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A41-78569-2021/1138668> (дата обращения: 26.05.2025); Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 8 июня 2023 г. по делу № А41-51523/2022 ...

¹⁷ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 27 марта 2023 г. по делу № А41-78569/2021 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 27 апр. 2023 г. по делу № А40-91502/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-91502-2022/1143737> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁸ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 6 марта 2023 г. по делу № А40-29405/2022 ...; Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 24 апр. 2023 г. по делу № А40-115373/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-115373-2022/1168126> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁹ См. также: Постановление Арбитражного суда Сев.-Кавказ. окр. от 7 июня 2022 г. по делу № А63-16131/2020 // Электрон. правосудие. 2022. URL: <http://kad.arbitr.ru/A63-16131-2020/1084575> (дата обращения: 26.05.2025); Постановление Арбитражного суда Москов. окр. от 30 марта 2023 г. по делу № А40-51965/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-51965-2022/1128560> (дата обращения: 26.05.2025).

Без опровержений представленных налогоплательщиком доказательств действительности конкретных хозяйственных операций они признаются фиктивными²⁰;

5.4) отсутствует преюдиция действительности сделок в делах об обжаловании решений налоговых органов, не признающих судебные решения: «Ссылки заявителя на судебные акты по делам № А43-18971/2015, № А43-26063/2018, которыми установлено, что подрядные работы выполнены именно силами заявленных субподрядчиков, правомерно отклонены судом апелляционной инстанции, поскольку в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством»²¹;

5.5) презумпция достоверности доказательств, представленных налоговым органом, и отсутствие необходимости непосредственной судебной проверки доказательств, представленных налоговым органом. Из содержания подавляющего большинства постановлений следует, что суд самостоятельно не исследовал доказательства налоговых органов, а принимал их на веру по шаблону: «ин-

спекцией представлена достаточная совокупность доказательств в подтверждение обстоятельств»;

5.6) суды вправе применять ст. 54.1 НК РФ без установления соответствия фактических обстоятельств дела предусмотренным ею юридическим фактам: «Довод заявителя о неправильном применении судами норм материального права отклоняется судом округа, поскольку определение законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении дела, является прерогативой суда, разрешающего спор (ч. 1 ст. 168 АПК РФ)». При этом доводы заявителя о неправильном применении судами норм материального права не приведены, соответственно, не опровергнуты²².

ООО «ТД «Керамет»» и ООО «Керамет порошковая металлургия – насосное производство» с изложенным анализом судебной практики обжаловали в КС РФ положения ст. 54.1 НК РФ, а также ст. 42, п. 1 ч. 1 ст. 150 и п. 1 ч. 1 ст. 127.1, ч. 5 ст. 200 АПК РФ по смыслу придаваемому им приведенными правовыми позициями судебной практики. Определением КС РФ от 29 октября 2024 г. № 2684-О²³ отказано в принятии к рассмотрению этой жалобы, поскольку «заявители просят, выражая несогласие с принятыми судебными актами, проверить обоснованность этих судебных актов в связи с процессуальными нарушениями, допущенными, по их мнению,

²⁰ См., напр.: *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 17 мая 2023 г. по делу № А40-97035/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-97035-2022/1128828> (дата обращения: 26.05.2025); *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 29 мая 2023 г. по делу № А40-73337/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-73337-2022/1137092> (дата обращения: 26.05.2025); *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 6 июня 2023 г. по делу № А41-59845/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A41-59845-2022/1168955> (дата обращения: 26.05.2025).

²¹ *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 26 янв. 2023 г. по делу № А40-36336/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-36336-2022/1122222> (дата обращения: 26.05.2025). Аналогичное см.: *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 20 апр. 2023 г. по делу № А40-178804/2022 ...

²² *Постановление* Арбитражного суда Москов. окр. от 30 марта 2023 г. по делу № А40-51965/2022 ...

²³ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы обществ с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Керамет»» и «Керамет порошковая металлургия – насосное производство» на нарушение их конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, а также рядом положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации*: Определение Конституции Суда Рос. Федерации от 29 окт. 2024 г. № 2684-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правоприменительными органами, что не относится к компетенции Конституционного Суда РФ». В определении нет оценки обжалованным правовым позициям, созданным судебной практикой.

За последние три года вынесено 20 определений КС РФ по жалобам на неконституционность ст. 54.1 НК РФ, связанных с применением положений НК РФ, АПК РФ, Уголовного кодекса Российской Федерации. Их количество подчеркивает, что вышеизложенные положения представляют собой не единичные случаи, но отражают сложившуюся судебную практику, искажающую закон. Однако по данной категории дел не применяются положения ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»: «Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов»²⁴. Поэтому на применение ст. 54.1, п. 6 ст. 108 НК РФ, ч. 5 ст. 200 АПК РФ в соответствии с их буквальным содержанием в обозримом будущем надеяться нельзя.

В таких условиях необходимо выходить за рамки процедуры обжалования решений налоговых органов, установленной гл. 24 АПК РФ, положения которой в основном не реализуются судебной практикой, копирующей решения налоговых органов в судебные акты без исследования доказательств. Направлять к последнему на основании п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Феде-

рации (далее – ВС РФ) от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»²⁵ можно, заявляя иски о действительности хозяйственных операций с соистцами – участниками этих операций одновременно с требованиями последних о признании порочащими их деловую репутацию заочных постановлений налоговых органов наряду с требованиями о признании их недействительными в целом. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»²⁶ заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, указанным истцом, что затрудняет отказ судов в оценке доказательств иска.

Нигилизм к юридической технике при применении статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации

Учебное положение: «Решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны – тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой»²⁷.

Из части 2 ст. 65 АПК РФ следует, что арбитражным судом, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права, определяются обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, то есть в нормах права предусмотрены юридические

²⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. 2-е изд. М. : Проспект, 2008. С. 404.

факты, соответственно которым должны быть определены фактические обстоятельства дела. Суд «должен уяснить смысл выбранной им правовой нормы, т. е. ее содержание и связь между ней и конкретным фактом, правильно квалифицировав последний»²⁸.

Существование обстоятельств, на которые участники дела ссылаются как на основание своих требований и возражений, подлежит доказыванию (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, исходя из которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле (ч. 1 ст. 64 АПК РФ). В части 2 ст. 64 АПК РФ предусмотрены средства доказывания.

Однако в подавляющем большинстве проанализированных судебных актов отсутствует точное и последовательное изложение без смещения:

- юридических фактов, установленных пп. 1 и 2 ст. 54.1 НК РФ;
- обстоятельств дела, соответствующих этим фактам;
- доказательств (сведений об обстоятельствах дела, соответствующих юридическим фактам, установленным пп. 1 и 2 ст. 54.1 НК РФ);
- средств доказывания (источников доказательств).

Вместо обязательного доказывания обстоятельств, соответствующих юридическим фактам, установленным пп. 1 и 2 ст. 54.1 НК РФ, налоговые органы и суды при формальных ссылках на ст. 54.1 НК РФ обосновывают нарушение этой статьи не предусмотренными в ней обстоятельствами, вводимыми произвольно и без ограничений.

Понятию «искажение сведений о фактах хозяйственной жизни» из множественности формулировок нарушений налогоплательщиками п. 1 ст. 54.1 НК РФ, встречающихся в судебных актах, соответствуют:

– «недостоверность представленных первичных учетных документов» (притом что только в двух из 14 постановлений указаны какие-либо сведения о содержании недостоверности – доказательства этого обстоятельства);

– «работы выполнены самим заявителем-налогоплательщиком, а не “спорными” контрагентами».

В формулировке обстоятельства, соответствующего юридическому факту «искажение сведений о фактах хозяйственной жизни», должно содержаться указание на то, что именно искажено. Сведения о содержании недостоверности и соответствующие конкретные документы в судебных актах почти не приводятся, кроме указаний на недостоверность сведений в бухгалтерских документах о субъектах хозяйственных операций. В таком случае в качестве обстоятельства, соответствующего юридическому факту «искажение сведений о фактах хозяйственной жизни», должно обозначаться следующее: «лицо, указанное в договоре и в документах бухгалтерского и налогового учета как поставщик или исполнитель работ, не поставляло товар или не выполняло работы». Доказательствами этого обстоятельства могут быть часто указываемые в постановлениях как самостоятельные обстоятельства, предусмотренные п. 1 ст. 54.1 НК РФ, но в действительности не соответствующие его тексту:

– недоказанность существования юридического лица на момент совершения указанных в документах хозяйственных операций;

²⁸ По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И. В. Савченко : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 марта 2000 г. № 5-П // Рос. газ. 2000. 27 апр.

– отсутствие указанной в документах хозяйственных операций передачи товаров и денежных сумм;

– отсутствие документов, подтверждающих операции, необходимые для совершения спорных работ и поставок (списание спорного товара в производство, происхождение сырья и т. п.);

– отсутствие у юридического лица, указанного в первичных документах, необходимых ресурсов, персонала, условий, предусмотренных законодательством разрешений для выполнения соответствующих работ.

Однако часто называются и доказываются в обоснование нарушения п. 1 ст. 54.1 НК РФ обстоятельства, никак не соотносимые с понятием «искажение сведений о фактах хозяйственной жизни»:

– отсутствие проявления заявителем должной степени осмотрительности и осторожности при заключении сделки с организациями, непринятие мер по установлению деловой репутации контрагента;

– отсутствие документов, фиксирующих результаты поиска, мониторинга и отбора контрагента;

– аффилированность/взаимозависимость/подконтрольность налогоплательщика-заявителя и спорных контрагентов;

– нахождение спорных контрагентов по одному адресу;

– наличие в штате общества сотрудников спорных контрагентов;

– использование одних IP-адресов налогоплательщиками и спорными контрагентами для представления налоговой отчетности и (или) для работы в системах «Банк-Клиент», 1С и других.

Самым популярным и решающим для налоговых органов и судов обстоятельством, подводимым под ст. 54.1 НК РФ

по неизвестным логическим правилам соотношения понятий, является формальный документооборот с участием «технических компаний» (цепочка «технических компаний», наличие у спорного контрагента признаков «технической организации»). При этом в НК РФ не используется термин «технические организации».

Слово «технический» встречается в части 1 НК РФ 14 раз в словосочетаниях «техническое перевооружение имущества», «техническое обслуживание в ряду с ремонтом», «военно-техническое сотрудничество», в части 2 НК РФ – 192 раза в таких же значениях, а также в иных словосочетаниях, характеризующих объект правоотношений, но никак не в негативном определении субъекта.

Следовательно, не предусмотренное законом понятие «техническая организация» – не юридическое, а жаргонное, то есть употребляемое профессиональной группой в специфическом (не общеупотребительном) значении. На жаргоне налоговых органов и судов «технические организации» – это организации, изначально не ведущие реальной экономической деятельности, использующие формальный документооборот и не исполняющие свои налоговые обязательства. Судебными актами вводятся и другие признаки понятия «техническая организация»²⁹.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 мая 2023 г. по делу № А40-160152/2022³⁰ обосновывается применение ст. 54.1 НК РФ по непредусмотренным законом понятиям ссылкой не на закон, а на письмо Федеральной налоговой службы, не являющееся нормативным правовым актом, что представляется явным нарушением логического закона тождества: «Довод

²⁹ См., напр.: *Письмо* М-ва финансов Рос. Федерации от 10 окт. 2022 г. № БВ-4-7/13450@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *Постановление* Арбитр. суда Москов. окр от 15 мая 2023 г. по делу № А40-128887/2022 // Электрон. правосудие. 2023. URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-128887-2022/1140747> (дата обращения: 27.05.2025); и др.

³⁰ URL: <http://kad.arbitr.ru/A40-160152-2022/1157998> (дата обращения: 27.05.2025).

заявителя на отсутствие закрепленных в законодательстве понятий “фирма-однодневка”, “техническая компания”, судом отклоняется в силу следующего. Из Письма ФНС России от 24 июля 2015 г. № ЕД-4-2/13005@ следует, что под “фирмой-однодневкой” в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации, и т. д.».

Ссылка в решениях налоговых органов и в судебных актах на отношения налогоплательщиков с «техническими организациями», не предусмотренными законом (на неюридическую фикцию), является достаточным основанием для освобождения налоговых органов и судов от обязанности принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налоговых обязательств налогоплательщиков, и позволяет вменить им налог в размере большем, чем это установлено законом³¹. Так суды вместо правосудия осуществляют фискальную функцию.

Такому смещению четырех элементов процесса доказывания юридически значимых обстоятельств дела препятствовало бы использование в решении дел программы «Лазер»-ИП-ГПК-2020³². Она обязывает судью последовательностью окон и открывающихся полей вводить в них четкие формулировки названных элементов. При указании обстоятельства, не соответствующего понятию юридического факта, возражение налогоплательщика вело бы к окнам толкования права.

При проверке аргументов сторон с помощью меню программы приемов, прежде всего, языкового и логического способов толкования права маловероятна процветающая в судебной практике подмена налоговыми органами юридических фактов, предусмотренных ст. 54.1 НК РФ, обстоятельствами, им не соответствующими. Соответственно, пришлось бы подвести итог о недоказанности юридического факта выбором вывода «Названное обстоятельство не соответствует юридическому факту». Программа также требовала бы представления судьей аргументов об относимости и допустимости каждого приводимого налоговыми органами доказательства юридически значимых обстоятельств. Так, как это сделано в крайне редком случае: «Тот факт, что П. являлся бывшим работником ООО “Волгтрансстрой”, не свидетельствует о нереальности хозяйственных операций и получении заявителем необоснованной налоговой выгоды»³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отказ от нормативизма, то есть от норм и принципов права и юридической техники их применения, в том числе по правилам лингвистики и логики, — путь к беззаконию.

Отказ от «узконормативного понимания права» в налоговых спорах ведет к незаконному присуждению и изъятию налогов, что равнозначно признакам рэкета — вымогательства платы в отсутствие законных обязательств перед рэкетиром. И наоборот, строгое следование букве закона является гарантией прав налогоплательщиков.

При отсутствии реальной судебной защиты налогоплательщиков в порядке

³¹ См., напр.: *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 мая 2021 г. № 309-ЭС20-23981. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³² Программа зарегистрирована в Реестре программ для ЭВМ 27 июля 2021 г. (свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386). См. также: *Поляков С. Б., Гилев И. А.* Система правоприменительных операций. М. : Юрлитинформ, 2023. 352 с.

³³ *Постановление* Арбитраж. суда Поволж. окр. от 22 мая 2024 г. по делу № А12-6176/2023 // Электрон. правосудие. 2024. URL: <http://kad.arbitr.ru/A12-6176-2023/1243208> (дата обращения: 27.05.2025).

обжалования решений налоговых органов предлагается заявлять требование о признании действительными хозяйственных операций, отрицаемых налоговым органом, направляя суд к исследованию оснований

иска по правилам искового производства, одновременно с требованием о признании недействительным решения налогового органа, тем самым затрудняя суду копирование решения налогового органа.

Список литературы

1. Шафиров В. М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 3–8. DOI: https://doi.org/10.52433/01316761_2022_04_03
2. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма : моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.
3. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.12737/21518>
4. Винницкий Д. В. Добросовестность, обоснованность выгоды, пределы осуществления прав, или Как российское налоговое право оказалось на передовых рубежах борьбы со злом, гнездящимся в налогоплательщиках // Закон. 2018. № 11. С. 44–57.
5. Дементьев И. В. Налоговое правоприменение: смена правовых парадигм // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 96–106. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.9>
6. Демин А. В. Диспозитивность в налоговом праве : моногр. М. : Проспект, 2020. 184 с.
7. Демин А. В., Молина А. Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-37-45>

References

1. Shafirov V. M. Law and Morals in the Human Dimension. *Russian Justice*. 2022;4:3-8. DOI: https://doi.org/10.52433/01316761_2022_04_03 (In Russ.)
2. Tsvetkov Yu. A. *The Games Judges Play: Deconstruction of Justice and Judicial Activity in the Paradigm of Legal Realism*. Moscow: YuNITI-DANA Publ.; 2023. 383 p. (In Russ.)
3. Cherdantsev A. F. Integrative Misunderstanding Law. *Journal of Russian Law*. 2016;10:5-15. DOI: <https://doi.org/10.12737/21518> (In Russ.)
4. Vinnitskiy D. V. Integrity, Justified Benefit, Scope of Exercise of Rights, or How Russia's Tax Law Moved To the Forefront of the Fight Against Taxpayers' Vices. *Statute*. 2018;11:44-57. (In Russ.)
5. Dementev I. V. Tax Enforcement: the Change of Paradigm. *Journal of Russian Law*. 2019;8:96-106. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.9> (In Russ.)
6. Demin A. V. *Dispositivity in Tax Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. 184 p. (In Russ.)
7. Demin A. V., Molina A. Yu. Unjustified Tax Benefit: from the Judicial Doctrine to the Anti-Avoidance Rule. *Juridical Journal of Samara University*. 2022;8(4):37-45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-37-45> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Борисович Поляков, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Студенческая, 38, Пермь, 614070, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент, адвокат; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>; e-mail: psb59@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergei B. Polyakov, Professor of the Department of Civil and Business Law at the National Research University Higher School of Economics, City of Perm (38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Attorney; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>; e-mail: psb59@rambler.ru

Поступила | Received
06.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
17.03.2025

Принята к публикации | Accepted
30.04.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-201-214

EDN: BSHEYJ

Оригинальная научная статья

Соответствует ли Конституции Российской Федерации принцип федерализма в законодательном регулировании административной ответственности?

Т. З. Зокиров

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

✉ turgunboy.zokirov@yvk.com

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены вопросы легитимности принципа федерализма в институте административной ответственности. Данный принцип выражается в разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации по установлению и применению мер административной ответственности. Вместе с тем в административно-правовой науке высказаны сомнения в конституционности данного принципа. Приведены различные правовые позиции высших судов Российской Федерации и судов общей юрисдикции, а также мнения ведущих российских ученых-административистов по этому вопросу. Выдвигается несколько тезисов в поддержку конституционности принципа федерализма в административной ответственности. Аргументирована необходимость разделения принципов федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности, связанная не только с несопоставимым содержанием таких принципов, но и с различными основаниями их конституционно-правовой легитимности. Определено, что наиболее устойчивой является конституционно-правовая легитимность принципа федерализма в процессуальном регулировании административной ответственности, по крайней мере, в части возбуждения дел об административных правонарушениях должностными лицами юрисдикционных органов субъектов Российской Федерации. Обосновано, что в федеральном законодательстве, правоприменительной практике и административно-правовой науке допускаются некоторые неточности в толковании правовых позиций, содержащихся в определениях Конституционного Суда Российской Федерации, по вопросу легитимности принципов федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности. Делаются выводы о признании Конституционным Судом Российской Федерации легитимности широкой конкурирующей компетенции Российской Федерации и ее субъектов в области правового регулирования административной ответственности, а также о возможном существовании напрямую неназванных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях, некоторые элементы которых можно обнаружить при толковании ст.ст. 1.3 и 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: принцип федерализма; административная ответственность; административное правонарушение; опережающее правовое регулирование; конкурирующая компетенция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зокиров Т. З., 2025

Для цитирования: Зокиров Т. З. Соответствует ли Конституции Российской Федерации принцип федерализма в законодательном регулировании административной ответственности? // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 201–214. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-201-214>. EDN: <https://elibrary.ru/bsheyj>

Original scientific article

Does the Principle of Federalism in the Legislative Regulation of Administrative Liability Comply with the Constitution of the Russian Federation?

T. Z. Zokirov

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ turgunboy.zokirov@vk.com

Abstract. This article addresses the legitimacy of the principle of federalism within the institution of administrative liability. This principle is reflected in the distribution of powers and jurisdictions between the Russian Federation and its constituent entities concerning the establishment and enforcement of administrative liability measures. At the same time, the field of administrative legal science has raised legitimate concerns regarding the constitutional validity of this principle. The article presents various legal positions expressed by the highest courts of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, and leading Russian scholars in administrative law on the matter. Several arguments are put forward in support of the constitutional legitimacy of federalism in the sphere of administrative liability. In particular, the article justifies the need to distinguish between the principles of federalism in the substantive and procedural aspects of administrative regulation. This distinction is necessary not only due to the fundamentally different content of each, but also because of the differing constitutional and legal foundations for their legitimacy. It is argued that the principle of federalism enjoys its most stable constitutional and legal footing in the procedural regulation of administrative liability – at least in the context of initiating administrative offense proceedings by officials of jurisdictional bodies in the constituent entities of the Russian Federation. The article further identifies certain inconsistencies in federal legislation, judicial practice, and administrative legal scholarship in the interpretation of the Constitutional Court's positions regarding the legitimacy of federalist principles in both the substantive and procedural domains of administrative liability. Conclusions are drawn regarding the recognition by the Constitutional Court of the Russian Federation of the legitimacy of the broad, competing competence shared by the Russian Federation and its constituent entities in the field of administrative regulation. Furthermore, the article points to the likely existence of matters of joint jurisdiction in this domain – even if not explicitly named in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Elements of such joint competence can be inferred through interpretation of Articles 1.3 and 1.3.1 of the Code.

Keywords: principle of federalism; administrative liability; administrative offense; anticipatory legal regulation; concurrent competence

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Zokirov T. Z. Does the Principle of Federalism in the Legislative Regulation of Administrative Liability Comply with the Constitution of the Russian Federation? *Siberian Law Review*. 2025;22(2):201-214. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-201-214>. EDN: <https://elibrary.ru/bsheyj> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Принцип федерализма представляет собой универсальное начало, предполагающее широкую децентрализацию правового регулирования и государственного управления по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов. Данный принцип, согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, распространяется на административное и административно-процессуальное законодательство, в том числе на законодательство об административных правонарушениях.

Вопросы федерализма в законодательстве об административных правонарушениях освещены в работах А. П. Шергина, М. С. Студеникиной, Б. А. Старостина, М. Я. Масленникова, К. Г. Филанта, И. В. Максимова, Б. В. Россинского, Я. В. Васильевой и других ученых. Эта тема исследуется и нами.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) принцип федерализма напрямую не провозглашен, однако логически вытекает из ряда норм КоАП РФ, устанавливающих разграничение предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях.

Обоснованную обеспокоенность научного сообщества вызывает вопрос о легитимности данного принципа. Неоднозначное отношение к этому принципу демонстрирует и судебная практика, выводы которой зачастую трактуются искаженно. Существующие в науке позиции, подтверждающие или опровергающие легитимность принципа федерализма в административной ответственности, не могут претендовать на роль завершения правовой дискуссии, поскольку представляются недостаточно полными.

Принцип федерализма в административной ответственности рассматривается

во взаимосвязи, прежде всего, с материальным законодательством об административных правонарушениях. Разграничение федеральной и региональной компетенции в области производства по делам об административных правонарушениях зачастую исследуется как самостоятельная проблема. Мы убеждены, что вопросы федерализма в законодательстве об административных правонарушениях должны рассматриваться комплексно.

Посредством логического и индуктивного метода, а также методов юридической герменевтики формулируются следующие гипотезы. Во-первых, предлагается разделение принципов федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности ввиду разных оснований их конституционно-правовой легитимности. Во-вторых, определяется, что наименее уязвимой является конституционно-правовая легитимность принципа федерализма в процессуальном регулировании административной ответственности. В-третьих, отмечаются методологические и логические ошибки, допускаемые при уяснении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) по данной проблеме. В-четвертых, определен смысл правовых позиций КС РФ, касающихся вопроса легитимности принципов федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности. В-пятых, дается предположение о существовании прямо неназванных в КоАП РФ, но выводимых из правовых позиций КС РФ предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях, некоторые элементы которых можно выявить в ст.ст. 1.3 и 1.3.1 КоАП РФ.

**СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА
ФЕДЕРАЛИЗМА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КАК ОСНОВА РЕШЕНИЯ ВОПРОСА
ЕГО ЛЕГИТИМНОСТИ**

Административная ответственность является одним из немногих видов юридической ответственности, допускающих децентрализованное регулирование и правоприменение. Законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях, продолжая сложившуюся в советском административном праве традицию, предусматривает участие субъектов федерации в определении противоправности и наказуемости административных правонарушений.

В рамках проведенных ранее исследований установлено, что суть принципа федерализма в административной ответственности заключается в полицентризме законодательного регулирования и правоприменения, выраженном в дифференциации возможностей публичной власти федеративного государства по обеспечению законности посредством административной ответственности, применительно к специфике субъектов федерации и с учетом местной специфики¹.

Принцип федерализма напрямую не провозглашен ни в КоАП РФ, ни в большинстве других отраслей законодательства². Данный принцип выводится, прежде всего, из положений ст.ст. 1.1, 1.3, 1.3.1 КоАП РФ, предусматривающих разграничение федеральной и региональной компетенций.

Закрепление принципа федерализма в КоАП РФ не означает беспорность существования данного принципа. Ряд правоведов воспринимает данный принцип как не согласующийся с требованиями Конституции Российской Федерации, прежде всего с ч. 3 ст. 55 Основного закона РФ, предполагающей возможность ограничения прав и свобод человека не иначе как федеральным законом [1, с. 68]. Предусмотренные региональным законодательством административные штрафы, налагаемые во внесудебном порядке, также воспринимаются отдельными авторами как нарушение ч. 3 ст. 35 Конституции РФ³. Пункт «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, по *предположению* М. Я. Масленникова, не предназначался для административной ответственности, поскольку в термин «административное законодательство» разработчики текста Конституции вкладывали совершенно иной смысл, имея в виду «только позитивное, сугубо управленческое законодательство, исполнительно-распорядительную деятельность» [2, с. 30]. Что интересно, М. Я. Масленников не отрицал конституционную легитимность регионального законодательства об административных правонарушениях, но отрицал его легитимность с позиций *неконституционных* предписаний ст. 1.3 КоАП РФ, которые, по справедливому замечанию автора, «фактически лишили субъекты РФ права в законодательном порядке решать административно-процессуальные вопросы, не решенные федеральным законодательством» [2, с. 31].

¹ *Зокиров Т. З.* Принцип федерализма в правовом регулировании административной ответственности в области лицензионно-разрешительной системы // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сб. докл. XI москов. юрид. форума (XXIV междунар. науч.-практ. конф.). Москва, 8–12 апр. 2024 г. : в 3 ч. М. : Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. Ч. 3. С. 70.

² Принцип федерализма в настоящее время поименован лишь в числе основных начал федерального законодательства о государственной службе. См.: п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (*Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2003. № 22, ст. 2063).

³ *Агапов А. Б.* Административная ответственность : учеб. для магистров. 4 изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 29.

При этом внесудебное наложение такого административного наказания, как предупреждение, не оспаривается. См.: *Старостин Б. А.* Административная ответственность по законодательству субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 151.

Как отмечается в науке, «наделение субъектов РФ законодательной компетенцией в вопросах административной ответственности давно вызывает *ощутимое неприятие* среди представителей отечественной юридической науки, продиктованное соображением его конституционной несостоятельности» [3, с. 9] (курсив наш. – Т. 3.). Если «ощутимое неприятие» регионального законодательства об административных правонарушениях, защищающего отношения, предусмотренные ст. 72 Конституции РФ, можно понять (КоАП РФ мог бы совместить все составы административных правонарушений, посягающих на предметы совместного ведения РФ и субъектов РФ), то как быть с защитой предметов ведения субъектов РФ (ст. 73 Конституции РФ)? Федерация их защищать не вправе. А в отсутствие ответственности нет и общеобязательности правовых актов, принятых по предметам ведения регионов.

Большинство ученых не использует в своих работах термины «принцип федерализма» или «федерализм», говоря лишь о полномочиях субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях. Наибольшее внимание уделяется вопросам материального регулирования административной ответственности. Процессуальные же нормы многие административисты не рассматривают с позиции проблемы легитимности принципа федерализма.

Но принцип федерализма в административной ответственности, как следует из ст.ст. 1.3, 1.3.1 и некоторых норм разделов III и IV КоАП РФ, представляет собой сложную правовую конструкцию, касающуюся и материальных, и процессуальных отношений в области административной ответственности.

В материальных нормах КоАП РФ и законодательства субъектов РФ, принцип федерализма предполагает разгра-

ничение федеральной и региональной компетенций по определению противоправности и наказуемости деяний как административных правонарушений. В процессуальных же нормах данный принцип предполагает разграничение компетенции федеральных и региональных субъектов административной юрисдикции (чч. 2–5 ст. 1.3, пп. 2–6.1 ч. 1, чч. 4 и 5 ст. 1.3.1 КоАП РФ).

Материальный и процессуальный аспекты принципа федерализма в административной ответственности имеют не только неодинаковое, несопоставимое содержание, но и разные основания легитимности. Думается, что проще обосновать легитимность процессуального аспекта принципа федерализма в административной ответственности.

Существование субъектов административной юрисдикции, хотя бы в части мировых судей [4] и должностных лиц органов исполнительной власти РФ, передающих мировым судьям дела об административных правонарушениях, согласуется со ст. 10 Конституции РФ, устанавливающей разделение властей. Во взаимосвязи с ч. 2 ст. 11 Основного закон РФ, определяющей осуществление населением субъекта РФ публичной власти как государственную власть, эта норма предоставляет конституционную гарантию наличия в субъектах РФ собственных органов исполнительной и судебной власти, *относительно* обособленных от органов исполнительной и судебной власти публично-правового образования высшего порядка – Российской Федерации. Следовательно, это *нерушимая*⁴ гарантия формирования субъектами РФ собственных органов административной юрисдикции.

Функциональное единство федеральной и региональной систем субъектов административной юрисдикции гарантируется ч. 2 ст. 77 и ч. 3 ст. 118

⁴ Исходя из усложненного порядка пересмотра главы 1 Конституции РФ.

Конституции РФ, устанавливающих, соответственно, единую систему исполнительной власти в Российской Федерации и судебную систему Российской Федерации. Можно сказать, что федеральные и региональные субъекты административной юрисдикции в своей совокупности образуют функциональную подсистему единой системы публичной власти.

Что касается сомнений в легитимности внесудебного наложения административных штрафов субъектами региональной административной юрисдикции, то уместно вспомнить ряд правовых позиций КС РФ, обосновавших непротиворечие Конституции РФ внесудебного порядка наложения денежных взысканий при условии последующего судебного контроля⁵, что предполагает проверку законности и обоснованности результата административного усмотрения⁶ [5]. Но даже если согласиться с противниками внесудебных штрафов, процессуальный аспект принципа федерализма в административной ответственности никуда не денется, пока за органами исполнительной власти субъектов РФ будут оставаться полномочия по выявлению таких административных правонарушений и передаче дел о них мировым судьям.

Легитимность материального аспекта принципа федерализма в административной ответственности обоснована в трудах многих административистов, изучавших проблему установления административных правонарушений в законах субъектов РФ. В их работах дается иное тол-

кование конституционных положений, которыми их оппоненты обосновывали нелегитимность полномочий регионов [6, с. 4–5; 7]⁷. По сути, доводы сторонников легитимности материального аспекта принципа федерализма в административной ответственности сводятся к признанию вторичности законодательства субъектов РФ об административных правонарушениях по отношению к КоАП РФ. Базовыми гарантиями законности являются установленные КоАП РФ допустимые виды административных наказаний, а также предельные величины административного штрафа, которые субъект РФ не вправе увеличить [8, с. 152]. Мы согласны с этой точкой зрения.

Разное содержание и разные основания легитимности материального и процессуального аспектов принципа федерализма в административной ответственности позволяют предположить существование отдельных принципов федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности. Этому могут способствовать идеи о самостоятельности (или хотя бы обособленности) административно-процессуального права [9; 10, с. 95]. Если доводы о легитимности принципа федерализма в процессуальном регулировании административной ответственности звучат достаточно убедительно, то для поддержки доводов о легитимности принципа федерализма в материальном регулировании административной ответственности необходимо обращение к судебной практике.

⁵ См., напр.: *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Конопко Андрея Эдуардовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 12 и 24 Федерального закона «Об административной ответственности юридических лиц (организаций) и индивидуальных предпринимателей за правонарушения в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 окт. 2002 г. № 232-О.* Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Подробнее о проблеме административного усмотрения см.: *Соловей Ю. П.* Усмотрение в административной деятельности советской милиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 150 с.

⁷ *Васильева Я. В.* Совершенствование законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях (по материалам Северо-Западного федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 32–33.

**ВОПРОС ЛЕГИТИМНОСТИ
ПРИНЦИПОВ ФЕДЕРАЛИЗМА
В МАТЕРИАЛЬНОМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 1 ОКТЯБРЯ 1998 Г. № 145-О**

Как выразилась М. С. Куликова, перефразировавшая слова Г. Харта: «Трактуй одинаковые случаи одинаково при одинаковых социально-экономических условиях, и разные – по-разному при разных» [11, с. 67]. Суды в условиях несовершенства законодательства своими правовыми позициями призваны содействовать выстроению надлежащей правоприменительной практики, учитывая при этом социально-экономические условия. Но правовые позиции должны быть еще и согласованными, принимающими во внимание позиции высших судов.

Особенную важность судебная практика имела до вступления в силу КоАП РФ. Например, в ряде судебных решений судов общей юрисдикции отмечалось, что полномочия субъектов Российской Федерации *исчерпывающе* определены ст. 6 КоАП РСФСР⁸. Вместе с тем эта статья не имела никакого отношения ни к представительным органам субъектов РФ, ни к самим субъектам РФ.

Ошибочность правовой позиции судов общей юрисдикции показало Определение КС РФ от 1 октября 1998 г. № 145-О⁹ (далее – Определение № 145-О), напомним о необходимости соотносить положения законодательства с действую-

ющей Конституцией РФ. Любопытно, что такой же довод ранее был отклонен Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) в схожем деле¹⁰. Следовательно, полномочия субъектов РФ в области административной ответственности до пересмотра федерального законодательства об административных правонарушениях строились по типу конкурирующей компетенции.

Определением № 145-О установлены сохраняющие актуальность условия правомерности правового регулирования административной ответственности в субъектах РФ. В науке нередко цитируется часть правовой позиции, согласно которой субъект РФ *«не вправе вторгаться в те сферы общественных отношений, регулирование которых составляет предмет ведения Российской Федерации, а также предмет совместного ведения при наличии по данному вопросу федерального закона, и обязан соблюдать общие требования, предъявляемые к установлению административной ответственности и производству по административным делам»* [12, с. 18] (курсив наш. – Т. 3.).

При этом авторы зачастую цитируют и первую часть правовой позиции, в соответствии с которой субъекты РФ вправе принимать собственные законы в области административных правонарушений, *если они не противоречат федеральным законам, регулирующим те же правоотношения*. При *отсутствии* федерального закона субъект РФ *вправе осуществлять собственное правовое регулирование* [13, с. 36] (курсив наш. – Т. 3.).

⁸ См., напр.: *Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам* : обзор судебной практики Верхов. Суда Рос. Федерации // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1998. № 8 ; *Решение* судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 21 нояб. 1997 г. по делу № 3-96/97 ; *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 июля 1998 г. № 56-ВПР98-4 ; и т. д. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ *По запросу* Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности части первой статьи 6 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 1 окт. 1998 г. № 145-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 49, ст. 6102.

¹⁰ *Определение* Верховного Суда Рос. Федерации от 20 февр. 1998 г. № 51-Г98-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Из этого следует, что субъекты РФ могут устанавливать административную ответственность *при наличии федеральных законов, регулирующих «те же правоотношения»*, но одновременно не вправе устанавливать административную ответственность в рамках предмета совместного ведения, *когда уже есть федеральный закон, принятый по данному вопросу в рамках этого предмета*. Думается, это нарушает логический закон исключенного третьего, в соответствии с которым среди двух *противоположных* высказываний истинным может быть только одно.

Кроме того, разве могут «те же правоотношения» быть вне одного и того же предмета ведения? Если могут, то тогда нарушается логический закон соотношения части («то же правоотношение») и целого («тот же предмет ведения»). Ведь федеральные законы могут приниматься лишь по вопросам ст.ст. 71 и 72 Конституции РФ. Только в рамках «тех же предметов совместного ведения», предусмотренных ст. 72 Конституции РФ, федеральные законы и законы субъектов РФ могут приниматься по «тем же правоотношениям».

Поэтому мы считаем не вполне верным вывод, будто бы субъект РФ не вправе установить административную ответственность за нарушение региональных норм, принятых в соответствии с федеральными нормативными правовыми актами [14, с. 119]. Иначе региональные нормы об административной ответственности за нарушение региональных норм

в сфере благоустройства¹¹, охраны здоровья¹² и подобных должны быть признаны недействующими, ведь на федеральном уровне уже есть Градостроительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹³ и т. д.

Проблема заключается в неточном, ограничительном толковании текста Определения № 145-О. «Те же правоотношения», регулируемые федеральным законом, – это *регулятивные*, позитивно-управленческие отношения, на защиту которых и направлена конкурирующая компетенция в области административной ответственности. А федеральный закон «по данному вопросу» в рамках предметов совместного ведения, о наличии которого говорит КС РФ при формулировании запрета вторгаться в компетенцию РФ, – это федеральный законодательный акт, содержащий нормы административной ответственности. Вторжением будет подмена уже имеющихся норм федерального законодательства об административных правонарушениях, посягательство на уже реализованную федеральную компетенцию, которую некоторое время суды не возбраняли, что уже нами отмечалось¹⁴. Не будет вторжения при установлении охраны тех правоотношений, которые государство не защитило.

Определение № 145-О было принято до вступления в силу КоАП РФ в условиях множественности федеральных законов

¹¹ Например, глава 1 Закона Калужской области от 28 февраля 2011 г. № 122-ОЗ «Об административных правонарушениях в Калужской области» (*Весть*. 2011. 4 марта.).

¹² Например, ст. 2.21 Закона Белгородской области от 4 июля 2002 г. № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» (*Белгород. известия*. 2002. 9 июля.).

¹³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ *Зокіров Т. З.* Некоторые аспекты реализации принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности (на примере субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа) // Российский следователь. 2023. № 4. С. 55–56. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-4-53-57>

Так, Верховным Судом Республики Бурятия отмечено: «...дублирование норм Федеральных законов в сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ *не запрещено*, но при этом Закон субъекта РФ не должен противоречить Федеральному закону» (курсив наш. – Т. З.). См.: *Решение* Верховного Суда Республики Бурятия от 30 июля 2001 г. (Бурятия. 2001. 4 сент.).

об административной ответственности. Отсутствие конкретного административно-правового запрета за нарушение даже федеральных норм позволяло субъектам РФ самостоятельно полностью защищать «те же правоотношения», о которых говорилось в Определении № 145-О, даже урегулированные федеральными правовыми актами¹⁵.

Следовательно, правовая позиция КС РФ о допустимости административно-деликтного регулирования субъектами РФ, изложенная в Определении № 145-О, предопределяет требование согласованности законов субъектов РФ об административных правонарушениях нормам федерального регулятивного законодательства и запрещает подмену уже существующих федеральных норм об административных правонарушениях, не препятствуя восполнению пробелов административно-правовой защиты. В своей совокупности они определяют конституционно-правовую легитимность развитой конкурирующей компетенции РФ и ее субъектов.

КС РФ не подменяет законодателя, а лишь определяет допустимость (то есть легитимность) как действующего федерального законодательства, так и возможных законодательных решений [15, с. 337]. Формулируя условия легитимности материального аспекта принципа федерализма в административной ответственности, КС РФ не препятствует уточнению разграничения предметов ведения.

В связи с этим действующий КоАП РФ предусматривает право субъекта РФ защищать лишь собственные и муниципальные акты. Полагаем, что конституционно-правовых препятствий закрепления конкурирующей компетенции по защите федеральных норм нет.

**Вопрос легитимности
принципов федерализма
в материальном и процессуальном
регулировании административной
ответственности в Определении
Конституционного Суда
Российской Федерации
от 8 апреля 2004 г. № 137-О**

Мы не исключаем и ограничительное толкование законодателем выводов, данных в Определении № 145-О, что выражается в использовании в п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ категории «вопросы, имеющие федеральное значение», смысл которой КоАП РФ не раскрывает. Его раскрыл КС РФ в своем Определении от 8 апреля 2004 г. № 137-О¹⁶ (далее – Определение № 137-О): вопросы федерального значения ограничены предметами ведения РФ в соответствии со ст. 71 Конституции РФ.

Пленум ВС РФ, вопреки Определению № 137-О, использовал расширительное толкование спорной категории, указав, что субъектами РФ не может быть установлена административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных законами и другими нормативными актами Российской

¹⁵ Так, административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в отсутствие соответствующих норм на федеральном уровне устанавливалась субъектами РФ (см., напр.: *Об административной ответственности за санитарные правонарушения* : Закон Респ. Татарстан от 24 февр. 2000 г. № 74 // Респ. Татарстан. 2000. 25 марта). Но при следовании упомянутой правовой позиции КС РФ в ее ограничительном толковании региональные законы должны были быть нелегитимны, поскольку Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (*Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1999. № 14, ст. 1650) по предмету совместного ведения уже был принят, хоть и не был защищен ни КоАП РСФСР, ни собственными нормами.

¹⁶ *Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности статей 15.14, 15.15, 15.16 и 23.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 8 апр. 2004 г. № 137-О // *Вестник Конституц. Суда Рос. Федерации*. 2004. № 6.

Федерации¹⁷. То есть к исключительному ведению РФ относилось установление административно-правовой защиты любым федеральным нормам, независимо от того, по каким предметам они приняты. В науке мнения также разделились [16, с. 242; 17, с. 89].

Любопытно, что Определение № 137-О содержит следующую интересную позицию: «...субъекты Российской Федерации, вопреки утверждению заявителя, не лишены статьями 15.14, 15.15 и 15.16 КоАП Российской Федерации *полномочий по установлению административной ответственности*, в том числе в определенных сферах финансового регулирования»¹⁸ (курсив наш. – Т. 3.). Значит, Определением № 137-О явно подтверждена легитимность конкурирующей компетенции в области материального регулирования административной ответственности в части средства частичного преодоления пробелов в федеральной административно-правовой защите. Выходит, что выводы КС РФ, изложенные в Определении № 145-О, были ошибочно истолкованы федеральным законодателем, правоприменителем и административно-правовой наукой в качестве ограничивающих предметы ведения субъектов РФ.

Возможно, стоит говорить о прямо неназванных в КоАП РФ, но выводимых из правовой позиции, данной в Определении № 137-О, предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях, охва-

тывающих отношения, предусмотренные ст. 72 Конституции РФ.

Некоторые *элементы* предметов совместного ведения РФ и субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях можно вывести из ст.ст. 1.3 и 1.3.1 КоАП РФ. Тем не менее полноценное деление предметов ведения на три блока¹⁹ будет возможно лишь при внесении уточняющих поправок в КоАП РФ.

Полагаем, что наиболее точно выраженными предметами совместного ведения в области законодательства об административных правонарушениях в действующем КоАП РФ может быть установление административной ответственности за нарушение нормативных актов федеральной территории (п. 3.1 ч. 1 ст. 1.3 и п. 1.2 ч. 1 ст. 1.3.1), а также определение административно-юрисдикционных полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ (ч. 5 ст. 1.3, чч. 3–5 ст. 1.3.1) и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (ч. 3 ст. 1.3, пп. 3, 4 ч. 1 ст. 1.3.1).

Помимо этого, в ст. 1.3.1 КоАП РФ могут иметься как элементы совместного ведения РФ и ее субъектов (в части защиты отношений, предусмотренных ст. 72 Конституции РФ), так и элементы ведения субъектов РФ (в части защиты отношений, предусмотренных ст. 73 Конституции РФ), опосредующие принцип федерализма в материальном регулировании административной ответственности.

К сожалению, правовая позиция, изложенная в Определении № 137-О, также

¹⁷ См., напр., абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2005. № 6).

¹⁸ Данные статьи Особенной части КоАП РФ, вследствие допущенной ошибки в положениях о подведомственности дел о таких административных правонарушениях только федеральным органам (ст. 23.7 КоАП РФ), не могли защищать региональные и местные бюджеты.

¹⁹ Наиболее четкое деление предметов ведения в области законодательства об административных правонарушениях на три блока наблюдалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1961. № 35, ст. 368).

была понята иначе в контексте искаженного ограничительного толкования Определения № 145-О. Так, О. В. Панкова упомянула правовую позицию, изложенную в Определении № 137-О в части уточнения категории «вопросы, имеющие федеральное значение» [18, с. 49]. Но здесь же автор, игнорируя позицию КС РФ о возможности преодоления субъектом РФ пробелов КоАП РФ, пишет: «Наличие в федеральном законодательстве нормы, регулирующей общественные отношения в сфере ведения Российской Федерации, а также в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, исключает возможность установления в региональном законе нормы об административной ответственности в этой сфере» [18, с. 54]. Согласиться с этой точкой зрения мы можем лишь частично: субъект РФ действительно не вправе вмешиваться в отношения, перечисленные в ст. 71 Конституции РФ, но ограничение административно-деликтного регулирования по вопросам ст. 72 Конституции несовместимо с институтом совместного ведения. Это демонстрирует позиция, изложенная в Определении № 137-О, относительно допустимости преодоления пробелов Особенной части КоАП РФ.

Ссылка О. В. Панковой на Определение КС РФ от 1 декабря 2005 г. № 429-О²⁰ [18, с. 54] (далее – Определение № 429-О), напомнившей об условиях правомерности опережающего регулирования, не подтверждает конституционность ограничения региональной компетенции по этому вопросу. Региональные законы, как отмечает КС РФ, «не должны противоречить федеральным законам, в том числе Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях».

Каким же федеральным законам не должны противоречить законы субъектов РФ об административных правонарушениях, если КоАП РФ уже назван? Именно регулятивным, касающимся «тех же правоотношений», о чем сказано в Определении № 145-О. Значит, наличие федерального регулятивного закона не препятствует административно-деликтному регулированию в субъекте РФ. «Не должен противоречить» не равно «не должен сохранять свою силу и подлежит утрате силы». Наконец, в мотивировочной части Определения № 429-О имелась ссылка на правовую позицию, изложенную в Определении № 137-О, которая, как напомнил КС РФ, «сохраняет свою силу».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, принцип федерализма в административной ответственности можно разделить на принципы федерализма в материальном и процессуальном регулировании административной ответственности. Эти принципы различаются не только по своему содержанию, но и по основаниям конституционной легитимности.

Во-вторых, менее уязвимой представляется легитимность принципа федерализма в процессуальном регулировании административной ответственности, поскольку большинством ученых не оспариваются полномочия должностных лиц органов исполнительной власти субъектов РФ возбуждать дела об административных правонарушениях, передавать их по подведомственности судьям либо самостоятельно назначать административное наказание в виде предупреждения.

²⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Томской области о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 1.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 1 дек. 2005 г. № 429-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, выявлена неточность в толковании научным сообществом, судебной практикой и законодателем правовых позиций КС РФ, касающихся легитимности принципа федерализма в административной ответственности.

В-четвертых, обосновано, что, вопреки придаваемому смыслу, правовые позиции КС РФ исходят из признания развитой конкурирующей компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в области административной ответственности, в том числе опережающего регулирования административной ответственности и преодоления пробелов Особенной части КоАП РФ.

В-пятых, обосновано возможное существование напрямую неназванных в КоАП РФ, но выводимых из правовых позиций КС РФ, предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях. Данные предметы частично опосредуются через отдельные положения ст.ст. 1.3 и 1.3.1 КоАП РФ, однако о полноценном существовании предметов совместного ведения в КоАП РФ можно говорить только после внесения соответствующих поправок в Кодекс.

Список литературы

1. Шергин А. П. Конституционные основы административно-деликтного законодательства // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 65–70.
2. Маслеников М. Я. Перспективы развития регионального законодательства об административной ответственности // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 30–32.
3. Князев С. Д. Еще раз о кодификации законодательства об административной ответственности в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-2-6-14>
4. Щепалов С. В. К вопросу о несменяемости мирового судьи // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 53–56.
5. Зайцев Д. И. Административное усмотрение в зарубежной науке: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Рос. Федерации, заслуж. юриста Рос. Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, 25 марта 2022 г. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова ; сост.: А. И. Каплунов, Н. М. Крамаренко. СПб. : С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2022. С. 200–203.
6. Студеникина М. С. Основные новеллы Кодекса РФ об административных правонарушениях // Закон. 2002. № 7. С. 3–12.
7. Киринов А. В. Дискуссионные аспекты толкования конституционных основ административной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 47–50. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-47-50>
8. Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 480 с.
9. Попов Л. Л. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль российского права // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 9–11.
10. Старостин С. А. О предмете административного процесса как самостоятельной отрасли отечественного права // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам ежегод. всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Рос. Федерации, заслуж. юриста Рос. Федерации Аврутина Юрия Ефремовича : в 3 ч. СПб. : С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2017. Ч. 1. С. 88–102.
11. Куликова М. С. Роль социальных и экономических факторов при разработке теоретических моделей // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1 (6). С. 62–68.
12. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9–22.
13. Хаманева Н. Ю. Кодекс РФ об административных правонарушениях: история и современность (к 90-летию профессора Н. Г. Салищевой) // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 35–39.
14. Зырянов С. М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 105–126. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.098>

15. Правосудие в современном мире : моногр. / [В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 719 с.
16. Демин А. В. Актуальные проблемы регионального законодательства об административных правонарушениях // Административное право на рубеже веков : межвуз. сб. науч. тр. / [под ред. Д. Н. Бахраха]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 241–252.
17. Филант К. Г. Проблемы законотворчества субъектов Российской Федерации в сфере регулирования административной ответственности // Юстиция. 2005. № 3. С. 88–95.
18. Панкова О. В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / под ред. О. А. Егоровой. М. : Статут, 2014. 440 с.

References

1. Shergin A. P. Constitutional Bases of Administrative Delictual Laws. *Administrative Law and Procedure*. 2018;12:65-70. (In Russ.)
2. Maslennikov M. Ya. Ways of Evolution of Regional Legislation on Administrative Amenability. *Russian Justice*. 2007;9:30-32. (In Russ.)
3. Knyazev S. D. Codification of Laws on the Administrative Liability Within the Framework of Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation Revisited. *Administrative Law and Procedure*. 2022;2:6-14. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-2-6-14> (In Russ.)
4. Shchepalov S. V. On the Question of Irremovability of Justices of the Peace. *Russian Justice*. 2008;12:53-56. (In Russ.)
5. Zaitsev D. I. Administrative Discretion in Foreign Legal Scholarship: Theoretical and Legal Aspects. In: Kaplunov A. I. (Ed.). *Current Issues in Administrative and Administrative-Procedure Law (Sorokin Readings)*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2022. P. 200–203. (In Russ.)
6. Studenikina M. S. Key Innovations in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Statute*. 2002;7:3-12. (In Russ.)
7. Kirin A. V. Discussion Aspects of the Interpretation of Constitutional Bases of the Administrative Liability. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;2:47-50. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-47-50> (In Russ.)
8. Serkov P. P. *Administrative Responsibility in Russian Law: Current Understanding and New Approaches*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2012. 480 p. (In Russ.)
9. Popov L. L. Administrative Procedure Law as an Independent Branch of the Russian Law. *Administrative Law and Procedure*. 2019;5:9-11. (In Russ.)
10. Starostin S. A. On the Subject Matter of the Administrative Process as an Independent Branch of Domestic Law. In: *Current Issues in Administrative and Administrative-Procedure Law. Pt. 1*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2017. P. 88–102. (In Russ.)
11. Kulikova M. S. The Role of Social and Economic Factors in the Development of Theoretical Models. *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024;1:62-68. (In Russ.)
12. Salisheva N. G. Problems of the Legal Regulation of the Institute of Administrative Responsibility in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2014;9:9-22. (In Russ.)
13. Khamaneva N. Yu. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: History and Modern Times (Dedicated to the 90th Anniversary of Professor Nadezhda Salisheva). *Administrative Law and Procedure*. 2014;9:35-39. (In Russ.)
14. Zyryanov S. M. Problems of Construction of Administrative Offence Elements in the Articles of the Special Part of the Russian Code of Administrative Offences. *Journal of Russian Law*. 2020;8:105-126. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.098> (In Russ.)
15. Anishina V. I., Artemov V. Yu., Bol'shova A. K. etc. *Justice in the Modern World*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2014. 719 p. (In Russ.)
16. Demin A. V. Current Issues in Regional Legislation on Administrative Offenses. In: Bakhrakh D. N. (Ed.). *Administrative Law at the Turn of the Century*. Yekaterinburg: Ural University Publ.; 2003. P. 241–252. (In Russ.)
17. Filant K. G. Challenges in Legislative Activity of the Constituent Entities of the Russian Federation in Regulating Administrative Liability. *Justice*. 2005;3:88-95. (In Russ.)
18. Pankova O. V. *Judicial Review of Administrative Offenses in Courts of General Jurisdiction*. Moscow: Statut Publ.; 2014. 440 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тургунбой Зокирович Зокиров, ассистент кафедры административного права и процесса имени Л. Л. Попова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, Москва, 123242, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4042-3136>; SPIN-код: 4873-4375; ResearcherID: MDS-5668-2025.

ABOUT THE AUTHOR

Turgunboy Z. Zokirov, Assistant of the Department of Administrative Law and Process named after L. L. Popov at the Kutafin Moscow State Law University (9 bldg. 1 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123242, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4042-3136>; SPIN: 4873-4375; Researcher ID: MDS-5668-2025.

Поступила | Received
09.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.03.2025

Принята к публикации | Accepted
30.04.2025

УДК 349.6:341
DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-215-226
EDN: CLKQVG

Оригинальная научная статья

Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, как природоохранный инструмент

Р. Ю. Колобов

Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Российская Федерация

✉ roman.kolobov@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье констатируется распространенность приема включения в списки в природоохранной деятельности, обращается внимание на различные виды таких списков, закрепленных в источниках международного права. Приводятся статистические сведения об объектах, включенных в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, анализируются исторические предпосылки появления данного списка. Показывается особая роль международной кампании по спасению храма Рамзеса II в Абу-Симбел и святилища Иисуса на острове Филе в создании системы охраны всемирного наследия. Исследуются нормативные основания включения в анализируемый список, закрепленные в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Выявляется важная роль Руководства по выполнению указанной Конвенции, проводится ретроспективный анализ его положений по вопросам включения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Подчеркивается важная роль решений общего характера Комитета всемирного наследия в определении политики по рассматриваемым вопросам, а также документов методического характера, разрабатываемых его консультативными органами. Показываются эволюция решения вопроса о необходимости выражения согласия государства, на территории которого находится наследие, на включение объекта в анализируемый список и обстоятельства, послужившие причиной изменения этих подходов. Приводятся примеры острого неприятия отдельными государствами решения о признании находящихся под угрозой объектов, расположенных на их территории. Исследуется практика включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в случае наступления сформулированных Комитетом всемирного наследия условий. Выявляются особенности определения ожидаемого состояния сохранности объекта для исключения объекта из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, и программы корректирующих мер. Отмечается возможность приостановки финансирования потенциально опасных проектов, влекущих включение объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, со стороны организаций банковского сектора. Формулируется вывод о необходимости реалистичной оценки потенциала анализируемого списка с учетом реального состояния международной нормативной системы.

Ключевые слова: всемирное наследие; ЮНЕСКО; Комитет всемирного наследия; экологическое право; международное право

Финансирование. Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Колобов Р. Ю. Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, как природоохранный инструмент // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 215–226. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-215-226>. EDN: <https://elibrary.ru/clkqvg>

Original scientific article

The List of World Heritage in Danger as an Environmental Protection Instrument

R. Yu. Kolobov

A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Irkutsk, Russian Federation

✉ roman.kolobov@gmail.com

Abstract. This article highlights the widespread use of listing as a tool in environmental protection, drawing attention to various types of lists established under international legal instruments. It provides statistical data on properties inscribed on the List of World Heritage in Danger and analyzes the historical context of its emergence. Particular attention is given to the pivotal role of the international campaign to rescue the Temple of Ramses II at Abu Simbel and the Sanctuary of Isis on Philae Island, which significantly contributed to the establishment of the global system for the protection of World Heritage. The legal foundations for inclusion on the List, as set out in the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, are examined. The article underscores the critical importance of the Operational Guidelines for the Implementation of the Convention, offering a retrospective analysis of their provisions regarding the inscription of properties on the List of World Heritage in Danger. Special emphasis is placed on the decisions of a general nature adopted by the World Heritage Committee, which play a key role in shaping policy in this area, as well as on the technical and methodological documents developed by its advisory bodies. The evolution of the principle of state consent in the inscription process is explored, along with the circumstances that prompted a shift in approach. The article discusses instances where individual states strongly opposed the designation of sites on their territory as “in danger.” It also analyzes the practice of inscription based on the occurrence of specific conditions outlined by the World Heritage Committee, identifying the criteria used to assess the expected state of conservation of a property and the development of corrective action plans. Additionally, the article highlights the potential for financial institutions, including those in the banking sector, to suspend funding for high-risk projects that could lead to a site being placed on the List of World Heritage in Danger. Ultimately, the Author concludes that a realistic assessment of the List's potential is required, one that takes into account the actual state of the international regulatory framework governing World Heritage conservation.

Keywords: world heritage; UNESCO; World Heritage Committee; environmental law; international law

Funding. The research was conducted as part of the state assignment of the Russian Academy of Sciences, Project No. 125013001144-6.

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Kolobov R. Yu. The List of World Heritage in Danger as an Environmental Protection Instrument. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):215-226. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-215-226>. EDN: <https://elibrary.ru/clkqvg> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Прием листинга (включения в списки) используется в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере охраны природы. Помимо анализируемого Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой (далее также –

красный список), который ведется Комитетом всемирного наследия ЮНЕСКО (далее – Комитет), в международной нормативной системе сформировались перечни видов животных и растений, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой

фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения¹, первого и второго приложения к Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных², протокола Монтрё (список водно-болотных угодий международного значения, где в результате технологического развития, загрязнения или иного вмешательства человека произошли, происходят или могут произойти изменения экологического характера угодья) [1] и других видов списков, выражающих обеспокоенность человека состоянием определенных компонентов окружающей среды.

Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, представляет собой один из существенных инструментов влияния на отношения по сохранению уникальных природных объектов в соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Конвенция)³. По состоянию на январь 2025 г. в красном списке находится 56 объектов, 15 из них относятся к объектам всемирного природного наследия. Одиннадцать таких объектов находится в Африке (включая Мадагаскар), один – в США, два – в Центральной Америке и один – на Соломоновых островах в юго-западной части Тихого океана⁴.

Настоящая статья направлена на восполнение явного дефицита специализированных исследований, посвященных регулированию отношений, связанных

с включением объектов в указанный список.

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ ПОД УГРОЗОЙ

Идеология *спасения* уникальных творений человека и природы является одной из причин появления Конвенции. Как известно, толчком к ее принятию послужило объединение усилий международного сообщества в 50–60-х гг. XX в. для спасения памятников Нубии, которым угрожало затопление вследствие планируемого строительства Асуанской плотины [2; 3]. По этой причине общие условия включения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, были сформулированы в самом тексте Конвенции⁵.

Пункт 4 ст. 11 Конвенции содержит обширный перечень характеристик анализируемого списка, многие из которых в последующие годы становились предметом толкования Комитетом. Указанное положение закрепляет в качестве общего положения, что в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, вносятся объекты, для спасения которых требуются значительные работы и для которых в рамках установленных процедур запрошена помощь, причем отдельным предложением определяется необходимость указания

¹ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (вместе с «Перечнем видов млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий, рыб, беспозвоночных и растений, экспорт, реэкспорт и импорт...»): заключена в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г. // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключ. СССР с иностр. гос-вами. М., 1978. Вып. XXXII. С. 549–562.

² Appendices I and II of the Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals (CMS) // Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals. 2025. URL: https://www.cms.int/sites/default/files/uploads/revised-appendices_cop14_e.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: заключена в г. Париже 16 нояб. 1972 г. // Сб. междунар. договоров СССР. М., 1990. Вып. XLIV. С. 496–506.

⁴ World Heritage List // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/?search=&danger=1&components=1&order=country&&type=> (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ В отличие от некоторых других природоохранных инструментов системы охраны всемирного наследия, регулирование которых обеспечивается основным подконвенционным актом – Руководством по выполнению конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Речь идет прежде всего об оценке воздействия на наследие и планах управления объектами всемирного природного наследия.

прямой стоимости операций. Авторы Конвенции сочли необходимым привести достаточно подробный перечень примерных угроз, обуславливающих включение в рассматриваемый список. К их числу относятся не только такие факторы естественного характера, как землетрясения, оползни и извержения вулканов, но и угрозы сугубо антропогенного характера, связанные с проектами проведения крупных общественных или частных работ, а также быстрое развитие городов и туризма.

В случае чрезвычайных обстоятельств (англ. *urgent need*) Комитет наделен правом незамедлительного включения объекта в красный список. Компетенция установления критериев такой инскрипции также закрепляется п. 5 ст. 11 Конвенции.

Пункт 1 ст. 13 и ст. 20 Конвенции регламентируют наиболее общие вопросы предоставления международной помощи для сохранения объектов, включенных в красный список, а п. «а» ст. 22 Конвенции закрепляет такую ее форму, как проведение исследований различных проблем, связанных с охраной наследия, включенного в один из двух основных списков системы охраны всемирного наследия – Список всемирного наследия и Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

Основная часть специального регулирования отношений, связанных с нахождением объекта в Списке всемирного наследия, находящегося под угрозой, обеспечивается Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия⁶ (далее – Руководство). Его ретроспективный анализ показывает расширение и детализацию этих правил по мере развития системы охраны всемирного наследия.

В первой редакции Руководства 1977 г. этому вопросу посвящались лишь положения п. 3, констатирующие компетенцию Комитета по включению в анализируемый список⁷. В 1983 г. в Руководстве появляются более детальные правила об основаниях включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой⁸. В пунктах 52–59 Руководства 1983 г. закрепляется необходимость разработки корректирующих мер, возможность отправки Комитетом миссии консультативных органов для оценки состояния объекта, а также необходимость принятия решения двумя третями голосов. Пункт 57 Руководства 1983 г. отдельно закреплял необходимость направления значительной части средств Фонда всемирного наследия на финансирование проектов международной помощи государствам, на территории которых находятся объекты, внесенные в красный список.

В действующей редакции Руководства рассматриваемые вопросы регулируются отдельным разделом IV.B (пп. 177–191), где отражены условия и критерии включения в анализируемый список, последние из которых разделены в зависимости от принадлежности объекта к категории культурного (п. 179) или природного наследия (п. 180). Каждый блок критериев, в свою очередь, подразделяется на угрозы потенциального и установленного характера. Пункты 183–191 Руководства описывают процедурные вопросы включения объектов в красный список.

Значительную роль в охране всемирного наследия играют решения общего характера, принимаемые Комитетом. К примеру, в объемном Решении Комитета 44 COM 7.1 вопросам включения объектов в Список

⁶ URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus (дата обращения: 15.01.2025).

⁷ *Operational Guidelines for the World Heritage Committee* CC-77/CONF.001/8 : Paris, 30 June 1977 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide77a.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Committee* WHC/2 Revised (November 1983) // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide83.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

всемирного наследия, находящегося под угрозой, и исключения из него посвящено девять пунктов, содержащих как идеологические целеполагания, так и весьма конкретные рекомендации относительно формирования анализируемого списка⁹.

Большое значение имеют документы, подготавливаемые консультативными органами Комитета и получающие поддержку в его решениях. К их числу относится Руководство по составлению ожидаемого состояния сохранности объектов для их исключения из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой. Комитет приветствовал принятие этого документа в Решении 37 COM 7A.40, призвав консультативные органы и Центр всемирного наследия (далее – Центр) продолжать оказывать методическое содействие государствам-участникам¹⁰. Определенное влияние на политику в сфере включения объектов в красный список играют и научные исследования, проводимые по поручению Комитета. К примеру, в 2022 г. было проведено масштабное исследование, посвященное анализу восприятия анализируемого института, среди управляющих объектами всемирного наследия и иных должностных лиц в системе охраны всемирного наследия¹¹. На его основании было подготовлено методическое руководство, посвященное необходимым действиям в сфере охраны объектов всемирного наследия, включенных в красный список¹². Эти документы также получают поддержку Комитета в решениях общего характера¹³.

УСЛОВИЯ И КРИТЕРИИ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ ПОД УГРОЗОЙ

Общие условия включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, сформулированы в п. 177 Руководства: а) объект входит в Список всемирного наследия; б) объекту угрожает серьезная и конкретная опасность; в) для сохранения объекта необходимо выполнение крупномасштабных работ; г) в отношении объекта запрашивалось содействие в рамках Конвенции, которое может быть запрошено любым членом Комитета или Секретариатом Комитета.

Последнее условие отражает решение крайне непростой проблемы о необходимости получения согласия государства, на территории которого находится объект для рассматриваемого листинга. На нее обращал внимание еще в 1983 г. председатель Комитета Ральф Слэттер, указав в своем выступлении, что положения Конвенции предполагают запрос помощи перед включением объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, однако государство вполне может и не запрашивать такой помощи. Тогда Комитет в случае утраты объектом выдающейся универсальной ценности будет вынужден исключить его из Списка, не воспользовавшись возможностями, которые дает последний¹⁴. Этот вопрос решался в разное время по-разному и нередко приобретал весьма острый политический окрас.

⁹ *Statutory matters related to Reactive Monitoring* : Decision 44 COM 7.1 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7677> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁰ *Guidance for the drafting of the Desired State of Conservation for the Removal of properties from the List of World Heritage in Danger (DSOCR)* : Decision 37 COM 7A.40 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5017/> (дата обращения: 15.01.2025).

¹¹ *New Visions for the List of World Heritage in Danger // Beyond Borders Media*. 2022. P. 8. URL: <https://whc.unesco.org/document/200830> (дата обращения: 15.01.2025).

¹² *Implementing New Visions: A Guidebook for Action on the List of World Heritage in Danger* // UNESCO. 2024. URL: <https://whc.unesco.org/document/207660> (дата обращения: 15.01.2025).

¹³ См., напр.: *State of Conservation of World Heritage Properties* : Decision 46 COM 7 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8469> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁴ *Report of the Rapporteur SC/83/CONF.009/8*, Paris, January 1984 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/archive/1983/sc-83-conf009-8e.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

Анализ решений Комитета, его Бюро, консультативных органов и Центра показывает, что примерно до второй половины 90-х гг. XX в. в практике охраны уникальных объектов доминировала позиция о необходимости получения согласия соответствующего государства для включения объекта в красный список. Первым объектом, внесенным в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в 1979 г. был Природный и культурно-исторический район Котор (Черногория, бывшая часть Югославии). Он был одновременно включен в Список всемирного наследия и Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в порядке чрезвычайного листинга, поэтому волеизъявление Югославии не вызывало сомнений¹⁵.

В отношении второго объекта, включенного в красный список в 1982 г., – Старого города в Иерусалиме и его крепостных стен – поступило предложение Иордании, но этот случай еще не может рассматриваться как проявление закономерности в виду особого статуса города Иерусалима [4]. Вместе с тем обращает на себя внимание использование слова «номинация» для включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой (не используемое на настоящий момент), что предполагает волеизъявление соответствующих государств¹⁶.

Первые три объекта *природного* наследия были внесены в красный список

в 1984 г., и в отношении каждого из них запрашивалось согласие государств, на территории которых они находятся¹⁷. Очень ярко позиция тех лет о необходимости получения согласия на листинг в рассматриваемом списке проявила себя в ситуации с национальный парком Таи (Кот-д'Ивуар). Власти этого государства не отвечали на предложения о включении объекта в красный список, в результате чего включение в данный список так и не состоялось¹⁸. Такая практика продолжалась вплоть до начала 1990-х гг., когда в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, был включен объект «Старый город в Дубровнике» без согласия органов власти Югославии, на территории которой он был расположен¹⁹. Такое решение было вызвано исключительными обстоятельствами, связанными с началом военного конфликта, сопровождавшего распад Югославии, и необходимостью принятия срочных действий по сохранению уникального объекта культурного наследия [6].

События, связанные с угрозой выдающейся универсальной ценности Дубровника, послужили толчком к пересмотру Руководства в части определения оснований для включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. В 1994 г. такие изменения были отражены в основном «подконвенционном» акте системы охраны всемирного наследия. В подпункте IV п. 69 Руководства

¹⁵ *Consideration of Nominations to the World Heritage List* : Decision 3 COM XII.46 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2203> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁶ *Nomination of the “Old City of Jerusalem and its Walls” to the list of World Heritage in danger* : Decision 6 COM X.28-35 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5284> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁷ К ним относятся национальный парк Гарамба (Демократическая Республика Конго), Орнитологический резерват Джудж (Сенегал) и охраняемая область Нгоронгоро (Танзания). См.: *Nominations to the List of World Heritage in Danger* SC/84/CONF.004/4, Paris, 10 October 1984 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/archive/1984/sc-84-conf004-4e.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁸ *SOC: Tai National Park (Cote d'Ivoire)* : Decision 9 COM XIII.B // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/3878> (дата обращения: 15.01.2025). При этом Национальный парк потерял значительную часть растительности на периферии [5].

¹⁹ *Inscription on the List of World Heritage in Danger: Dubrovnik (Yugoslavia)* Decision 15 COM VII // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/3482> (дата обращения: 15.01.2025).

появилось положение, прямо указывающее на то, что международная помощь, о запросе которой говорится в п. 4 ст. 11 Конвенции, может быть запрошена любым государством, являющимся стороной этого договора.

Принятие этих изменений был призвано внести юридическую определенность, однако не сняло остроты проблемы, и с середины 90-х г. XX в. наблюдается нарастание острого неприятия Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, и нового подхода, позволяющего осуществлять листинг без согласия государства. Яркий пример такого отношения демонстрирует Эфиопия. В 1996 г. в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, был включен расположенный на территории этого государства национальный парк Сымен²⁰. Эта ситуация привела к тому, что власти Эфиопии отказались принять выделенные Комитетом средства на проведение семинара природоохранной тематики, поскольку намеревались добиваться пересмотра решения Комитета²¹.

Установление условий включения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, предусмотренных п. 177 Руководства, должно сопровождаться выявлением критериев, закрепленных применительно к объектам всемирного природного наследия в п. 180 Руководства. Как отмечалось, эти критерии делятся на две группы: в первую попадают факторы, представляющие установленную опасность, во вторую – потенциальную.

К первой группе относятся: 1) значительное сокращение в результате естественных или антропогенных факторов; 2) значительное нарушение естественной

красоты или научной ценности объекта; 3) наступление хозяйственной деятельности на границы объекта или окружающие участки, угрожающее целостности объекта. Во вторую группу критериев входят: 1) изменение юридического охранного статуса объекта; 2) развитие проектов по переселению и застройке, угрожающие объекту; 3) возникновение или угроза вооруженного конфликта; 4) отсутствие или недостаточность плана или системы управления либо неполная их реализация; 5) угрожающие воздействия разнообразных факторов, связанных с окружающей средой.

Действующие угрожающие факторы и (или) их пагубное воздействие должны поддаваться коррекции в результате деятельности человека (п. 181 Руководства). Кроме того, Руководство закрепляет целый ряд дополнительных факторов, которые необходимо принимать во внимание при принятии решения о включении объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой (п. 182). Среди этих разнообразных факторов необходимо отметить, в частности, то, что система охраны всемирного наследия не идеализирует вопросы охраны природы и признает, что уникальные природные объекты, включенные в Список всемирного наследия, существуют не в вакууме, и угрозы объекту должны оцениваться в соответствии с естественной эволюцией социальных и экономических условий, в которых он существует (ч. «i» подп. «с» п. 182 Руководства).

Количественная оценка причин включения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, разнится в виду динамичности этого процесса

²⁰ *Properties Inscribed on the List of World Heritage in Danger* : Decision 20 COM VIII.A.4 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. <https://whc.unesco.org/en/decisions/2966> (дата обращения: 15.01.2025). Миссия ЮНЕСКО, посетившая этот объект, установила, что около 80 % его территории использовались в сельскохозяйственных целях местными жителями [7, р. 85].

²¹ *Report of the World Heritage Committee WHC-98/CONF.203/18*, Paris, 29 January 1999 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/archive/1998/whc-98-conf203-18e.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

и различной оценки соответствующих факторов. Однако в целом в науке признается, что наиболее распространенными причинами являются война и гражданские беспорядки (около 40 %), а также проекты строительства [8, р. 292; 9, р. 44, 48].

С процедурной точки зрения включение объекта в красный список осуществляется, как правило, по результатам миссий реагирующего мониторинга. Консультативные органы и Центр проводят изучение состояния объекта и степень воздействия угрожающих ему факторов, на основании которых формулируют рекомендации Комитету. Пункт 169 Руководства определяет целями реагирующего мониторинга в том числе анализ состояния сохранности объектов, включенных или подлежащих включению в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

Изучение практики принятия решений Комитетом показывает, что он далеко не всегда прислушивается к мнению консультативных органов и Центра. Так, нередко рекомендация о включении объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, трансформируется в констатацию такой возможности в случае отсутствия существенного прогресса в выполнении мероприятий по сохранению объекта. В некоторых случаях включение в красный список происходит при условии делегирования принятия решения Бюро Комитета. Подобная ситуация имела место в 1996 г. в отношении такого объекта всемирного природного наследия (далее – ОВПН), как Галапа-

госские острова (Эквадор). В ходе продолжительных дебатов на 20-й сессии Комитета всемирного наследия делегаты не смогли выработать единогласное решение по вопросу о включении данного объекта в красный список. В результате было принято решение о листинге с 15 ноября 1997 г., если только не поступит письменный отчет о принятии эффективных мер по сохранению объекта, оценить которые должно Бюро Комитета²².

Такой прием использовался Комитетом и в последующих решениях. Например, в 2004 г. при анализе состояния сохранности трансграничного ОВПН «Куршская коса» (Россия–Литва) Комитет решил включить его в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в случае, если оба государства не представят Центру письменное соглашение о проведении трансграничной оценки воздействия на окружающую среду, включающей в себя независимую экспертизу, результаты которой должны лечь в основу совместного плана работ на объекте²³. В данном случае в качестве угрозы объекту выступал проект добычи нефти на месторождении Д-6 «Кравцовское», расположенном в 22 км от Куршской косы в Балтийском море²⁴. В анализе состояния сохранности объекта, подготовленного Центром совместно с консультативными органами²⁵, было отмечено, что если совместная оценка воздействия не будет подготовлена, это может свидетельствовать о нарушении Российской Федерацией п. 3 ст. 6 Конвенции, закрепляющего недопустимость намеренного причинения

²² SOC: Galapagos National Park (Ecuador) : Decision 20 COM VII.D.31 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2565> (дата обращения: 15.01.2025). Включение Галапагосских островов в красный список произошло только в 2007 г. [10].

²³ Curonian Spit (Lithuania/Russian Federation) : Decision 28 COM 15B.75 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/247> (дата обращения: 15.01.2025).

²⁴ Эти месторождения были обнаружены еще во времена существования СССР [11, р. 253].

²⁵ Куршская коса внесена в Список всемирного наследия как культурный ландшафт, поэтому экспертное содействие в отношении этого ОВПН осуществляет Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Такой подход был вызван необходимостью достижения компромисса между консультативными органами и ЮНЕСКО в 1992 г., когда возможность включения в Список культурных ландшафтов была впервые закреплена в Руководстве [12, р. 495].

вреда наследию, находящемуся на территории других стран. Просьба Комитета была выполнена обоими государствами, и уже в 2005 г. он высоко оценил как представленное соглашение об оценке воздействия нефтяной платформы и нефтепровода на окружающую среду, так и другие совместные мероприятия, реализуемые в рамках двустороннего сотрудничества²⁶.

Последствия включения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой

Решение о включении объекта в красный список всегда сопровождается описанием причин, которые послужили основаниями для такого листинга. Появление новых поводов для листинга также сопровождается принятием Комитетом отдельного решения, в котором они указываются.

Согласно современным стандартам системы охраны всемирного наследия включение объекта в красный список сопровождается утверждением Комитетом двух документов – ожидаемого состояния сохранности для исключения объекта из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой (далее – ожидаемое состояние сохранности)²⁷, и программы корректирующих мер (п. 183 Руководства). Необходимость подготовки программы корректирующих мер предусматривалась еще первыми редакциями Руководства, а ожидаемого состояния сохранности – только с 2011 г. Его появление, прежде всего, связано с необходимостью придания большей определенности

тем показателям, достижение которых позволит констатировать снижение угрозы уникальным объектам и, как следствие, исключить объект из красного списка. Такая необходимость сохраняется, очевидно, и по сей день, поскольку в независимом исследовании, проведенном по решению Комитета, показывается, что 65 % респондентов охарактеризовали решения Комитета в части внесения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, как двусмысленные, сложные в исполнении и нереалистичные²⁸.

Практика подготовки ожидаемого состояния сохранности объектов разнится, но доступные для анализа материалы в целом показывают достаточную степень конкретизации целевых индикаторов состояния экосистем и способов их достижения. В 2024 г. на 46-й сессии Комитета утверждено ожидаемое состояние сохранности в отношении ОВПН «Острова и охраняемые природные территории в районе Калифорнийского залива» (Мексика)²⁹. В решении не приводится все его содержание, а указываются лишь индикаторы, отмеченные в основном тексте ожидаемого состояния сохранности, представленного Мексикой³⁰. В основном тексте приводится таблица, в соответствии с рекомендуемым шаблоном, и целевые показатели, изложенные в ясных и понятных выражениях. К примеру, второй индикатор сформулирован так: «Популяция калифорнийской морской свиньи, являющейся атрибутом выдающейся универсальной ценности, возрастает в течение,

²⁶ *Curonian Spit* (Lithuania/Russian Federation) : Decision 29 COM 7B.67 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/424> (дата обращения: 15.01.2025).

²⁷ Англ. *desired state of conservation for the removal of the property from the List of World Heritage in Danger*.

²⁸ *New Visions for the List of World Heritage in Danger* ... P. 16.

²⁹ *Islands and Protected Areas of the Gulf of California (Mexico)* (N 1182ter) : Decision 46 COM 7A.43 // UNESCO World Heritage Centre. 2025. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8512> (дата обращения: 15.01.2025). Этот объект был включен в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в 2019 г. в связи с резким снижением популяции калифорнийской морской свиньи (*Phocoena sinus*) – эндемиком, обитающим в границах этого объекта всемирного природного наследия [13, p. 9].

³⁰ *State of Conservation Report of the World Heritage Property Islands and Protected Areas of the Gulf of California* // UNESCO World Heritage Centre. 2024. URL: <https://whc.unesco.org/document/205108> (дата обращения: 15.01.2025).

по крайней мере, пятилетнего периода, особи здоровы и производят потомство». Обоснование включения этого показателя весьма логично, поскольку угроза исчезновения данного биологического вида и послужила причиной включения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Методом проверки достижения индикатора выбран акустический мониторинг с применением байесовского анализа.

Наряду с формальными последствиями включения в красный список, закрепленными в документах системы охраны всемирного наследия, активизируются и механизмы современного зеленого саморегулирования. К числу таких примеров можно отнести ситуацию, сложившуюся со строительством гидроэлектростанции в ущелье Стиглера в Танзании [14, р. 119]. После внесения в красный список охотничьего резервата Селус, на территории которого находится ущелье, Норвежский банк прекратил инвестирование египетской компании, ответственной за проектирование плотины³¹, поскольку это противоречило его ESG-политике³².

Принятие решения об исключении объекта из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, подчиняется не только предписаниям Руководства и сложившимся позициям Комитета, но и испытывает на себе влияние политического контекста. В политологических исследованиях показывается связь между численностью делегации, присутствующей на заседании Комитета, и способностью изменить решение с рекомендуемого включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, на предупреждение о рассмотрении такой воз-

можности в случае отсутствия прогресса в стабилизации состояния объекта [8, р. 298]. Равным образом на решение вопроса о нахождении в красном списке влияет и факт присутствия государства в составе Комитета на момент разрешения этого вопроса [8, р. 301].

Комитет под влиянием политических причин неоднократно принимал решения об исключении объектов из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, вступая в противоречие с рекомендациями консультативных органов. Так, в 2021 г. Комитет исключил из этого списка национальный парк Салонга, расположенный в Демократической Республике Конго, несмотря на то что Международный союз охраны природы (далее – МСОП) и Центр рекомендовали оставить его в красном списке, но не применять процедуру усиленного мониторинга. Такая же ситуация сложилась и в 2024 г. с национальным парком Ниоколо-Коба (Сенегал), который был исключен из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой³³, несмотря на то что в проекте решения МСОП и Комитет придерживались противоположных позиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что оценка Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, как природоохранного инструмента должна исходить из реалистичных оценок потенциала международной нормативной системы. Размеры Фонда всемирного наследия не могут обеспечить финансирование инфраструктурных проектов, необходимых для коренного изменения ситуации на многих объектах, внесенных в красный

³¹ Norway bank divests from firm helping to build a destructive dam in World Heritage Site // Environmental Investigation Agency UK. 2020. URL: <https://eia-international.org/news/norway-bank-divests-from-firm-helping-to-build-a-destructive-dam-in-world-heritage-site/> (дата обращения: 15.01.2025).

³² Англ. *ESG (environmental, social, governance)* – это концепция, включающая в себя три основных критерия: экологию, социальную политику и корпоративное управление.

³³ Niokolo-Koba National Park (Senegal) (N 153) : Decision 46 COM 7A.54 // UNESCO World Heritage Centre. 2024. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8523> (дата обращения: 15.01.2025).

список³⁴. Равным образом ответственность за сохранение объектов всемирного природного наследия, в соответствии со ст. 4 Конвенции, несут государства, на территории которых расположены уникальные природные объекты. В то же время Список всемирного наследия, на-

ходящегося под угрозой, способен содействовать решению этих проблем путем финансирования отдельных «болевых точек», направления консультативных миссий и создания общих международных условий поддержки соответствующих природоохранных мероприятий.

Список литературы

1. Hamman E., Geelen T. van, Akhtar-Khavari A. Governance Tools for the Conservation of Wetlands: the Role of the Montreux Record Under the Ramsar Convention // *Marine and Freshwater Research*. 2019. Vol. 70, № 11. P. 1493–1502. DOI: <http://dx.doi.org/10.1071/MF18483>
2. Hassan F. A. The Aswan High Dam and the International Rescue Nubia Campaign // *The African Archaeological Review*. 2007. Vol. 24, № 3. P. 73–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10437-007-9018-5>
3. Tamborrino R., Wendrich W. Cultural Heritage in Context: the Temples of Nubia, Digital Technologies and the Future of Conservation // *Journal of the Institute of Conservation*. 2017. Vol. 40, iss. 2. P. 168–182. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/19455224.2017.1321562>
4. Larkin C., Dumper M. UNESCO and Jerusalem: Constraints, Challenges and Opportunities // *Jerusalem Quarterly*. 2009. Iss. 39. P. 16–28.
5. Pullan R. A. Conservation and the Development of National Parks in the Humid Tropics of Africa // *Journal of Biogeography*. 1988. Vol. 15, № 1. P. 171–183.
6. Afollder N. Democratising or Demonising the World Heritage Convention? // *Victoria University of Wellington Law Review*. 2007. Vol. 38, № 2. P. 341–361.
7. Girmay M., Teshome E., Yoseph D. Exploring the Past and the Present: Examining Preservation, Management and Resistance practices in the Simien Mountains National Park, Ethiopia // *Ethiopian Renaissance Journal of Social Sciences and Humanities*. 2023. Vol. 10, № 2. P. 73–94. DOI: <https://doi.org/10.4314/erjssh.v10i2.5>
8. Brown N. E., Liuzza C., Meskell L. The Politics of Peril: UNESCO's List of World Heritage in Danger // *Journal of Field Archaeology*. 2019. Vol. 44, iss. 5. P. 287–303. DOI: <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/00934690.2019.1600929>
9. Hølleland H., Hamman E., Phelps J. Naming, Shaming and Fire Alarms: The Compilation, Development and Use of the List of World Heritage in Danger // *Transnational Environmental Law*. 2019. Vol. 8, iss. 1. P. 35–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S2047102518000225>
10. Lu F., Valdivia G., Wolford W. Social Dimensions of 'Nature at Risk' in the Galápagos Islands, Ecuador // *Conservation & Society*. 2013. Vol. 11, № 1. P. 83–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.4103/0972-4923.110945>
11. Orlenok V. V., Krasnov Ye. V., Funtikov V. A., Chupahina G. N. Mineral Resources of the Kaliningrad Region // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, № 6 S7. P. 252–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p252>
12. Gfeller A. E. Negotiating the Meaning of Global Heritage: 'Cultural Landscapes' in the UNESCO World Heritage Convention, 1972–92 // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8, № 3. P. 483–503. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1740022813000387>
13. Mexico on Track to Protect 30% of Its Marine Area by 2030 / S. Perera-Valderrama, L. O. Rosique-de la Cruz, H. Caballero-Aragón, S. Cerdeira-Estrada, R. Martell-Dubois, R. Ressler // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 19. Art. 14101. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151914101>
14. Longopa E. E. Legal Dimension on Protection of Outstanding Universal Value Properties in Tanzania: A Dilemma for Development Activities in the Selous Game Reserve // *Eastern Africa Law Review*. 2015. Vol. 42, № 2. P. 104–124.

References

1. Hamman E., Geelen T. van, Akhtar-Khavari A. Governance Tools for the Conservation of Wetlands: the Role of the Montreux Record Under the Ramsar Convention. *Marine and Freshwater Research*. 2019;70(11):1493-1502. DOI: <http://dx.doi.org/10.1071/MF18483>

³⁴ Размер бюджета Фонда на период 2024-2025 годы составляет 5,8 миллионов долларов и дополнительно к этой сумме – 400 000 для финансирования международной помощи в случае наступления катастроф и стихийных бедствий. См: World Heritage Fund. URL: <https://whc.unesco.org/en/world-heritage-fund/> (дата обращения: 15.01.2025). На момент проведения настоящего исследования в Список всемирного наследия включено 1223 объекта. См.: World Heritage List. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 15.01.2025).

2. Hassan F. A. The Aswan High Dam and the International Rescue Nubia Campaign. *The African Archaeological Review*. 2007;24(3):73-94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10437-007-9018-5>
3. Tamborrino R., Wendrich W. Cultural Heritage in Context: the Temples of Nubia, Digital Technologies and the Future of Conservation. *Journal of the Institute of Conservation*. 2017;40(2):168-182. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/19455224.2017.1321562>
4. Larkin C., Dumper M. UNESCO and Jerusalem: Constraints, Challenges and Opportunities. *Jerusalem Quarterly*. 2009;39:16-28.
5. Pullan R. A. Conservation and the Development of National Parks in the Humid Tropics of Africa. *Journal of Biogeography*. 1988;15(1):171-183.
6. Affolder N. Democratising or Demonising the World Heritage Convention? *Victoria University of Wellington Law Review*. 2007;38(2):341-361.
7. Girmay M., Teshome E., Yoseph D. Exploring the Past and the Present: Examining Preservation, Management and Resistance practices in the Simien Mountains National Park, Ethiopia. *Ethiopian Renaissance Journal of Social Sciences and Humanities*. 2023;10(2):73-94. DOI: <https://doi.org/10.4314/erjssh.v10i2.5>
8. Brown N. E., Liuzza C., Meskel L. The Politics of Peril: UNESCO's List of World Heritage in Danger. *Journal of Field Archaeology*. 2019;44(5):287-303. DOI: <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1600929>
9. Hølleland H., Hamman E., Phelps J. Naming, Shaming and Fire Alarms: The Compilation, Development and Use of the List of World Heritage in Danger. *Transnational Environmental Law*. 2019;8(1):35-57. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S2047102518000225>
10. Lu F., Valdivia G., Wolford W. Social Dimensions of 'Nature at Risk' in the Galápagos Islands, Ecuador. *Conservation & Society*. 2013;11(1):83-95. DOI: <http://dx.doi.org/10.4103/0972-4923.110945>
11. Orlenok V.V., Krasnov Ye. V., Funtikov V. A., Chupahina G. N. Mineral Resources of the Kaliningrad Region. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6(6S7):252-256. DOI: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p252>
12. Gfeller A. E. Negotiating the Meaning of Global Heritage: 'Cultural Landscapes' in the UNESCO World Heritage Convention, 1972-92. *Journal of Global History*. 2013;8(3):483-503. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1740022813000387>
13. Perera-Valderrama S., Rosique-de la Cruz L. O., Caballero-Aragón H., Cerdeira-Estrada S., Martell-Dubois R., Ressler R. Mexico on Track to Protect 30% of Its Marine Area by 2030. *Sustainability*. 2023;15(19):14101. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151914101>
14. Longopa E. E. Legal Dimension on Protection of Outstanding Universal Value Properties in Tanzania: A Dilemma for Development Activities in the Selous Game Reserve. *Eastern Africa Law Review*. 2015;42(2):104-124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Юрьевич Колобов, ведущий научный сотрудник Иркутского института химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук (ул. Фаворского, 1, Иркутск, 664033, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>; SPIN-код: 4471-2350; e-mail: roman.kolobov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Kolobov, Leading Researcher at the A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (1 Favorsky str., Irkutsk, 664033, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>; SPIN-code: 4471-2350; e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Поступила | Received
22.01.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
24.02.2025

Принята к публикации | Accepted
17.03.2025

УДК 342.9:004(510)
DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-227-239
EDN: CSFMWW

Оригинальная научная статья

Административно-правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних при использовании ими информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (на примере Китайской Народной Республики)

Е. А. Соломатина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
✉ katesolo@yandex.ru

Аннотация. Мировое сообщество обеспокоено влиянием сети Интернет и определенного контента в нем на несовершеннолетних, их психическое и физическое здоровье. Этому вопросу посвящены выступления представителей государственных органов, научных, вузовских и школьных сообществ, психологов, родителей и предпринимателей, заинтересованных в создании безопасного интернет-контента для детей. Все официальные и неофициальные лица, выступающие в международном и национальном информационных пространствах, признают одинаковую опасность влияния Интернета на детей вне зависимости от страны их проживания. Закономерное развитие процессов цифровизации под влиянием постоянно совершенствующихся технологий влечет за собой разработку и формирование правовых форм и методов защиты несовершеннолетних в сети Интернет, углубление связей между группами стран по данному вопросу, а также интеграцию правового регулирования разных государств в связи с обеспокоенностью по вопросу влияния информационных технологий на детей и поиском способов защиты прав несовершеннолетних. Сравнительное правоведение позволяет выявить общее и специфическое в административно-правовом регулировании обеспечения защиты детей в сети Интернет в правовых системах различных стран мира, установить возможность заимствования правовых элементов, определить общемировые и национальные тенденции. В данной статье автор рассматривает опыт Китайской Народной Республики по защите прав несовершеннолетних при использовании ими сети Интернет, в частности, меры, принятые в области административно-правового регулирования киберпространства. Органы исполнительной власти Китайской Народной Республики в своей деятельности установили возможность принятия мер административно-правового регулирования в сети Интернет для достижения различных государственных задач, в том числе сокращения времени, проводимого молодыми людьми за цифровыми устройствами, особенно за играми. Однако возникает вопрос: будут ли введенные меры регулирования эффективными? На основании новейшего практического опыта Китайской Народной Республики в вопросе административно-правового обеспечения защиты прав несовершеннолетних при использовании ими сети Интернет и мнений некоторых экспертов по данному вопросу автор делает выводы о необходимости научного обоснования, применения комплексных мер и междисциплинарного подхода к решению существующей проблемы.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; КНР; информационные технологии; административно-правовое регулирование; обеспечение безопасности; несовершеннолетние; защита прав детей; использование Интернета; игры; регулирование интернет-контента; государственный регулятор

Благодарности. Автор выражает слова благодарности коллегам, оказавшим поддержку при написании этой статьи. Особая благодарность начальнику Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидату педагогических наук генерал-лейтенанту полиции И. А. Калининскому; первому заместителю начальника Московского университета МВД России имени

В. Я. Кикотя доктору юридических наук, профессору генерал-майору полиции О. В. Зиборову; профессору кафедры конституционного и муниципального права доктору юридических наук, профессору В. И. Червонюку; генеральному директору АО «Инфорус», разработчику технологии интернет-разведки Avalanche кандидату физико-математических наук А. И. Масаловичу.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Соломатина Е. А. Административно-правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних при использовании ими информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (на примере Китайской Народной Республики) // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-227-239>. EDN: <https://elibrary.ru/csfmww>

Original scientific article

Administrative and Legal Regulation of the Protection of Minors' Rights in Their Use of the Internet (Case Study: The People's Republic of China)

E. A. Solomatina

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ katesolo@yandex.ru

Abstract. The international community remains deeply concerned about the effects of the Internet – and certain types of online content – on the mental and physical health of minors. This concern is reflected in statements by government officials, academic institutions, school communities, psychologists, parents, and business representatives working to create safe digital environments for children. Across national and international platforms, both official and unofficial voices consistently acknowledge the universal threat posed by the Internet to children, regardless of their country of residence. The ongoing expansion of digitalization, driven by rapidly evolving technologies, has necessitated the development of legal frameworks and mechanisms to protect minors online. This evolution has also encouraged closer cooperation among countries and fostered trends toward the integration of national legal approaches, spurred by shared concern about the impact of digital technologies on children and a common search for effective legal safeguards. Comparative legal analysis enables scholars and policymakers to identify both commonalities and distinctions in administrative and legal approaches to safeguarding minors online. It also allows for the consideration of potential legal transplants and the identification of global and national trends in this area. This article explores the experience of the People's Republic of China (PRC) in protecting the rights of minors in the digital environment, focusing in particular on measures adopted within the administrative and legal regulation of cyberspace. China's executive authorities have actively pursued administrative regulatory mechanisms to limit, among other things, the amount of time minors spend on digital devices – especially online games. Nonetheless, the key question remains: How effective are these regulatory measures in practice? Drawing on recent developments in the PRC's administrative and legal strategies for protecting minors' rights online, and informed by the views of several experts, the Author concludes that a comprehensive and scientifically grounded, interdisciplinary approach is essential to address the challenges posed by digital exposure and to ensure the effective protection of children's rights in cyberspace.

Keywords: People's Republic of China (PRC); information technology; administrative and legal regulation; child safety; minors; protection of children's rights; Internet use; gaming; content regulation; government oversight

Acknowledgments. The Author extends sincere gratitude to colleagues who supported the development of this article. Special thanks to Lieutenant General of Police I. A. Kalinichenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Major General of

Police O. V. Ziborov, Doctor of Legal Sciences, First Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor V. I. Chervonyuk, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law; and A. I. Masalovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, General Director of “Inforus JSC” and developer of the “Avalanche” Internet intelligence technology.

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Solomatina E. A. Administrative and Legal Regulation of the Protection of Minors' Rights in Their Use of the Internet (Case Study: The People's Republic of China). *Siberian Law Review*. 2025;22(2):227-239. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-227-239>. EDN: <https://elibrary.ru/csfmww> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных технологий приводит к росту количества пользователей интернет-контента, включая детей и подростков. Общее время нахождения в сети Интернет взрослых и несовершеннолетних с каждым годом увеличивается, а привычное безопасное сетевое общение все чаще сменяется деструктивным, негативно влияющим на эмоциональное состояние и психику человека. Воздействие на несовершеннолетних цифровых СМИ, особенно Интернета, некоторые исследователи приравнивают по силе «к влиянию образовательных учреждений» [1, с. 162]. При этом для каждого пользователя сети Интернет размещенный в ней информационный контент может превратиться в потенциальную опасность, в частности, в виде перехвата персональных данных.

Создание механизма обеспечения прав несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной среде вошло в число наиболее актуальных национальных проблем в области информационной безопасности во многих странах мира. В каждой из них ведутся научные исследования по подтверждению зависимости детей от Интернета, социальных сетей, мобильных устройств и опасности бесконтроль-

ного их использования подростками [2; 3]¹. Следует отметить, что указанная проблема является общей для всех технологически развитых государств с позиции ее правового регулирования, однако в настоящее время в зарубежных сравнительно-правовых исследованиях отдельных государственно- и частноправовых вопросов наметилась иная тенденция – каждая страна ищет свою идентичность в национальном праве, свою самобытность. Поэтому сравнительно-правовой метод в исследовании иностранного права приобретает новое содержание.

Рассмотрение опыта Китайской Народной Республики (далее – КНР) ставится целью исследования с точки зрения административно-правового регулирования защиты особо уязвимой группы – несовершеннолетних – при использовании Интернета. Выбор КНР обусловлен ее наибольшим экономическим и технологическим развитием в современном мире в последнее время, а также интересной практикой правового регулирования киберпространства.

Например, в КНР информационные технологии охватывают все сферы жизнедеятельности общества. Использование Интернета в КНР подошло к максимальным своим возможностям². «По состоянию

¹ *A focus on adolescent social media use and gaming in Europe, central Asia and Canada : Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey / M. Boniel-Nissim, C. Marino, T. Galeotti, L. Blinka, K. Ozolina, W. Craig et al. Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2024. Vol. 6.*

² Согласно официальному опубликованному отчету Центра интернет-информации КНР от 2 марта 2023 г. См.: 第51次《中国互联网络发展状况统计报告》[51-й статистический отчет о состоянии развития китайской интернет-сети]. URL: <https://cit.buct.edu.cn/2023/0306/c7775a176286/page.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

на декабрь 2022 г. число пользователей Интернета в КНР достигло 1,067 млрд, увеличившись на 35,49 млн по сравнению с декабрем 2021 г., а уровень проникновения Интернета достиг 75,6 %. <...> Количественный рост пользователей практически прекратился, доступ граждан к сети Интернет максимально охватил практически все активное население страны» [4, с. 209–210]. В июне 2023 г. в КНР среди интернет-пользователей было более 190 млн детей и подростков³. При этом социальный рейтинг, введенный для граждан в КНР, установил административно-правовой контроль за должным или неправомерным поведением в обществе с помощью использования новейших технических средств государственного слежения. Поэтому обеспечение защиты прав несовершеннолетних, использующих Интернет, в киберпространстве выступило закономерной необходимостью для решения следующих государственных задач.

В данной статье используется метод микроуровня по степени широты сравнительно-правового исследования. На основании новейшей научной литературы и некоторых эмпирических методик автором будут решаться следующие исследовательские задачи: 1) уяснить правовые основы государственного регулирования киберпространства в КНР; 2) установить особенность применения в КНР административно-правовых мер защиты прав

несовершеннолетних при использовании ими сети Интернет; 3) проанализировать мнения экспертов по введенным в КНР мерам и сформулировать выводы.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА В КНР

В области административно-правового регулирования сети Интернет в КНР в 2023 г. опубликована Белая книга «Правовое управление киберпространством Китая в новую эпоху», в которой установлено верховенство закона в киберпространстве, а также перечислены национальные достижения в области глобального управления киберпространством КНР за последние три десятилетия⁴.

Основой нормативно-правового регулирования кибербезопасности в КНР является действующая Конституция с внесенными поправками⁵, положения которой детализируются через законы, административные регламенты и правила, местные нормативные акты. В частности, за последнее время было принято более 140 законов о киберпространстве, из них пять специализированных, так называемых киберзаконов, регулирующих онлайн-контент и управление им, саму кибербезопасность, информационные технологии и др.⁶

Например, после принятия Закона КНР о кибербезопасности от 7 ноября 2016 г.⁷ внедрена онлайн-система реальных имен

³ В Китае вступили в силу новые правила по защите детей в Интернете // CGTN. 2024. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-03/1742509460337917954/index.html> (дата обращения: 04.11.2024).

⁴ Белая книга «Правовое управление киберпространством Китая в новую эпоху» содержит шесть глав, в том числе о поддержании верховенства закона в киберпространстве, укреплении правовой системы, защите честности и справедливости в киберпространстве и расширении международных обменов и сотрудничества в этой области. См.: China's Law-Based Cyberspace Governance in the New Era // The State Council Information Office of China. 2023. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-03/16/content_85172148.htm (дата обращения: 04.11.2024).

⁵ Конституционное право зарубежных стран : учеб. : в 2 ч. 3-е изд. доп. М. : Москов. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. Часть II: Иностранное конституционное право / В. И. Червонюк, И. В. Калинин, А. Ю. Мелехова ; [под общ. ред. В. И. Червонюка]. 548 с.

⁶ Caiyu L. White Paper Shows China's Achievement in Law-Based Cyberspace Governance // Global Times. 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1287430.shtml> (дата обращения: 04.11.2024).

⁷ 中华人民共和国网络安全法 : 2016年11月7日第十二届全国人民代表大会常务委员会第二十四次会议通过 // 中央网络安全和信息化委员会办公室. 2016. URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 04.11.2024).

пользователей, приняты меры по обеспечению безопасности сетевых продуктов, услуг, работы и критической информационной инфраструктуры. Закон включает широкий характер регулятивного действия и дифференцированный правовой инструментарий, используемый в целях обеспечения кибербезопасности. Однако в нем присутствуют нормы, вызывающие нарекания специалистов с позиции вероятного ущемления интересов третьих лиц посредством возможного вмешательства органов власти в информационно-коммуникационную инфраструктуру частных лиц и организаций, а равно проведение в их отношении расследований исходя из политических конъюнктурных соображений [5, с. 128].

Закон КНР об электронной торговле от 31 августа 2018 г.⁸ упорядочил операции электронной торговли и усилил защиту прав потребителей и прав интеллектуальной собственности. Закон КНР о безопасности данных от 10 июня 2021 г.⁹ укрепил национальную систему безопасности данных и способствовал законному, рациональному и эффективному ее использованию, в частности, ввел меры против мобильных приложений, связанных с незаконным сбором и использованием персональных данных. Так, с 2019 г. в КНР проверили 3,22 млн мобильных приложе-

ний, выдав предупреждения и удалив почти 3000 приложений, нарушавших законы и правила¹⁰. Одновременно был принят Закон КНР о защите личной информации от 20 августа 2021 г., призванный улучшить защиту частной жизни и защитить права и интересы людей, в том числе при передаче персональных данных за рубеж¹¹.

В модифицированном законодательстве КНР применительно к условиям цифровизации предусмотрено принятие законов и подзаконных правовых актов, связанных с регулированием интернет-платформ, включая видео-, онлайн-игры и социальные сети. Отдельно решен вопрос о внедрении правовых средств противодействия кибернасилию и усилению защиты прав несовершеннолетних в Интернете. И с учетом того обстоятельства, что мобильные и компьютерные игры пользуются в КНР огромной популярностью, в 2019 г. были детализированы положения Закона КНР о защите несовершеннолетних от 4 сентября 1991 г.¹², урегулирован механизм использования несовершеннолетними онлайн-игр. Государственное управление по делам прессы и печати КНР, выступающее регулятором азартных игр, издало уведомление «О предотвращении зависимости среди несовершеннолетних в онлайн-играх»¹³, позволившее

⁸ *Electronic Commerce Law of the People's Republic of China* : adopted at the 5th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress of the People's Republic of China on August 31, 2018 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2018. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-08/31/c_697283.htm (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ *Data Security Law of the People's Republic of China* : adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on June 10, 2021 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2021. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-06/10/c_689311.htm (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁰ *Caiyu L.* Op. cit.

¹¹ *Personal Information Protection Law of the People's Republic of China* : adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on August 20, 2021 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2021. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (дата обращения: 04.11.2024).

¹² *Law of the People's Republic of China on Protection of Minors* : adopted at the 21st Meeting of the Standing Committee of the Seventh National People's Congress on September 4, 1991 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2020. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2020-10/17/c_674690.htm (дата обращения: 04.11.2024).

¹³ *China's State Administration of Press and Publication releases new notice on preventing addiction among minors in online games* // Niko Partners. 2019. URL: <https://nikopartners.com/chinas-state-administration-of-press-and-publication-releases-new-notice-on-preventing-addiction-among-minors-in-online-games/> (дата обращения: 04.11.2024).

создать более строгую развлекательную среду для несовершеннолетних. В структуре указанного управления создан комитет по этике онлайн-игр с целью ведения более строгой государственной политики в этом сегменте. Кроме того, введено количественное ограничение на получение лицензий на игры и последующее снижение квоты. Так, в 2017 г. лицензии получили более 8500 игр, в 2019 г. — не более 2000¹⁴. В 2022 г. только 44 импортируемых в КНР онлайн-игры получили лицензии, в 2023 г. — 98, в 2024 г. — 110¹⁵. Таким образом, данные меры позволили стимулировать производителей создавать более качественные игры для персональных компьютеров и мобильных платформ.

Посредством введения регуляторных норм, включая запрещающие административно-правовые нормы, с ноября 2019 г. для несовершеннолетних в КНР установлен запрет на игры в Сети в период с 10 часов вечера до 8 часов утра. Более того, молодежи нельзя играть дольше 90 минут в будние дни и более 3 часов в выходные и праздничные дни. Также введены ограничения на внесение денежных средств несовершеннолетними на свои игровые аккаунты.

Не исключается в этом сегменте правоотношений и использование частноправовых регуляторов, в том числе собственно технических. Так, в 2021 г. одна из крупнейших китайских частных инвестиционных холдинговых компаний Tencent, развивающая в стране высокотехнологичный бизнес и интернет-сервис, начала использование технологии распознавания лиц «Полуночный патруль» с целью сокращения игрового ночного времени, выде-

ленного для досуга ребенка, посредством сканирования лица ребенка-пользователя и поиска полученного изображения в базе зарегистрированных учетных записей, при необходимости блокируя ребенку доступ. Однако ценность публично-правовых регуляторов и в этих случаях остается неизменной. Именно в этой связи защитники конфиденциальности информации беспокоились о том, что собранная таким образом база персональных данных детей может быть использована для решения других вопросов, таких как установление системы социального кредита в КНР и последующего наказания за неприемлемые действия¹⁶.

В 2021 г. введенные Администрацией киберпространства КНР административно-правовые установления ужесточили правила распространения интернет-контента: введен запрет на онлайн-трансляции для детей до 16 лет, определены основания для расследования случаев кибербуллинга, насилия, публикации личной информации о ребенке без его согласия с целью травли, шантажа или получения выгоды, злонамеренных сообщений в отношении ребенка, сбора денег с несовершеннолетних в Интернете, призывов к голосованию и разжигания между детьми вражды.

Представителям IT-компаний, использующим образовательные платформы для несовершеннолетних, предписано извлекать интернет-контент, содержащий эротику, демонстрирующий насилие и кровь, рекламу видеоигр, а также любую информацию, не относящуюся к образовательной. Аналогичные меры были приняты и в отношении анимационных материалов. Отдельно регулятор обязал разработчиков

¹⁴ China's State Administration of Press and Publication releases new notice on preventing addiction among minors in online games ...

¹⁵ Kumai одобрил выдачу лицензий на издание 13 зарубежных онлайн-игр // СИНХУА Новости. 2024. URL: <https://russian.news.cn/20241225/2d24d37da1404aa9bfd4d6065c18563b/c.html> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁶ Messner S. Tencent is now using facial recognition to stop children in China from gaming all night // PCGamer. 2021. URL: <https://www.pcgamer.com/tencent-is-now-using-facial-recognition-in-china-to-stop-children-from-gaming-all-night/> (дата обращения: 04.11.2024).

детского интернет-контента решать проблемы детской зависимости от социальных платформ, устранять неточную идентификацию, создать национальную платформу для качественного электронного образования. В этот период были привлечены к административной ответственности некоторые китайские интернет-платформы¹⁷.

Принятие и реализация таких административно-правовых мер обусловлены тем, что, согласно программным документам, КНР взяла курс на признание значительной роли морали в регулировании киберпроцессов и использования Интернета как способа получения полезной и образовательной информации. Особенность «онлайновой идеологии» КНР заключается в том, что она базируется на традиционных и социалистических ценностях, продвижение интернет-контента происходит через позитивную и положительную духовную культуру [6, с. 57].

Что касается субъектов административных правоотношений в рассматриваемой сфере, то их специфика в КНР проявляется через координацию органов исполнительной власти, муниципальных органов с предприятиями, IT-компаниями, школами, общинами, общественными организациями, несовершеннолетними и др., а также в целом с пользователями сети Интернет.

Регуляторными органами государственного публичного управления киберпространством в КНР выступают Всекитайское собрание народных представителей, Центральный комитет Коммунистической партии Китая (далее – КПК), Центральная комиссия КПК по сетевой безопасности и информатизации, Госу-

дарственное управление по делам прессы и печати, Государственный совет КНР, Государственный комитет КНР по делам развития и реформ, Администрация киберпространства КНР, Государственная канцелярия интернет-информации КНР, Министерство общественной безопасности КНР, Министерство промышленности и информатизации КНР, Технический комитет по стандартизации искусственного интеллекта¹⁸, Китайский институт стандартизации электроники и др.

В полномочия правоохранительных органов КНР вошли меры пресечения незаконного сбора и использования личной информации в сети Интернет, нарушений прав физических и юридических лиц в Интернете, в том числе пиратства. Должностные лица правоохранительных органов призваны проводить служебные мероприятия по очищению интернет-платформ от незаконной онлайн-информации, следствием чего явилось улучшение экосистемы киберпространства в стране. Тем самым в КНР сложилась практика правоохранительной защиты сети Интернет посредством применения норм административного права.

В этом контексте можно привести мнение профессора В. И. Червонюка, который в своих работах подчеркивает, что отправные установления, сконцентрированные в конституционном праве, определяют специальный интерес к их трансформации в отраслевое законодательство. «Посредством имплементации конституционных понятий в право инкорпорируются действительные конституционные ценности, обеспечивая его социогуманитарную направленность

¹⁷ Под воздействие регулятора попали следующие китайские IT-платформы: Quick Hand, Tencent QQ, Sina Weibo, Taobao, Xiaohongshu. Платформы обязали в установленные сроки убрать весь неподобающий контент для несовершеннолетних и заблокировать аккаунты выявленных нарушителей. См.: 中央网信办启动“清朗·暑期未成年人网络环境整治”专项行动 [Центральная комиссия по делам киберпространства запустила специальную кампанию под названием «Ясная и яркая летняя интернет-среда для несовершеннолетних»] // 中央网络安全和信息化委员会办公室. 2021. URL: https://www.cac.gov.cn/2021-07/21/c_1628455293580107.htm (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁸ Создан в декабре 2024 г.

и необходимый регулятивный эффект», — отмечает он [7, с. 264].

Таким образом, разработанная в КНР правовая основа обеспечила прочные институциональные гарантии для наращивания государственного управления в киберпространстве, в том числе в административно-правовой сфере. Практическое применение отмеченных регуляторов способствовало реализации профилактических мероприятий по предотвращению антисоциального поведения несовершеннолетних, обеспечив тем самым сохранение традиционных ценностей в КНР.

Положение о защите несовершеннолетних в Интернете

Административно-правовой механизм управления киберпространством КНР предлагает концепцию построения в нем единого сообщества, рассчитывая на совместные усилия представителей этого сообщества в продвижении верховенства закона в глобальном управлении киберпространством на принципах защиты прав и интересов людей.

Новое Постановление Государственного совета КНР от 20 сентября 2023 г. № 766 «Положение о защите несовершеннолетних в Интернете»¹⁹ (далее — Положение) вступило в силу с 1 января 2024 г. Оно состоит из 7 глав и 60 статей и направлено на создание здоровой онлайн-среды, способствующей физическому и психическому здоровью несовершеннолетних, а также на обеспечение их правовых гарантий. Положение конкретизирует правовую регламентацию Закона КНР о защите несовершеннолетних от 4 сентября 1991 г. и Закона КНР о кибербезопасности от 7 ноября 2016 г.

Чем данное Положение интересно с точки зрения административно-правового регулирования?

Во-первых, указанный подзаконный акт, основываясь на традиционных китайских ценностях, принципах наибольшей поддержки несовершеннолетних и социального взаимодействия, регулирует систему и механизмы защиты несовершеннолетних в сети Интернет. Положение содействует развитию интернет-грамотности среди несовершеннолетних и регламентирует включение онлайн-обучения такой грамотности в содержание школьной образовательной программы. Ставится задача уточнить функциональные требования к программному обеспечению для защиты несовершеннолетних в Интернете и к смартфонам, специально созданным для использования несовершеннолетними. Регулятором выступает Государственная канцелярия интернет-информации КНР, осуществляющая общее планирование и координацию усилий по защите несовершеннолетних в Интернете.

Во-вторых, Положение использует меры превенции в отношении привязанности несовершеннолетних к интернет-ресурсам. Так, оно устанавливает необходимость повысить способность учителей выявлять зависимость от сети Интернет у несовершеннолетних учащихся и вмешиваться на ее ранних стадиях, а также усилить влияние классного руководителя относительно обучения безопасному использованию Интернета несовершеннолетними. Для поставщиков сетевых услуг предусматриваются нормы о разумном ограничении объема расходов несовершеннолетних разных возрастов на пользование услугами в предоставлении интернет-контента, а также предотвращение негативных тенденций, таких как превышение ребенком объема сетевого трафика.

В-третьих, Положение предполагает усиление конструирования информационного контента в Интернете. Предусмотрено,

¹⁹ 未成年人网络保护条例 : 中华人民共和国国务院令 第766号 已经2023年9月20日国务院第15次常务会议通过 // 中央网络安全和信息化委员会办公室. 2023. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-10/24/c_1699806932214785.htm (дата обращения: 04.11.2024).

что государство поощряет и поддерживает производство, воспроизведение, публикацию и распространение в Интернете информации, способствующей здоровому развитию несовершеннолетних.

В-четвертых, меры и обязательства по отчетности поставщиков сетевых продуктов и услуг в отношении информации, которая наносит вред несовершеннолетним, будут контролироваться на государственном уровне. Физическим или юридическим лицам запрещено использовать приемы кибербуллинга в отношении несовершеннолетних. Поставщики сетевых продуктов и услуг обязаны создавать и совершенствовать методику раннего предупреждения, предотвращения, идентификации, мониторинга и борьбы с кибербуллингом. IT-компании обязаны учитывать потребности детей еще на этапе дизайна и разработки интернет-платформы, а также тщательно следить за своим контентом, своевременно удаляя публикации негативного содержания.

В-пятых, в вопросе защиты персональной информации несовершеннолетних предусматривается их обучение и курирование в целях повышения осведомленности и способности защищать свои персональные данные.

В-шестых, установлена юридическая ответственность для различных субъектов, не исполняющих предписанные нормы.

Таким образом, принятое Положение продолжает расширение применения такой важной формы защиты детей, использующих Интернет, как киберобучение с целью формирования навыков кибербезопасности. В качестве примера аналогичной формы государственного регулирования коммуникации людей в Интернете можно привести такое масштабное об-

разовательное мероприятие, как ежегодно проводимую в КНР Национальную кибернеделю. В ней принимают участие все граждане страны – от руководителей государственных органов до школьников. Тематические материалы кибернедели демонстрируются на выставках, конференциях, несовершеннолетних оповещают о технологиях IT-безопасности; в сельской местности, в общинах, классах и семьях также проводятся мероприятия [6, с. 58], а необходимые материалы для этого рассылаются на мобильные телефоны более 200 млн пользователей²⁰.

Следует отметить, что государство, помимо принятия нормативов, поощряет и поддерживает научные исследования и подготовку кадров в области киберзащиты несовершеннолетних. Разработка устройств и онлайн-сервисов, необходимых детям, входит в число приоритетных интересов государственного регулятора. Осуществляется развитие международного обмена и сотрудничества в этой сфере. Так, «Пекин прилагает огромные усилия и тратит значительные средства на пропаганду собственных достижений и улучшение международного имиджа: проводятся сотни конференций, издается литература, по всему миру работают Институты Конфуция» [8, с. 406].

МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Какое влияние оказали вышеперечисленные административно-правовые меры китайского регулятора на обеспечение защиты прав несовершеннолетних в Интернете?

В исследовании [9] американских специалистов²¹, посвященном анализу китайского опыта, был сформулирован вывод, что отсутствуют доказательства того, что требования, установленные в КНР

²⁰ *Kumai* открывает великий файрвол – московское заявление главного в КНР по ИБ// Экспертный центр электронного государства. 2017. URL: <https://d-russia.ru/kitaj-otkryvaet-velikij-fajrvol-moskovskoe-zayavlenie-glavnogo-v-knr-po-ib.html?ysclid=mbhufgugz980241323> (дата обращения: 04.11.2024).

²¹ Авторы исследования – ученые и IT-специалисты, работающие в различных американских институтах, – опубликовали полученные результаты в ежемесячном онлайн-журнале *Nature Human Behaviour*, посвященном исследованиям человеческого поведения в области социальных и естественных наук.

в отношении продолжительности игрового времени, приводят к его сокращению в каком-либо сегменте индустрии видеоигр. Авторы исследования не обнаружили достоверных свидетельств уменьшения продолжительности интенсивного игрового времяпрепровождения после введения правил. Ученые ставят под сомнение эффективность таких ограничений игрового времени, контролируемых государством. Данное исследование игровой сферы КНР предоставляет доказательства того, что широкая политика ограничения цифрового поведения молодежи может не привести к масштабному и равномерному снижению игрового времени. Авторы выдвигают предположение, что у такой государственной политики может быть более фундаментальная проблема – неэффективность в вызове запланированных изменений в поведении детей. Этот вывод имеет важные последствия для регулирования онлайн-игр во всем мире. В аналогичных областях, таких как азартные игры, порнография и употребление никотина, ограничение доступа молодежи в Интернет посредством обязательных запретов было связано с существенным уклонением от регулирования. Проведенное исследование, по мнению его авторов, может выступать методологическим пособием для исследования влияния государственных способов регулирования на технологический сектор экономики²².

Таким образом, рассмотренное американское исследование не подтверждает

положительного влияния ограничения времени на игры в Сети, установленного административно-правовыми нормами в отношении несовершеннолетних в КНР.

Как эксперты характеризуют принятое в КНР Положение о защите несовершеннолетних в Интернете?

Доцент Китайского университета политических наук и права Чжан Нань констатирует, что Положение представляет собой совокупность правил, являющихся первыми специализированными подзаконными нормами по защите прав несовершеннолетних в Интернете; китайское правительство создает для несовершеннолетних здоровую онлайн-среду²³. При этом ученый отмечает, что родителям следует приложить усилия для того, чтобы защитить своих детей в Интернете, а также изучить соответствующие законы и правила. В свою очередь государственные регуляторы по защите прав и интересов несовершеннолетних должны улучшить просвещение по вопросам безопасного использования киберпространства, чтобы стороны этих правоотношений были осведомлены о совокупности своих прав и обязанностей²⁴.

Эксперт Антимонопольного центра БРИКС М. А. Беляева, участвующая в разработке рекомендаций по политике в области защиты конкуренции и экономических интересов стран БРИКС в условиях бурного технологического развития и глобализации, отмечает, что в Положении особое внимание уделяется ответственности

²² В данной работе подчеркивается полезность отслеживания крупномасштабных цифровых данных в качестве методологического инструмента для понимания того, приводят ли политические решения в целом к изменению поведения в реальном мире, а также подтверждается возможность отслеживания поведения людей и их увлечений в сети Интернет.

²³ Так, ст. 25 Положения регламентирует, что ни один субъект-пользователь в сети Интернет не должен отправлять, подталкивать, обманывать или принуждать несовершеннолетних взаимодействовать с онлайн-информацией, содержащей вредный или потенциально вредный контент, который может повлиять на их физическое и психическое здоровье. А в ст. 55 Положения изложены потенциальные правовые последствия для тех, кто нарушил ст. 25 Положения, включающие предупреждения, штрафы и возможную отмену лицензии на ведение бизнеса. Таким образом, ст. 25 Положения содержит в себе запретительные нормы, а ст. 55 Положения обеспечивает их посредством введения мер административного наказания.

²⁴ В Куме вступили в силу новые правила по защите детей в Интернете // CGTN. 2024. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-03/1742509460337917954/index.html> (дата обращения: 04.11.2024).

интернет-платформ со значительным числом несовершеннолетних пользователей. Такие платформы должны учитывать детские интересы еще на этапе разработки своей продукции, а во время их использования несовершеннолетними – своевременно удалять противоправный контент. Важной частью документа, по мнению М. А. Беляевой, являются нормы о прекращении сотрудничества с поставщиками, не соблюдающими такие правила, а также нормы об опубликовании ежегодного отчета о достигнутых успехах в области защиты детей и подростков. «Защита детей становится важным элементом социальной ответственности онлайн-платформ..., выводится на более высокий ценностный уровень: от платформ требуют отказаться от некорректных ценностных установок типа “трафик превыше всего”» – подчеркивает эксперт²⁵.

А. И. Масалович, президент консорциума «Инфорус», ведущий эксперт в области информационной безопасности, разработчик платформы интернет-разведки Avalanche, считает, что подросткам нельзя запрещать Интернет, их необходимо учить правилам пользования Интернетом и размещенными в нем платформами. Он отмечает, что в КНР к этому вопросу подошли комплексно: проводится обучение несовершеннолетних компьютерной грамотности, а также тестирование на уровень ее освоения, контролируется интернет-контент, ограничивается опасная, вредная или нежелательная информация в Сети. Эффективность данных мер будет выше, чем от строгого запрета на пользование Интернетом для несовершеннолетних. Одни лишь запреты не дадут положительного эффекта, дети всегда найдут способы их обойти. Запреты, например на социаль-

ные сети, могут привести ребенка в его поиске преодоления препятствий к другому нежелательному интернет-контенту. Что касается юридической ответственности, то Положение устанавливает достаточно высокие штрафы, размер которых для разных субъектов по различным основаниям составляет от 10 тыс. до 50 млн юаней (ст.ст. 53–56 гл. 6)²⁶.

Также А. И. Масалович обращает внимание на то, что КНР уже ранее создала необходимую правовую и техническую платформу для отграничения от междunarодного (чужого) интернет-контента, реализовала посредством своих технических разработок собственные онлайн-приложения для видеочатов и текстового общения (например, Vinchat), в которых уже в дальнейшем происходило внедрение образовательного контента и введение ограничительных мер, в том числе для несовершеннолетних. Если исчезнут иностранные интернет-платформы, то граждане КНР перейдут на свои, и этого перехода особо не заметят²⁷.

Таким образом, экспертам интересен построенный на междисциплинарном подходе опыт такого передового и технологически развитого государства, как КНР. Подобную практику необходимо изучать, в том числе в сравнении с другими зарубежными достижениями в сфере регулирования информационных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайская Народная Республика выстроила общенациональную структуру управления киберпространством, которая объединяет усилия государственных органов и представителей гражданского общества. В своих официальных интервью китайские государственные

²⁵ В Kumae приняли Положение о защите несовершеннолетних в Интернете // BRICS Competition Law and Policy Centre. 2023. URL: <https://bricscompetition.org/ru/news/china-releases-regulations-to-protect-minors-in-cyberspace> (дата обращения: 04.11.2024).

²⁶ Приблизительно от 130 тыс. до 650 млн руб. по курсу ЦБ РФ на май 2025 г.

²⁷ Дети в интернете // Общественное телевидение России. 2024. URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/deti-v-internete-82455.html> (дата обращения: 04.11.2024).

служащие заявляют, что управление киберпространством в КНР – это прежде всего создание хорошо продуманного правового механизма формирования национального законодательства и управления правоотношениями в этой области. За три десятилетия управления киберпространством была сформирована правовая система, представляющая несомненный интерес и для других стран. КНР сформировала свое собственное решение в области правового управления киберпространством, при котором оно стало более четким, а права и интересы граждан – более защищенными.

В вопросе обеспечения защиты несовершеннолетних в сети Интернет Китайское государство все больше и больше осуществляет многоплановую роль регулятора общественных и правовых отношений. Для этого используются элементы механизма административно-правового регулирования, основу которого составляют регулятивные, обязывающие и запрещающие нормы, в том числе нормы профилактического воздействия. Интернету в контексте развития несовершенно-

летних отводится положительная роль, при этом создается позитивная онлайн-среда, обозначается и решается проблема интернет-зависимости несовершеннолетних, вопросы же кибербезопасности детей решаются развитием у них соответствующих навыков.

На примере КНР можно увидеть применение междисциплинарного подхода в области защиты прав несовершеннолетних при использовании ими сети Интернет и познакомиться с передовым опытом национального правового регулирования социальной коммуникации в Интернете. Посредством развития административно-правового законодательства регламентировано взаимодействие органов исполнительной и муниципальной власти с детскими организациями, школами, семьями, представителями IT-компаний, разработчиками социальных сетей и других субъектов в области защиты прав несовершеннолетних.

В настоящее время подобных примеров такого масштаба государственного управления киберпространством в отношении несовершеннолетних в других странах мира не отмечено.

Список литературы

1. Perić N. The Impact and Implementation of Digital Media on Children's Upbringing and Education // Digitalni prostori – izazovi i očekivanja = Digital Spaces – Challenges and Expectations / ed. by L. Bulatovic. Beograd : FMK, 2019. P. 141–165.
2. Фортва Л. К., Матюхина О. С. Исследования проблемы виртуальных аддикций несовершеннолетних в Российской и зарубежной науке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 54–57.
3. Jiang Q., Chen Z., Zhang Z., Zuo C. Investigating Links Between Internet Literacy, Internet Use, and Internet Addiction Among Chinese Youth and Adolescents in the Digital Age // Frontiers in Psychiatry. 2023. Vol. 14. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1233303>
4. Пиковер А. В. Информационно-цифровая сфера // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022 : моногр. / Ин-т Китая и современной Азии РАН. М. : ИКСА РАН, 2023. С. 203–216.
5. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Политико-правовые меры обеспечения кибербезопасности в Китайской Народной Республике на современном этапе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 118–130. DOI: [dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/118-130](https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/118-130).
6. Остроушко А. В., Букалеров А. А., Букалеров С. А. Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР // Legal Bulletin. 2018. Т. 3, № 1–2. С. 56–60.
7. Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования : моногр. М. : Юстициформ, 2024. 940 с.
8. Лукин А. В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024) / Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М. : ИКСА РАН, 2024. 959 с.
9. No Evidence that Chinese Playtime Mandates Reduced Heavy Gaming in One Segment of the Video Games Industry / D. Zendle, C. Flick, E. Gordon-Petrovskaya, N. Ballou, L. Y. Xiao, A. Drachen // Nature Human Behaviour. 2023. Vol. 7. P. 1753–1766. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01669-8>

References

1. Perić N. The Impact and Implementation of Digital Media on Children's Upbringing and Education. In: Bula-tovic L. (Ed.). *Digital Spaces – Challenges and Expectations*. Beograd: FMK Publ.; 2019. P. 141–165.
2. Fortova L. K., Matyukhina O. S. Research of Problems of Virtual Addictions Among Minors in Russian and Foreign Science. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2018;2:54-57. (In Russ.)
3. Jiang Q., Chen Z., Zhang Z., Zuo C. Investigating Links Between Internet Literacy, Internet Use, and Internet Addiction Among Chinese Youth and Adolescents in the Digital Age. *Frontiers in Psychiatry*. 2023;14. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1233303>
4. Pikover A. V. Information and digital sphere. In: *People's Republic of China: Politics, Economics, Culture*. 2022. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia Publ.; 2023. P. 203–216. (In Russ.)
5. Lobach D. V., Smirnova E. A. Legal Policy Measures for Cyber Security in People's Republic of China at the Present Stage. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2020;1:118-130. DOI: [dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/118-130](https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/118-130). (In Russ.)
6. Ostroushko A. V., Bukalero A. A., Bukalero S. A. Protection of Information Security of Minors in the PRC. *Legal Bulletin*. 2018;3(1-2):56-60. (In Russ.)
7. Chervonyuk V. I. *The Structure of Modern Law: Theory, Methodology, Technologies and Practices of Formation*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2024. 940 p. (In Russ.)
8. Lukin A. V. *Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)*. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia Publ.; 2024. 959 p. (In Russ.)
9. Zandle D., Flick C., Gordon-Petrovskaya E., Ballou N., Xiao L. Y., Drachen A. No Evidence that Chinese Playtime Mandates Reduced Heavy Gaming in One Segment of the Video Games Industry. *Nature Human Behaviour*. 2023;7:1753-1766. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01669-8>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Александровна Солома-тина, доцент кафедры административно-го права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (ул. Академика Волгина, 12, Москва, 117997, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1195-274X>; e-mail: katesolo@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Solomatina, Associate Pro-fessor of the Department of Administrative Law at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (12 Aka-demika Volgina str., Moscow, 117997, Rus-sian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1195-274X>; e-mail: kateso-lo@yandex.ru

Поступила | Received
13.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.03.2025

Принята к публикации | Accepted
14.03.2025

УДК 349.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256

EDN: DMYQYK

Оригинальная научная статья

Критерии достойного социального обеспечения: теория, законодательство, правоприменительная практика

М. Ю. Федорова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Российская Федерация

✉ fmulawkc@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом конституционных новелл 2020 г. анализируются конституционные основы социального обеспечения, положения российского законодательства и практика их применения с целью определения понятия достойного социального обеспечения и формирования системы его критериев. Для достижения обозначенной цели применены системный, историко-правовой, формально-юридический методы. Отправной точкой для обоснования критериев достойного социального обеспечения выступает конституционный принцип социального государства, который интерпретируется в практике конституционного судопроизводства применительно к различным видам социальных предоставлений. Конституционное право на социальное обеспечение взаимосвязано с правом на охрану достоинства личности, поэтому достойным может считаться социальное обеспечение, предоставляющее человеку выплаты и услуги, которые не унижали бы его достоинства, позволяли сохранять здоровье и вести социально-активный образ жизни, а также гарантировали бы реализацию его права на социальные предоставления на условиях, предусмотренных законом, и в рамках эффективной правоприменительной процедуры. Для оценки социального обеспечения как достойного необходимы критерии, которые могут быть определены исходя из специфики права на социальное обеспечение и организационно-правового механизма его реализации. Объем и содержание субъективного права на социальное обеспечение отражают непосредственные критерии достойного социального обеспечения. Опосредованные критерии носят институционально-структурный характер и предполагают оценку эффективности национальной системы социального обеспечения с точки зрения степени полноты защиты от социальных рисков. Основным непосредственным критерием является социально приемлемый уровень социального обеспечения. В настоящее время для его обозначения в России применяется категория прожиточного минимума, которая обладает экономическим содержанием и отражает минимально допустимый уровень удовлетворения основных жизненных потребностей. Содержание данного экономического критерия в отношении ряда адресатов социального обеспечения дополняется правовыми характеристиками (например, в связи с наличием у них особых потребностей или особого правового статуса, а также спецификой формирования права на социальные выплаты в системе обязательного социального страхования). Достойное социальное обеспечение подчиняется также правовым критериям, которые подлежат учету, в частности, при решении вопроса о компенсации морального вреда по делам, вытекающим из социально-обеспечительных правоотношений (осуществление права гражданина на социальные выплаты и услуги на условиях и в порядке, предусмотренных законом).

Ключевые слова: социальное обеспечение; достоинство личности; прожиточный минимум; уровень и качество жизни; социальный риск

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федорова М. Ю. Критерии достойного социального обеспечения: теория, законодательство, правоприменительная практика // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 240–256. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256>. EDN: <https://elibrary.ru/dmyqyk>

Original scientific article

Criteria for Decent Social Security: Theory, Legislation, and Law Enforcement Practice

M. Yu. Fedorova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ fmulawkc@mail.ru

Abstract. This article examines the constitutional foundations of social security, relevant provisions of Russian legislation, and their practical application, taking into account the constitutional amendments of 2020. The objective is to define the concept of decent social security and to develop a system of criteria for its evaluation. The study employs a systematic, historical-legal, and formal-legal methodology. The starting point for establishing criteria is the constitutional principle of the welfare state, which has been interpreted by the Constitutional Court in connection with various forms of social benefits. The constitutional right to social security is closely intertwined with the right to human dignity. Accordingly, social security may be considered “decent” if it provides individuals with payments and services that uphold their dignity, help maintain their health, support a socially active lifestyle, and ensure the exercise of their right to benefits under legally established terms and through effective administrative procedures. To assess whether social security meets the threshold of decency, a system of criteria must be developed, grounded in the specific nature of the right to social security and the legal and organizational mechanisms of its implementation. The scope and content of the subjective right to social security form its direct (immediate) criteria. Indirect (structural and institutional) criteria assess the efficiency of the national social security system in terms of its comprehensiveness in mitigating social risks. The principal direct criterion is the socially acceptable level of social security. In Russia, this is currently expressed through the concept of the subsistence minimum, which has an economic dimension and reflects the lowest acceptable level of basic needs satisfaction. For certain categories of beneficiaries, the economic criterion is further supplemented by legal considerations – such as special needs, legal status, or the specific conditions for acquiring entitlements within the mandatory social insurance system. In addition, decent social security is subject to legal criteria, which play an important role in determining, for example, compensation for moral harm in disputes arising from social security relationships – particularly where citizens’ rights to receive benefits and services are exercised in accordance with the law and proper procedures.

Keywords: social security; human dignity; subsistence minimum; standard and quality of life; social risk

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Fedorova M. Yu. Criteria for Decent Social Security: Theory, Legislation, and Law Enforcement Practice. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):240-256. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256>. EDN: <https://elibrary.ru/dmyqyk> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Право на социальное обеспечение включено в международный, наднациональные и национальные каталоги прав человека [1, с. 43]. Будучи причисленным к правам так называемого второго поколения, оно предполагает реализацию посредством установления в государстве системы соци-

ального обеспечения, которая предоставляла бы гражданам защиту от основных социальных рисков, признаваемых таковыми как на международно-правовом уровне, так и в национальном законодательстве. Параметры социального обеспечения должны быть определены таким образом, чтобы не обесценивались содержание и целевая

направленность данного права. В этой связи неслучайно в научной и учебной литературе по праву социального обеспечения выделяют принципы отрасли, отражающие уровень такого обеспечения (размер выплат, объем услуг). В. С. Андреев назвал этот принцип «социальное обеспечение в высоких размерах, соответствующих сложившемуся уровню удовлетворения потребностей граждан на данном этапе развития государства»¹. В. Ш. Шайхатдинов обозначил соответствующий принцип как зависимость уровня обеспечения от прожиточного минимума², М. В. Филиппова – как достаточность размеров обеспечения³.

Достижению этих целей способствуют стандарты социального обеспечения, которые получили закрепление, в частности, в актах Международной организации труда (далее – МОТ) [2]. Конвенция № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения» была ратифицирована Российской Федерацией⁴ с принятием обязательств в отношении разделов, посвященных медицинскому обслуживанию, обеспечению по материнству, болезни, инвалидности, старости, в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием, а также по случаю потери кормильца.

Наряду с международными стандартами система социального обеспечения каждого государства, ратифицировавшего соответствующие международные договоры, долж-

на располагать соотносимыми, а на каждом следующем этапе своего развития – более высокими национальными стандартами. Очевидно, в условиях последовательной конституционализации социальной защиты уместно говорить о формировании критериев достойного социального обеспечения, которые могли бы не только обогатить доктринальные представления об этом феномене, но и иметь прикладную ценность в сфере нормотворчества и правоприменения. Это позволило бы гарантировать преемственность в развитии российской системы социального обеспечения, в том числе с учетом достижений советского периода отечественной истории, а также наиболее полно ответить на запрос общества о критериях и параметрах достойного социального обеспечения, который отчетливо прослеживается в современной судебной практике, подтверждая тем самым актуальность исследуемой темы.

О нарушении своего права на достойное социальное обеспечение все чаще заявляют граждане как истцы (например, предъявляя требования о зачете в страховой или льготный стаж тех или иных периодов работы, о надлежащем определении размера пенсии, его индексации и перерасчете, а также об устранении процедурных препятствий к реализации своих социальных притязаний, в частности, о надлежащей организации работы комиссии по расследованию профессионального заболевания⁵). Такой

¹ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : [учеб. для вузов по спец. «Правоведение»]. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. лит., 1987. С. 68–71.

² Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения Российской Федерации : учеб. пособие. Екатеринбург, 1996. Вып. 1. С. 47.

³ Право социального обеспечения : учеб. для вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / [Е. Н. Доброхотова и др.] ; под ред. М. В. Филипповой. М. : Юрист, 2006. С. 104.

⁴ О минимальных нормах социального обеспечения : Конвенция № 102 Международной организации труда заключена в г. Женеве 28 июня 1952 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102) : Федер. закон от 3 окт. 2018 г. № 349-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 41, ст. 6189.

⁵ См., напр.: *Определение* Четвертого кассац. суда общ. юрисдикции от 22 дек. 2022 г. по делу № 88-32841/2022 ; *Определение* Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 7 дек. 2023 г. № 88-24973/2023 ; *Определение* Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 25 июля 2024 г. № 88-13675/2024 ; *Определение* Седьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 16 сент. 2021 г. по делу № 88-13258/2021 ; *Апелляционное определение* Верхов. Суда Респ. Мордовия от 24 сент. 2013 г. по делу № 33-1958/2013 ; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

аргумент приводят прокуроры, заявляя требования социального характера в интересах граждан⁶. Наконец, в некоторых случаях вывод о нарушении права на достойное социальное обеспечение делают суды⁷. Весьма показательна в этом плане мотивировочная часть решения Ирбитского районного суда Свердловской области от 25 мая 2023 г. по делу № 2-579/2023⁸ по иску о праве на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии в связи с проживанием в сельской местности и длительной работой в сельском хозяйстве. Суд указал, что ответчик не разъяснил истцу право на получение выплаты, не проинформировал истца о необходимости написания заявления в связи с возникновением у истца соответствующего права и необходимости представления дополнительных документов, чем допустил нарушение его права на своевременное достойное социальное обеспечение по возрасту, гарантированное ст. 39 Конституции Российской Федерации.

Следовательно, не только граждане как субъекты права на социальное обеспечение, но и выступающие в защиту их интересов прокуроры, а также суды при разрешении соответствующих споров придерживаются весьма широкой трактовки понятия «достойное социальное обеспечение», включая в его содержание наряду с параметрами, влияющими на размер социальных выплат прямо (в частности, при его перерасчете или индексации) либо косвенно (при решении вопроса о зачете в страховой стаж тех или иных периодов работы, сопровождавшихся начислением страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и обусловленное этим увеличение индивидуального пенсионного коэффициента), также ряд иных критериев, например,

адекватность правоприменительной процедуры при установлении выплат.

Для ответа на вопрос об обоснованности выработанных судебной практикой подходов необходимо исследование категории «критерии достойного социального обеспечения» с применением системного, историко-правового, формально-юридического методов, а также с опорой на современные достижения юриспруденции и других областей научного знания, нормы Конституции Российской Федерации и социального законодательства.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОСТОЙНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В проанализированных выше судебных решениях ключевое значение в аргументации выводов о нарушении права на достойное социальное обеспечение придается конституционному принципу социального государства. Его содержание раскрывается в ст. 7 Конституции Российской Федерации через понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие». Возлагая на государство обязанность по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан, названная статья в ч. 2 закрепляет открытый перечень гарантий социальной защиты. В одном ряду здесь приведены различные элементы, начиная с охраны труда и здоровья людей и завершая отдельными видами социального обеспечения и социальной поддержки.

Взаимосвязь между конституционным требованием по созданию условий для достойной жизни и установлением социального обеспечения в некоторых случаях интерпретируется и гражданами, и судами именно как конституционное право

⁶ См., напр.: Апелляционное определение Суда Ямало-Ненец. авт. окр. от 13 сент. 2012 г. по делу № 33-2127/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., напр.: Апелляционное определение Верхов. Суда Чуваш. Респ. от 23 окт. 2017 г. по делу № 33-5316/2017 ; Апелляционное определение Владимир. обл. суда от 28 мая 2015 г. по делу № 33-1842/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ URL: https://irbitsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=66RS0028&srv_num=1&delo_id=1540005&case_type=0&judicial_uid=66RS0028-01-2023-000535-31 (дата обращения: 05.06.2025).

на достойное социальное обеспечение, несмотря на отсутствие указанной формулировки в тексте ст. 39 Конституции РФ, закрепляющей право на социальное обеспечение. Такой подход согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и основан на признании взаимосвязи и взаимозависимости всех конституционных прав, включая право на социальное обеспечение, которое может непосредственно обуславливать реализацию других прав (права на жизнь, достоинство личности, жилище, защиту семьи, материнства и детства и др.) и, в свою очередь, испытывать подобное влияние со стороны, к примеру, права на судебную защиту или права на пользование имуществом, которые могут выступать средством осуществления права на социальное обеспечение.

В рассматриваемом контексте, очевидно, нас в большей степени должна интересовать взаимосвязь права на социальное обеспечение с правом на охрану достоинства личности, поскольку достойным может считаться социальное обеспечение, предоставляющее человеку выплаты и услуги, которые не унижали бы его достоинства, позволяли сохранять здоровье и вести социально-активный образ жизни, а также гарантировали бы реализацию его права на социальные предоставления на условиях, предусмотренных законом, и в рамках эффективной правоприменительной процедуры.

В науке конституционного права категория «достоинство личности» содержательно рассматривается как ценностно-правовая, а с точки зрения инструментальной юриспруденции – как многогранная, обозначающая и субъективное право, и общеправовой принцип, и комплексный межотраслевой институт. При этом под-

черкивается, что данное понятие не имеет универсального определения, однако такая неопределенность оценивается положительно, поскольку дает возможность применения данной категории для разных правоотношений [3]. На то, что сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Конституции РФ, указывает и КС РФ⁹.

Конструкцию «достойное социальное обеспечение» также можно рассматривать как имплицитно присутствующую в конституционном тексте. Опираясь при этом следует как на ст.ст. 7, 21 и 39, так и на ст. 75¹ Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Помимо того, что в приведенной норме прямо упоминается защита достоинства граждан, в ней также указываются важные для системы социального обеспечения цели (устойчивый экономический рост, взаимное доверие государства и общества, повышение благосостояния людей), принципы (уважение человека труда, социальная солидарность), правовые средства (сбалансированность прав и обязанностей граждан) и механизмы (социальное партнерство).

Вместе с тем указанная юридическая конструкция в настоящее время скорее может расцениваться как теоретическая,

⁹ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : информация Конституц. Суда Рос. Федерации ; одобрено Решением Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 окт. 2021 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нежели нормативная, ибо в последнем случае она не только подлежала бы формализации в законе, но и должна была бы отвечать требованию правовой определенности, а само понятие достойного социального обеспечения – обладать объективными параметрами и критериями. Сложность заключается в том, что это понятие, как и другие однопорядковые (в частности, достойная жизнь), является оценочным [4] (причем такая оценка может быть как объективной, так и субъективной) и требует соответствующей конкретизации, которая может осуществляться в законодательстве, судебной практике и науке. При этом только нормативная конкретизация указанных понятий (применительно к социальному обеспечению, прежде всего, понятия достойной жизни) может оказывать непосредственное воздействие на общественные отношения.

Но в законодательстве понятие «достойное социальное обеспечение» не используется, а в судебной практике применяется с опорой на конституционный принцип социального государства. Кроме того, в некоторых случаях суды общей юрисдикции раскрывают его содержание на основе правовых позиций КС РФ, сформулированных применительно к тем или иным организационно-правовым формам социального обеспечения, а также отдельным видам социальных предоставлений. Это позволяет предположить, что возможны разные подходы к определению критериев достойного социального обеспечения в зависимости от их целевого предназначения, порядка формирования и реализации.

Возможные подходы к определению критериев достойного социального обеспечения

С учетом экономической и организационно-правовой специфики социального

обеспечения из числа возможных подходов к определению критериев достойного социального обеспечения можно выделить два основных. Оба они могут быть сформулированы на основании концепции социального риска, которая предполагает, что в системе социального обеспечения за счет публичных ресурсов компенсируются неблагоприятные последствия различных социальных рисков (болезни, старости, инвалидности, безработицы и др.) [5, с. 116–118]. Уполномоченным субъектом в соответствующих правоотношениях выступает человек, подверженный влиянию различных социальных рисков, а обязанный субъект – государство – гарантирует ему защиту от таких рисков, в частности, посредством предоставления социальных выплат или оказания социальных услуг в системе социального обеспечения. В связи с этим для надлежащей реализации права граждан на социальное обеспечение должна эффективно функционировать система социального обеспечения. Иными словами, право на социальное обеспечение, его достойный объем и содержание – это цель указанной системы, а установление и функционирование последней представляют собой средства достижения данной цели. Исходя из этого могут быть выделены непосредственные и опосредованные критерии достойного социального обеспечения.

В первом случае речь идет о показателях, отражающих объем и содержание субъективного права на социальное обеспечение. Такие критерии, по существу, адресованы гражданину как субъекту названного права и предназначены прежде всего для достижения социально приемлемого, не унижающего его достоинства уровня социального обеспечения. Их можно рассматривать в качестве одного из элементов политики доходов, поскольку предоставление социального обеспечения на уровне, позволяющем удовлетворять основные жизненные потребности,

формирует потребительское поведение человека, соответствующее условиям рыночной экономики. В отдельных случаях такие критерии должны устанавливаться с учетом дифференциации правового регулирования социальной защиты исходя из особого правового статуса гражданина, особых потребностей, обусловленных состоянием здоровья, иждивенческой нагрузкой и иными социально значимыми обстоятельствами. Кроме того, достойное социальное обеспечение должно соответствовать критериям, отражающим соблюдение права гражданина на социальное обеспечение и эффективную процедуру его реализации.

Нормативное установление и практическое применение непосредственных критериев достойного социального обеспечения возможны лишь при наличии оптимальных опосредованных критериев, которые предполагают оценку эффективности национальной системы социального обеспечения и носят институционально-структурный характер. Они характеризуют систему социального обеспечения с точки зрения степени полноты защиты от социальных рисков. В данной системе должна обеспечиваться защита от всех видов социальных рисков, которые признаны государством (в том числе с опорой на международно-правовые стандарты, в первую очередь уже упоминавшуюся Конвенцию № 102 МОТ). Кроме того, такая защита должна быть многоуровневой и охватывать социальные выплаты, блага и услуги, устанавливаемые на уровне Российской Федерации и ее субъектов, муниципальных образований, а также дополняться корпоративными и индивидуально-договорными механизмами социальной защиты.

Система социального обеспечения должна гарантировать определенность и максимально возможную стабильность условий социального обеспечения, а также индивидуализацию защиты от социальных рисков (в частности, путем составления

индивидуальных программ реабилитации/абилитации инвалидов, оказания социальных услуг, заключения социальных контрактов и т. п.). Она должна располагать доступными и эффективными правоприменительными процедурами, в том числе предоставлять гражданину выбор наиболее удобного для него варианта обращения за предоставлением социального обеспечения (непосредственно в соответствующий орган, через портал государственных и муниципальных услуг и т. п.). Система социального обеспечения должна быть снабжена механизмом разрешения споров, который при необходимости был бы дополнен гарантиями судебной защиты нарушенных прав, включая компенсацию морального вреда.

Таким образом, опосредованные (институционально-структурные) критерии достойного социального обеспечения отражают более широкий подход к стандартам социального благополучия, проявляют себя в отдельных институтах и структурных элементах системы социального обеспечения, а также позволяют оценивать ее эффективность в целом.

Подчеркнем, что при всей своей значимости они являются вторичными в механизме реализации права граждан на социальное обеспечение, соответственно, более глубокое их исследование возможно лишь после того, как будут определены непосредственные критерии достойного социального обеспечения. В свою очередь, оценка содержания непосредственных критериев на каждом этапе развития системы социального обеспечения позволит выявлять ее дефекты и формулировать предложения по ее совершенствованию.

Основной непосредственный критерий достойного социального обеспечения

Е. Г. Азарова подчеркивает: «Какими бы ни были формы и виды социального обеспечения, установленные

законодателем, принципиальное значение имеет объем и (или) качество предоставляемых благ, возможность с их помощью вести достойное существование» [6, с. 86]. В качестве основного непосредственного критерия достойного социального обеспечения рассматривается его предоставление на определенном уровне, который может быть обозначен как социально приемлемый, то есть позволяющий осуществлять основные жизненные потребности человека.

В международных актах такой уровень жизни именуют достаточным или удовлетворительным¹⁰. Подобное расхождение в терминологии международных актов и национального законодательства [7, с. 14] можно объяснить соотношением указанных уровней правового регулирования, которое, как указывалось ранее, предполагает установление международных стандартов (в том числе в сфере социального обеспечения) как минимальных с возможностью их постепенного повышения во внутригосударственных правовых актах. При этом важно не только установить такого рода национальные социальные стандарты и обеспечить определенность их содержания посредством нормативной формализации, но и добиться их реального применения в национальной системе социального обеспечения.

Как показывает опыт многих стран, эта задача весьма сложна, но все-таки выполнима, в большинстве случаев путем многоэтапных процедур повышения уровня социальных выплат и увеличения объема социальных услуг сообразно установленным стандартам. Применительно к российской системе социального обеспечения можно сказать, что на данном этапе ее развития в качестве такого стандарта (с учетом определенных особенностей) применяется прожиточный минимум.

Между тем в названной системе он не носит конституционного характера, в отличие, к примеру, от сферы трудовых отношений, где данный стандарт установлен как конституционный. Государство гарантирует установление минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, тогда как сам МРОТ, в свою очередь, выступает важнейшей гарантией социальной защиты работающих граждан и стандартом реализации конституционного права на вознаграждение за труд (ч. 2 ст. 7, ч. 3 ст. 37 и ч. 5 ст. 75 Конституции РФ). Тем самым подчеркивается масштабное значение доходов от трудовой деятельности, которые, помимо сферы трудовых отношений, подлежат компенсации в системе социального обеспечения при наступлении социальных рисков (болезни, инвалидности, старости и т. п.) в порядке и на условиях, установленных законом. Повышение уровня оплаты труда, сопряженное с обеспечением своевременной и в полном объеме уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование, способно не только оптимизировать финансовую систему такого страхования, но и стать катализатором увеличения размеров социально-страховых выплат.

Заслуживает упоминания также наличие у нашей страны исторического опыта установления на конституционном уровне подобной гарантии для сферы социального обеспечения. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (в ред. Закона РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1), провозглашая право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае утраты трудоспособности, потери кормильца и в иных установленных законом

¹⁰ См., напр., ст. 10 Декларации социального прогресса и развития 1969 г., ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., п. 7 Декларации о правах инвалидов 1975 г., ст. 28 Конвенции о правах инвалидов 2006 г. и др. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».)

случаях, предусматривала, что пенсии, пособия и другие виды социальной помощи должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума (ст. 56)¹¹.

Однако реализация данного конституционного предписания в тот период вряд ли была возможна с учетом последующих событий и преобразований, что, очевидно, послужило основанием для выбора более осторожного и взвешенного подхода российского конституционного законодателя к установлению такой гарантии. В Конституцию Российской Федерации аналогичная норма включена не была, что, с одной стороны, могло свидетельствовать о стремлении государства добиться исполнимости социальных обязательств, а с другой – не препятствовало установлению соответствующего стандарта в отраслевом законодательстве.

В частности, указанный стандарт применялся на первом этапе формирования российской пенсионной системы (в СССР пенсионная система была централизованной, союзные республики не располагали такими институтами). Сначала законодательство предусматривало, что минимальный размер пенсии по старости при общем трудовом стаже, равном требуемому для назначения полной пенсии, устанавливается на уровне прожиточного минимума, затем – на уровне МРОТ, а начиная с 1 января 1998 г. – не менее 80 % прожиточного минимума пенсионера (с учетом компенсационной выплаты). С 1 января 2001 г. прожиточный минимум перестал применяться в пенсионном обеспечении, а минимальный размер пенсии не мог быть ниже размера, установленного федеральным законом. После вступления в силу Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», а именно с 1 января 2002 г., был исключен из пенси-

онной системы и такой важный социальный норматив, как минимальный размер пенсии по старости.

В пенсионном законодательстве не осталось стандартов, которые, подобно прожиточному минимуму, имели бы формально зафиксированное социально-экономическое содержание. Стали применяться номинальные величины, определенные на основании ранее достигнутого минимального уровня пенсионного обеспечения. Так, сумма базовой и страховой части трудовой пенсии по старости не могла быть менее 660 руб. в месяц. Одновременно с этим изменилась структура трудовых пенсий и усложнился порядок определения их размера. В дальнейшем пенсионную систему ожидали более радикальные перемены, в том числе повышение пенсионного возраста, необходимость которого непосредственно связывалась с достижением цели повышения уровня пенсионного обеспечения, прежде всего неработающих пенсионеров.

Значительный вклад в формирование правового механизма реализации названной цели внес КС РФ, оценивший в Определении от 15 февраля 2005 г. № 17-О¹² отказ законодателя от использования прожиточного минимума в пенсионном обеспечении. Была констатирана необходимость применения таких стандартов жизнеобеспечения, которые позволяли бы гарантировать исполнение государством социальных обязательств перед гражданами на уровне, необходимом для удовлетворения основных жизненных потребностей. В качестве такого стандарта для определения меры социального вспомоществования нуждающимся, обеспечения им достойной жизни и свободного развития законодателем была избрана категория прожиточного минимума. Суд пришел к выводу, что показатели прожиточного минимума, обуславливая объем экономических обязательств

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 16, ст. 1479.

государства перед гражданином при установлении государственных пенсий и социальных пособий, должны рассматриваться как элемент нормативного содержания конституционного права на социальное обеспечение по возрасту, основу которого составляет пенсионное обеспечение, дополняемое различными мерами социальной поддержки.

В порядке реализации данного федерального законодательного поручения в процессе реформирования системы социального обеспечения установить регулирование, которое отвечало бы выработанным в названном Определении правовым позициям, был введен новый вид социального обеспечения. Он был адресован неработающим пенсионерам и получил наименование социальной доплаты к пенсии. Это название не в полной мере отражает его сущность, поскольку посредством установления такой доплаты до величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте РФ доводится не размер назначенной ему пенсии, а общая сумма его материального обеспечения, включающая также ежемесячную денежную выплату, дополнительное материальное или социальное обеспечение, а также иные меры социальной поддержки¹³.

Тем не менее введение социальной доплаты к пенсии стало существенным шагом на пути повышения уровня пенсионного обеспечения, а сформулированные КС РФ правовые позиции не только послужили ориентиром для законодателя, но и обогатили научные представления о содержании конституционного права на социальное обеспечение. Важный вывод касается также динамичного развития

системы социального обеспечения, когда каждый следующий этап этого процесса должен приводить не просто к оптимизации ее параметров (в частности, за счет усиления адресности социальных предоставлений), но и к увеличению размеров социальных выплат, в том числе за счет их индексации.

Динамика свойственна также и прожиточному минимуму как социальному стандарту. Если до 1 января 2021 г. он определялся ежеквартально на основании потребительской корзины и данных Федеральной службы государственной статистики о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации, об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам, то начиная с указанной даты предполагалось его установление Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на очередной год до 1 июля текущего года с исчислением в определенной пропорции с величиной медианного среднедушевого дохода за предыдущий год¹⁴. До 1 января 2024 г. действие новых правил было приостановлено, и в течение этого периода величина прожиточного минимума определялась федеральным законом о федеральном бюджете. На 2025 г. она была установлена Постановлением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 789¹⁵ в более высоких, по сравнению с показателями 2024 г.,

¹³ См. ст. 12¹ Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3699).

¹⁴ См. ст. 4 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 43, ст. 4904).

¹⁵ Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2025 год : Постановление Правительства Рос. Федерации от 12 июня 2024 г. № 789 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 26, ст. 3649.

размерах. Так, если в 2024 г. величина прожиточного минимума составляла в целом по РФ на душу населения 15 453 руб., для трудоспособного населения — 16 844 руб., пенсионеров — 13 290 руб., детей — 14 989 руб., то в 2025 г. ее размеры увеличились до 17 733 руб., 19 329 руб., 15 250 руб. и 17 201 руб. соответственно.

Специалистами были предварительно высказаны пессимистичные прогнозы относительно реального влияния приведенных новелл на повышение уровня пенсионного обеспечения [2]. Представляется, однако, что оценка таких изменений будет возможна лишь после появления и обобщения первых итогов их применения, тем более что Правительством РФ в рамках подготовки проекта федерального закона о федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. были разработаны предложения об изменении в 2026 г. механизма расчета прожиточного минимума, предполагающие его индексацию с уровнем официальной инфляции за предыдущий год¹⁶.

Характеризуя применение прожиточного минимума в качестве критерия достойного социального обеспечения, необходимо указать, что он используется не только при определении устанавливаемого в твердой сумме или минимального (с которым должен быть соотнесен результат соответствующих исчислений) размера социальных выплат, но и как показатель уровня дохода, дающего право на те или иные социальные предоставления. Подобные примеры, в частности, можно видеть в законодательстве о социальной защите семей с детьми¹⁷, соци-

альном обслуживании¹⁸, накопительной пенсии¹⁹ и др.

Независимо от той функциональной роли, которая отведена прожиточному минимуму в системе социального обеспечения применительно к отдельным видам социальных предоставлений, его можно рассматривать в качестве критерия достойного социального обеспечения соотносительно условиям конкретного периода развития национальной системы социального обеспечения и имеющимся у государства финансовым возможностям. При этом сам названный социальный стандарт должен развиваться в направлении максимально полного учета в его содержании основных социально значимых потребностей граждан и достижения более высокого уровня их удовлетворения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ДОСТОЙНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Однако вопросами применения прожиточного минимума при определении права на социальные выплаты и услуги, а также условий их предоставления и размера пенсий и пособий не исчерпывается проблема уровня социального обеспечения, а значит, и перечень показателей достойного социального обеспечения.

Не менее важные аспекты данной проблемы были выявлены в практике КС РФ применительно к различным видам социальных выплат, предоставляемых отдельным категориям граждан в рамках разных организационно-правовых форм социального обеспечения. К примеру, социальное обеспечение, предоставляемое

¹⁶ В России планируют связать увеличение прожиточного минимума с показателями инфляции // Финансы Mail. 2024. URL: <https://finance.mail.ru/2024-10-02/v-rossii-planiruyut-svyazat-uvlichenie-prozhitochnogo-minimuma-s-pokazatelyami-inflyacii-63044834/> (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁷ См. ст.ст. 4², 8–10 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1929).

¹⁸ См. ст. 31 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. I), ст. 7007).

¹⁹ См. ст. 6 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. I), ст. 6989).

в порядке обязательного социального страхования, должно соотноситься со страховыми взносами, уплаченными за застрахованное лицо в период осуществления им трудовой или иной приравненной к ней деятельности, в противном случае невозможно говорить о достойном социальном обеспечении как в силу того, что оно не компенсирует надлежащим образом застрахованный доход, так и по той причине, что тем самым нивелируется экономическая активность застрахованного лица и обесцениваются ее результаты. В частности, обозначенная правовая позиция применительно к максимальному размеру пособия по беременности и родам для женщин, подлежащих обязательному социальному страхованию соответствующего вида, была сформулирована в Постановлении КС РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П²⁰, а в дальнейшем учтена в действующем законодательстве²¹. Соблюдение указанного требования, вытекающего из существования социально-страховых отношений, должно рассматриваться как дополнительный критерий достойного социального обеспечения применительно к размерам социально-страховых выплат.

Такая же роль может быть отведена на учету особых потребностей отдельных категорий граждан, нуждающихся в социальной защите или обладающих особым статусом, например, ввиду осуществления отдельных видов деятельности, причинения вреда воздействием радиации, смертью кормильца и т. п. Так, пенсия по случаю потери кормильца – военнослужащего или сотрудника органов внутренних дел является элементом правового механизма возмещения вреда, причиненного смертью кормильца²². В связи с этим во избежание нарушений требований равенства, справедливости и соразмерности при назначении такой пенсии родителям двух (или более) военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, ее размер должен определяться с учетом указанных обстоятельств²³.

Одним из способов учета особых потребностей пенсионера или нетрудоспособных членов семьи, находящихся на его иждивении, является повышение размера фиксированной выплаты к страховой

²⁰ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 марта 2007 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 14, ст. 1742.

²¹ См. ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I), ст. 18). Также см.: *О единой предельной величине базы для исчисления страховых взносов с 1 января 2024 г.* : постановление Правительства Рос. Федерации от 10 нояб. 2023 г. № 1883 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 47, ст. 8401.

²² См. ст. 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831).

²³ См., напр.: По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» в связи с жалобой гражданина В. Н. Карпекина : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 июля 2016 г. № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 31, ст. 5087 ; ст. 38 Закона Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (Ведомости Съезда нар. депутатов РФ и Верхов. Совета РФ. 1993. № 9, ст. 328).

пенсии по старости или инвалидности²⁴. Такое повышение устанавливается, среди прочего, родителю инвалида с детства, признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре). Родитель, сам будучи пенсионером, в таких ситуациях фактически продолжает осуществлять уход за своим достигшим совершеннолетия ребенком с инвалидностью и несет сопряженные с таким уходом значительные материальные затраты, которые могут не компенсироваться пенсией самого инвалида²⁵.

Подобные ситуации показывают значимость основного непосредственного критерия достойного социального обеспечения, который связан с уровнем социального обеспечения и должен позволять удовлетворять основные жизненные потребности получателя, а при наличии у него специфических социально значимых потребностей (например, связанных с инвалидностью или иными обстоятельствами) подлежит повышению. Одновременно приведенные примеры служат основанием для вывода о том, что достойное социальное обеспечение подчиняется также сугубо правовым критериям, которые могут быть определены через реализацию принципов равенства и справедливости, а также осуществление права гражданина на социальные выплаты и услуги на условиях и в порядке, предусмотренных законом.

Отступление от таких критериев может служить основанием для восстановления нарушенного права на социальное обеспечение, а также компенсации морального вреда, причиненного гражданину таким нарушением. Долгое время воз-

можность компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на социальное обеспечение, отрицалась со ссылкой на имущественный характер такого права и отсутствие в законодательстве норм, которые бы данную компенсацию предусматривали. Например, такой ориентир нижестоящим судам был дан в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии»²⁶.

Однако в судебной практике встречались примеры иного подхода, который демонстрировал в ряде случаев и ВС РФ, в частности, рассматривая дело по иску гражданки, ранее проживавшей в учреждении для детей-сирот, которой в этот период – в отступление от требований пенсионного законодательства – не выплачивалась социальная пенсия по случаю потери кормильца, что повлекло за собой нарушение ее личных неимущественных прав, причинение ей как лицу, оказавшемуся в тяжелой жизненной ситуации, физических и нравственных страданий [8].

Точка в дискуссии о возможности компенсации морального вреда по делам, возникающим из правоотношений по социальному обеспечению, была поставлена в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»²⁷. В нем, наряду с правоположением общего характера о том, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на такую возможность не лишает потерпевшего права на компенсацию морального вреда, причиненного

²⁴ См. ч. 3.1 ст. 17 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. I), ст. 6965).

²⁵ См., напр.: *По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И. К. Дашковой* : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 апр. 2020 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 20, ст. 3224.

²⁶ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2013. № 2.

²⁷ Там же. 2023. № 2.

действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, были приведены примеры, иллюстрирующие право гражданина на компенсацию морального вреда, причиненного несоблюдением государственными органами нормативных предписаний при реализации права на получение мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий, осуществляемого в том числе в виде денежных выплат (пособий, субсидий, компенсаций и т. д.). Обязательным условием для удовлетворения исковых требований о компенсации морального вреда в таких случаях является то, что указанные нарушения лишают гражданина возможности сохранять жизненный уровень, необходимый для поддержания его жизнедеятельности и здоровья, обеспечения достоинства личности.

Судебная практика насыщена делами, в которых истцы заявляют подобные требования, а суды их удовлетворяют. При этом спектр нарушений права на социальное обеспечение, с которыми гражданине связывают причинение им физических и нравственных страданий, весьма широк — от неверного исчисления различных видов стажа (в том числе выслуги лет) и определения размера пенсии до отказа или задержки в обеспечении инвалида техническими средствами реабилитации и лекарственными препаратами. В мотивировочных частях таких судебных актов воспроизводятся соответствующие положения Постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, которые интерпретируются применительно к конкретной жизненной ситуации с учетом правовой природы тех или иных социаль-

ных предоставлений, характера допущенных органами государственной власти или публичными агентами нарушений и их последствий для неимущественной сферы гражданина.

Так, в деле о признании незаконным отказа в назначении установленной в Алтайском крае ежегодной денежной выплаты для подготовки к школе детей из многодетных семей и компенсации морального вреда суды исходили из того, что данная выплата относится к числу мер социальной поддержки семей, имеющих детей, и направлена на обеспечение ребенка необходимыми товарами для его участия в общеобразовательном процессе и на обеспечение ребенка из многодетной семьи минимальным набором, необходимым для посещения общеобразовательного учреждения с целью получения гарантированного государством образования. Отказ в установлении данной выплаты, обусловленный регистрацией семьи по месту жительства в Республике Алтай, а не в Алтайском крае, где она фактически проживает, был признан произвольным. Поскольку тем самым уполномоченный орган лишил гражданина права на эти меры социальной поддержки, что не только привело к нарушению непосредственно его имущественных прав, но и повлекло нарушение личных неимущественных прав такого гражданина, в числе которых достоинство его личности, право на образование, в пользу истца был взыскан моральный вред в размере 5 000 руб.²⁸

Изменение подхода к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на социальное обеспечение, установление и апробация в судебной практике определенных правил такой компенсации, очевидно, может свидетельствовать об усложнении системы критериев достойного социального обеспечения. В ее структуре вместе

²⁸ *Определение* Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2024 г. № 88-11825/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с критериями, имеющими экономическое содержание и обремененными в правовую форму (применение минимальных социальных стандартов в виде прожиточного минимума), появляются критерии с более значительным «удельным весом» правового содержания, которые с известной долей условности можно называть экономико-правовыми (учет специфики организационно-правовых форм социального обеспечения, а также предусмотренных законом особых потребностей отдельных категорий населения), и собственно правовые критерии, отражающие эффективность процедуры установления и результат реализации права гражданина на социальное обеспечение.

Эта тенденция согласуется с развитием современных представлений о стандартах социального благополучия. Если ранее такие стандарты охватывались прежде всего категорией «уровень жизни», то в настоящее время все чаще применяется категория «качество жизни», в том числе с ее дифференциацией в зависимости от адресата (например, качество трудовой жизни, качество жизни пациентов с определенными видами заболеваний и т. п.). Названные категории являются смежными, но не тождественными. Уровень жизни представляет собой комплексный социально-экономический показатель, отражающий степень удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. При всем многообразии подходов к его оценке большинство исследователей единодушны в том, что его критерии могут быть объективированы и формализованы в различных документах.

Категория «качество жизни» оценивается учеными как более широкая по отношению к категории «уровень жизни» и имеет более многообразное применение. В ее содержание принято включать субъективный компонент – восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и в системе ценностей, в кото-

рых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами. В связи с этим качество жизни сложно поддается формализации [9], хотя отдельные его аспекты могут иметь объективную оценку.

Представляется, что правовые критерии достойного социального обеспечения должны рассматриваться в контексте качества жизни получателя социальных выплат и услуг либо претендента на такие виды социальных предоставлений. Соблюдение права гражданина на социальное обеспечение и эффективная процедура его реализации, сопровождающаяся комфортным взаимодействием с органами государства или публичными агентами либо обеспеченная применением современных информационных технологий, могут составлять самостоятельные правовые критерии достойного социального обеспечения. Отклонение от таких критериев выступает, как было показано ранее, в качестве основания для признания права гражданина нарушенным и компенсации причиненного ему тем самым морального вреда, причем с учетом его субъективных особенностей (состояния здоровья и наличия инвалидности, семейного статуса, продолжительности и характера трудовой деятельности и т. п.). Следовательно, компенсация физических и нравственных страданий, причиненных нарушением права на социальное обеспечение, способствует укоренению в национальном правовом порядке критериев достойного социального обеспечения, полной и своевременной реализации социальных обязательств государства в отношении конкретного гражданина, а в конечном счете повышению уровня доверия граждан к государству и эффективному функционированию системы социального обеспечения.

Заключение

Реализация права на социальное обеспечение на основании конституционных принципов и норм предполагает

максимально четкое определение объема и содержания данного права, а также механизма его осуществления. В свою очередь, взаимосвязь права на социальное обеспечение с конституционным правом на охрану достоинства личности требует активизации усилий научного сообщества по выработке и обоснованию критериев достойного социального обеспечения с тем, чтобы впоследствии они получили нормативное закрепление и практическое применение. К настоящему моменту такие критерии лишь частично отражены в науке права социального обеспечения через указание на достойный уровень и объем социальных предоставлений. Более широкий подход к проблеме демонстрирует судебная практика, включая практику конституционного судопроизводства, в рамках которой выше-названный основной критерий, имеющий экономическое содержание, дополняется правовыми характеристиками, касающимися особенностей формирования и реализации исследуемого права в рамках различных организационно-правовых форм социального обеспечения, а также учета особых потребностей отдельных категорий

населения. В практике судов общей юрисдикции формируются сугубо правовые критерии достойного социального обеспечения, позволяющие оценить адекватность процедуры установления и результат реализации права гражданина на социальное обеспечение.

Перечисленные непосредственные критерии достойного социального обеспечения (основной и дополнительные) взаимодействуют с опосредованными критериями, отражающими степень эффективности национальной системы социального обеспечения с точки зрения полноты защиты граждан от социальных рисков и, соответственно, имеющими институционально-структурный характер.

Всё это свидетельствует о поэтапном формировании в Российской Федерации системы критериев достойного социального обеспечения с перспективой их применения в процессе совершенствования социального законодательства и практики его применения, а также способствует дальнейшему развитию научных представлений о феномене социального обеспечения и его правовом опосредовании.

Список литературы

1. Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1. С. 41–57.
2. Мачульская Е. Е. Достойное социальное обеспечение как одна из стратегических целей Международной организации труда // Социальное и пенсионное право. 2021. № 1. С. 48–53. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2021-1-48-53>
3. Кротов В. В. Достоинство личности в фокусе современной доктрины и практики // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 2. С. 124–135. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.022>
4. Астаева М. Г. Оценочные понятия как часть понятийного аппарата права социального обеспечения и их влияние на эффективность норм законодательства о социальном обеспечении // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-1-16-22>
5. Истомина Е. А. Концепция социального риска и ее влияние на правовое регулирование социального обеспечения в современных условиях: монография. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 370 с.
6. Азарова Е. Г. Право граждан на справедливое социальное обеспечение // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 8. С. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.085>
7. Путило Н. В. Достойная жизнь и достаточный жизненный уровень: история политико-правовых воззрений и современная практика // Социальное и пенсионное право. 2022. № 2. С. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-2-12-17>
8. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 2-е изд., испр. и доп. М. : БЕК, 2000. 237 с.
9. Дмитриева Л. А. Идентичность и качество жизни в структуре психологической безопасности сотрудника Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 14. С. 23–26.

References

1. Bogdanova N. A. Modern Catalogue of Fundamental Human Rights: International and National Ways of Filling. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2010;1:41-57. (In Russ.)
2. Machulskaya E. E. Adequate Social Security as One of Strategic Aims of the International Labor Organization. *Social and Pension Law*. 2021;1:48-53. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2021-1-48-53> (In Russ.)
3. Krotov V. V. The Dignity of the Individual in the Focus of Modern Doctrine and Practice. *Journal of Russian Law*. 2023;27(2):124-135. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.022> (In Russ.)
4. Astaeva M. G. Evaluative Concepts as a Part of the Conceptual Framework of Social Security Law and Their Impact on the Efficiency of Legal Provisions on Social Security. *Social and Pension Law*. 2024;1:16-22. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-1-16-22> (In Russ.)
5. Istomina E. A. *The Concept of Social Risk and Its Influence on Legal Regulation of Social Security in Contemporary Conditions*. Yekaterinburg: Learning and Teaching Centre of the Ural Polytechnic Institute Publ.; 2019. 370 p. (In Russ.)
6. Azarova E. G. The Right of Citizens to Fair Social Security. *Journal of Russian Law*. 2022;26(8):77-92. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.085> (In Russ.)
7. Putilo N. V. Decent Life and Sufficient Life Quality: History of Political and Legal Ideas and the Modern Practice. *Social and Pension Law*. 2022;2:12-17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-2-12-17> (In Russ.)
8. Erdelevskii A. M. *Compensation for Moral Harm: Analysis and Commentary on Legislation and Judicial Practice*. 2nd ed. Moscow: BEK Publ.; 2000. 237 p. (In Russ.)
9. Dmitrieva L. A. Identity and Quality of Life in the Structure of Psychological Security of the Employee of the Investigatory Committee of the Russian Federation. *Russian Investigator*. 2014;14:23-26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Юрьевна Федорова, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, 620066, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3680-759X>; e-mail: fmulawkc@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Fedorova, Professor of the Department of Labor Law at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3680-759X>; e-mail: fmulawkc@mail.ru

Поступила | Received
07.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.03.2025

Принята к публикации | Accepted
04.03.2025

УДК 342.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-257-270

EDN: EPEHPU

Оригинальная научная статья

Административное и судебное усмотрение при принятии процессуальных решений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях

С. В. Щепалов

*Верховный Суд Республики Карелия, Петрозаводск, Российская Федерация;**Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация*✉ schepalov@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает дискуссию профессоров Ю. П. Соловья, П. П. Серкова и С. А. Старостина о проблематике административного усмотрения. На основании подхода Ю. П. Соловья, автором проводится сравнение административного и судебного усмотрения в отечественной административной юрисдикции через сопоставление их функций, целей, предметов и характера. В результате предлагаются определения обоих правовых феноменов как научных понятий. Закон, как правило, не предоставляет правоприменителю тщательно разработанного перечня вариантов разрешения дела, поэтому юрисдикционный орган не всегда располагает возможностью осуществлять усмотрение в форме элементарного выбора наиболее правильного решения из возможных. Такой выбор нередко является сложным и требует не только аналитического, но и синтетического, творческого подхода. В связи с этим автор, не оспаривая по существу правильность трактовки усмотрения как выбора, все же предлагает использовать более емкую конструкцию «принятие решения». Административное усмотрение связано со стоящей перед должностным лицом целью реализации политики государства как публичной власти и ориентировано на реализацию права в узконормативном его смысле. Оно осуществляется посредством восполнения недостатков законодательного текста через видение и воплощение «духа» закона. Судебное же усмотрение направлено на реализацию общепризнанных норм и ценностей, отражающих приоритеты государства как страны в целом. Тем самым оно предусматривает реализацию права в интегративном его смысле – совокупности наиболее важных общепризнанных норм и ценностей, отражающих социальный компромисс. В связи с этим административное усмотрение в административной юрисдикции определяется как принятие должностным лицом решения по делу об административном правонарушении на основании собственного видения норм и ценностей, отражающих приоритеты государственного управления и направления внутренней политики публичной власти. Судебное усмотрение предлагается трактовать как принятие судьей процессуального решения исходя из собственного видения общего спектра общепризнанных социальных норм общества, в контексте которых подлежит применению законодательство.

Ключевые слова: административная ответственность; государственное управление; судебное усмотрение; административное усмотрение; административное правонарушение; административная юрисдикция; законность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щепалов С. В. Административное и судебное усмотрение при принятии процессуальных решений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 257–270. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-257-270>. EDN: <https://elibrary.ru/epehpu>

Original scientific article

Administrative and Judicial Discretion in Procedural Decision Making under the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

S. V. Schepalov

*Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation;
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation*

✉ schepalov@mail.ru

Abstract. This article continues the scholarly discussion initiated by Professors Yu. P. Solovey, P. P. Serkov, and S. A. Starostin on the issue of administrative discretion. Drawing on the theoretical framework proposed by Yu. P. Solovey, the Author compares administrative and judicial discretion in the context of Russian administrative jurisdiction, analyzing their respective functions, goals, subjects, and legal nature. As a result, the article proposes scientifically grounded definitions of both legal phenomena. The law does not, as a rule, provide enforcement authorities with a fully developed set of options for resolving a case. Consequently, a jurisdictional authority often cannot exercise discretion simply by choosing the “correct” option from a predefined list. Instead, the decision-making process is frequently complex, requiring not only analytical but also synthetic and creative approaches. In this context, the Author suggests using the broader term “decision-making” rather than simply “choice,” even while acknowledging the validity of defining discretion as a form of selection. Administrative discretion is understood as an instrument for achieving the goals of state policy and the execution of public authority. It focuses on implementing law in its narrow normative sense and involves compensating for legislative gaps by interpreting and applying the “spirit” of the law. By contrast, judicial discretion is oriented toward realizing universally recognized norms and societal values that express the broader priorities of the state. It represents law in its integrative sense – as a synthesis of fundamental social values and norms that reflect a societal consensus. Accordingly, the Author defines administrative discretion in administrative jurisdiction as the act of decision-making by an official in a case concerning an administrative offense, guided by their understanding of legal norms and values that correspond to the strategic priorities of public governance. Judicial discretion is defined as the act of a judge making a procedural decision based on their own understanding of widely accepted social norms within which the law is to be applied.

Keywords: administrative liability; public administration; judicial discretion; administrative discretion; administrative offense; administrative jurisdiction; legality

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Schepalov S. V. Administrative and Judicial Discretion in Procedural Decision-Making under the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):257-270. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-257-270>. EDN: <https://elibrary.ru/epcpu> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы внимание ученых-административистов все больше привлекают вопросы усмотрения и дискреционной деятельности в ад-

министративной юрисдикции. В 2022–2023 гг. в данной дискуссии совершен новый виток, начало которому положено весьма ценными научными статьями Ю. П. Соловья, П. П. Серкова

и С. А. Старостина¹. Переосмысление административной и судебной дискреции, активно обсуждаемое ведущими административистами [1; 2], отражает современную эпоху, которая справедливо названа Л. Л. Поповым «ренессансом государственного управления в России» [3].

Как справедливо отмечает С. А. Старостин, отечественная доктрина дискреции ни в коем случае не может считаться находящейся в зачаточном состоянии. Более того, «некоторые авторы (например, Ю. П. Соловей) вполне могут претендовать на то, чтобы конкретные доктрины связывались с их именами»². Молодые перспективные ученые, в частности Д. И. Зайцев, успешно подхватывают факел, зажженный авторитетными учеными, продолжая развитие научных взглядов об административном усмотрении с учетом современных реалий [4].

Тем не менее проблематика затронутых тем не исчерпана на сегодняшний день. В науке нет единства в определении термина «усмотрение». Иногда усмотрение отождествляется с правом выбора из ряда возможных решений [5, с. 48–58; 6, с. 90], хотя здесь, возможно, оно смешивается с дискреционным полномочием. Встречаются позиции, отождествляющие усмотрение с деятельностью правоприменителя по его реализации [7] и тем самым стирающие грань между усмотрением и дискрецией. Удачным представляется подход Ю. П. Соловья, определяющего усмотрение как сам *выбор* какого-либо варианта разрешения дела, а административное усмотрение как «*выбор* публичной администрацией варианта решения управ-

ленческого вопроса в форме принятия административного акта»³.

Вызывает серьезные трудности и научное разграничение административного и судебного усмотрения. Решение этого вопроса осложняется и тем, что иногда судебная административная юрисдикция считается деятельностью управленческой наряду с деятельностью правоохранительных госструктур [8].

По данным причинам мы также хотели бы внести свою лепту в обсуждение поднятых тем через попытку дать административному и судебному усмотрению в административной юрисдикции определения как научным понятиям. Здесь важно, чтобы определения оказались содержательными и раскрыли сущность явлений, а не ограничились указанием места, где кроется загадка.

Чтобы попытка имела успех, нужно определить *сущность* определяемых феноменов – их отличительные и стержневые качества, которые следует указать и прокомментировать. В связи с этим при анализе усмотрения как разновидности выбора следует ответить на три вопроса: 1) какова *цель* такого выбора, стоящая перед юрисдикционным органом; 2) каков *предмет* выбора, то есть какое «сырье» будет перебирать юрисдикт в поисках лучшего варианта; 3) каков *характер* выбора. Выбор может быть простым – из нескольких уже разработанных законотворческим трудом готовых вариантов. Он может оказаться и сложным, когда органу предстоит самостоятельно, используя творческое начало, разработать новые варианты и выбирать потом уже из плодов

¹ См.: Серков П. П., Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4. С. 374–383. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-4-374-383> ; Соловей Ю. П., Серков П. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-6-24> ; Старостин С. А. В продолжение дискуссии об административном усмотрении // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 145–157. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-145-157>

² Старостин С. А. Указ соч. С. 151–152.

³ Соловей Ю. П., Серков П. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) ... С. 10.

не законодательства, а собственного труда. При этом инспектора и судью могут еще и грызть сомнения – законны ли разработанные ими варианты? Утрируя, можно привести сравнение простого выбора обеда из 50 готовых блюд ресторанного меню и сложного выбора хозяйки, что приготовить семье из продуктов, оставшихся в холодильнике? В первом случае мы имеем дело скорее с логическим анализом, во втором – уже с синтезом, творческим началом.

Для полноценного ответа на возникшие вопросы придется несколько отойти от парадигм отраслевых юридических наук и подключить ресурсы как теории государства и права, так и судебной практики. Возможно, именно разрозненность науки и практической юриспруденции, автономность отраслевых юридических наук, их независимость от историко-теоретических препятствий познанию сущности обозначенных в заглавии статьи явлений.

ЦЕЛЬ УСМОТРЕНИЯ

Целью явления в философии считается предвосхищение в сознании результата деятельности⁴, предмет стремления⁵, идеальный образ⁶. Цель выступает как способ интеграции действий в последовательность, систему⁷. В то же время цель – категория производная и предопределена функцией явления. С позиций структурно-

функционального анализа первоначально возникает функция, а затем – институт, который создается для ее выполнения [9]⁸. В связи с этим отмечается, что функция рождает структуру. В частности, потребность общества в чем-либо порождает социальный институт [10]. Функция понимается как способ поведения, присущий объекту и способствующий сохранению его существования⁹. В социальных науках она указывает на роль, которую выполняют общественные структуры и процессы в поддержании устойчивости систем, частями которых они являются¹⁰. Таким образом, функция правового явления отвечает на вопрос «потребность в чем именно породила его к жизни?» и предопределяет цель, к которой оно будет стремиться. Характер и масштабы поставленной цели предполагают формулирование последовательных задач для ее достижения. Понятие «цель» касается той же проблемы, но изнутри. Цель – категория более методичная. Она отражает состояние, которое можно охарактеризовать как «решенность» поставленных задач. Поэтому цели изучаемых явлений следует определять через выяснение функций несудебной и судебной административной юрисдикции.

Процессуальная деятельность, в ходе которой возникают вопросы, требующие дискреционного решения, осуществляется госструктурами и связана с применением

⁴ Левин В. И. Философия, логика и методология науки: толковый словарь понятий. Пенза: Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2010. С. 63.

⁵ Тематический глоссарий по философии : для студентов всех специальностей ун-та / сост.: А. В. Климович, Л. В. Перевалова, В. А. Степанович. Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина. 2010. С. 56.

⁶ Некрасова Н. А., Некрасов С. И., Садикова О. Г. Тематический философский словарь : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2009. С. 141.

⁷ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: словарь системы основных понятий. М. : Либроком, 2013. С. 187–188.

⁸ См., напр.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учеб. СПб. : Проспект : Статус ЛТД+, 1996. С. 12 ; Щепалов С. В. Теория государства и права : конспект лекций. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 9–17.

⁹ Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М. : Совет. энцикл., 1970. Т. 5: Сигнальные системы – Яшты. С. 418.

¹⁰ Энциклопедия эпистемологии и философии науки / [редкол.: И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др.]. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1106.

объективного права. Поэтому, во-первых, нельзя обойти вниманием известные в теории государства трактовки термина «государство», под которым понимается: 1) способ политико-территориальной организации общества, отличный от родоплеменного; 2) публичная власть; 3) страна в целом¹¹. Во-вторых, нужно учесть, что объективное право понимается в отраслевых юридических науках в узконормативном смысле – как законодательство [11]. Такой подход называется позитивистским или легистским. Вместе с тем в теории права, в отличие от отраслевых наук, более распространены иные подходы к праву объективному, различающие право и закон. И без их использования, по нашему мнению, нельзя будет разграничить административное и судебное усмотрение.

Исторически административная ответственность сформировалась в отечественном праве в 1920-е гг. как осуществляемое в рамках государственного управления порицание государством как публичной властью лица за неповиновение ее внутренней политике. Далее административная ответственность эволюционирует в том же русле, несмотря на дополнение административной юрисдикции процедурами пересмотра. В связи с этим высказывание С. А. Старостина о том, что понятие «административный» означает «управленческий», а администрирование – это управление [12, с. 104], бесспорно, правильное.

Соответственно, инспектор, привлекая к административной ответственности, во-первых, проводит в жизнь *волю государства именно как публичной власти*, во-вторых, поскольку эта воля выражена в законе, инспектор применяет право объективное как законодательство. Поэтому несудебная юрисдикция осуществляется на основании и во исполнение *права в его узконормативном понимании*.

Судебная же административная юрисдикция появилась в 1950-х гг. в эпоху хрущевской оттепели. После XX Съезда КПСС был обозначен курс на отход от сталинского наследия, борьбу с административным произволом. Был изменен и подход к производству по делам об административных правонарушениях (далее – ПДОАП). Судебный порядок ПДОАП позиционировался как народная оценка осуществляемого госструктурами административного преследования и осуществлялся народным судом. Затем судебное производство эволюционировало в корректировку судом от имени *государства уже как страны* осуществляемого публичной властью административного преследования¹².

Разумеется, судебный порядок привлечения к административной ответственности относится к применению права, а в частности, к процессуальной или правоохранительной его форме¹³. Применение права, в свою очередь, является одной из теоретических форм реализации права объективного¹⁴. Принцип законности

¹¹ См., напр.: *Теория государства и права* : учеб. / под ред. проф. М. Н. Марченко. 3-е изд. М. : Зерцало-М, 2002. С. 54 ; *Комаров С. А.* Общая теория государства и права : учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. направлениям и специальности. 6-е изд., доп. СПб. : Юрид. ин-т, 2001. С. 27 ; *Общая теория права и государства* : учеб. для юрид. вузов / В. С. Афанасьев, А. П. Герасимов, В. И. Гойман и др. ; под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1996. С. 43 ; *Горбанок Н. А., Кучинский В. А.* Общая теория права. Основные понятия и логические схемы. Минск, 1996. С. 13.

¹² См., подробнее: *Щепалов С. В.* Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административной юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 3. С. 297–312. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-3-297-312>

¹³ См., напр.: *Теория государства и права* : учеб. / под ред. проф. М. Н. Марченко ... С. 608–611 ; *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права : учеб. М. : Спарк, 1998. Тема 16 ; *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». М. : Юрист, 2001. Глава 14.

¹⁴ *Алексеев С. С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 1995. С. 251.

является общеправовым принципом. Он закреплен во всех процессуальных кодексах и следует из содержания ст. 1.6, ч. 3 ст. 1.7, п. 8 ч. 2 ст. 30.6, ч. 2 ст. 30.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Наряду с этим теория права, по сравнению с процессуальными науками, отходит от позитивистских взглядов и различает право и закон. Право объективное в основном ассоциируется теоретиками с социальными нормами, относящимися к нормам культуры. Они существуют в сознании общества и в значительной мере сложились исторически. И отдавая дань уважения как труду законотворческих органов, так и самому принципу законности, нужно признать, что закон не тождественен праву. Он является *формой его выражения*.

Однако соотношение права и закона определяется теоретиками неоднозначно. По этим причинам была предпринята попытка выработать единое понятие права – нечто среднее, общее между изложенными концепциями. Такая концепция получила название «интегративный подход к праву» и активно развивается [13–16]¹⁵.

В интегративно-правовой трактовке право объективное представляется как средство *социального компромисса*. Право образовано совокупностью воли публичной администрации, иных социальных сил, общества в целом, а также множества его членов. Право творят все те, чьи веления признаются общеобязательными. Оно содержится во всем, что официально защищается в качестве обязательных правил¹⁶.

По определению В. В. Ершова, право в интегративном понимании представляет

собой систему, включающую как нормативные правовые акты, содержащие нормы права, так и иные формы права – прежде всего, фундаментальные принципы права, нормативные правовые договоры, а также обычаи [17]. Источниками права могут быть международные договоры, декларации, общий смысл и принципы конституции, правоприменительная практика, обычаи, обыкновения, моральные нормы и т. п. [18, с. 26] В. В. Ершов предложил дополнить Конституцию Российской Федерации статьей, закрепляющей такую высшую цель нашего государства, как защита прав и интересов граждан, основанных на общепризнанных человеческих ценностях [18, с. 27].

Таким образом, в соответствии с интегративным подходом, право объективное выражает согласованную волю членов общества в отношении основных общественных ценностей и организации жизнедеятельности общества как социального целого. Оно представляет собой *сложившиеся в обществе и являющиеся результатом социального компромисса наиболее важные для сохранения и развития общества социальные нормы, соблюдение которых по данным причинам, как правило, также подкреплено государственным или общественным принуждением*.

Следовательно, закон, требования которого предстоит исполнить инспектору, является феноменом производным – формой выражения права объективного. Он должен быть его «зеркалом», имеющим как можно меньшую степень «кривизны», но какую – будет зависеть от развитости публично-правовых институтов и типа политического режима.

Таким образом, функцией несудебной административной юрисдикции является

¹⁵ См., напр.: Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Н. Новгород, 2005. С. 3–9 ; *Общая теория права и государства* : учеб. / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. С. 62–63 ; Мелехин А. В. Теория государства и права : учеб. с учеб.-метод. материалами. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2009. С. 170.

¹⁶ *Общая теория права и государства* ...

борьба с неповиновением политике публичной власти через оценку действий привлекаемого на соответствие их праву в узконормативном смысле – как «инструмента политики».

Судебная административная юрисдикция также является формой применения права, но в интегративном его понимании. Она осуществляется от имени государства как *страны* и оценивает административное преследование на соответствие его праву в полном, интегративном его смысле.

Далее нужно определить, в чем заключается *функция* наделения должностных лиц публичной администрации и судей усмотрением при рассмотрении административно-деликтных дел.

Само по себе буквальное выполнение предписаний законодательства не обеспечит выполнение стоящей перед ПДОАП функции. Во-первых, воля законодателя конечна и пробелы в законе неизбежны. Во-вторых, законодательный текст состоит из фраз, предполагающих обращение к живущему в общественном сознании смыслу используемых в законе слов и выражений. Правоприменителю предстоит самостоятельно решить, какой срок считать разумным, каким образом учитывать те или иные обстоятельства и т. д. Даже буквальное толкование позитивного права без усмотрения невозможно. В-третьих, законодательные формулировки могут быть подобраны неудачно, и тем более необходимо прибегать к усмотрению для того, чтобы выработать какой-либо адекватный способ их толкования, отличный от буквального.

В связи с этим для выполнения функции самой процессуальной деятельности юрисдикционный орган наделяется определенной свободой и самостоятельностью при принятии решений. Законодательные формулировки должны превращаться в своего рода интеллектуальный раствор, наполняясь и даже преобразуясь с по-

мощью тех или иных приоритетов, ценностей и устоев, которыми располагает правоприменитель. Опираясь этими ориентирами, правоприменитель реализует свое усмотрение.

Но функция усмотрения зависит от того, является оно административным или судебным.

Усмотрение административное призвано к толкованию закона и восполнению его недостатков в контексте внутренней политики верховной власти. Инспектор как представитель исполнительной власти нацелен на исполнение воли публичной власти. Между тем, по причине неясности закона, рассогласованности действий министерств и прочего, политический курс может теряться в работе бюрократизированного госаппарата. Функция административного усмотрения состоит в том, чтобы не сойти с обозначенного руководством страны фарватера. Для этого требуется реализовать тот дух позитивного права, который не нашел однозначного отражения в законодательном тексте. Словом, эта функция заключается в *реализации политической воли публичной власти в той части, в которой она не охвачена или искажена законодательным регулированием*.

Функция же судебного усмотрения заключается в восполнении тех же недостатков законодательного регулирования, но *через реализацию права в интегративном его понимании в той части, где его нормы оказались не закреплены или искажены законодательным регулированием*.

Итак, инспектор, рассматривая административный материал, при реализации своего усмотрения смотрит на дело глазами законодателя, а судья – глазами общества.

Таким образом, цель, к которой стремится административное усмотрение, можно охарактеризовать как обеспечение законности в той части, в какой для этого недостаточно элементарного применения закона. Это предполагает реализацию направленности законодательного

регулирования, восполнения пробелов по образцу другого имеющегося волеизъявления. Законность предполагает следование не только букве, но и духу закона¹⁷, уяснение воли законодателя [19]. Имеется в виду воля действительная [20], вложенная законодателем в норму, а не извлеченная из нее.

Законность как правовой феномен получил развитие в эпоху Петра I, создавшего, в частности, органы прокуратуры. Он рассматривал законность как единственное юридическое средство, позволяющее сконцентрировать всю полноту верховной власти в руках монарха [21].

Цель судебного усмотрения иная. Суд рассматривает как букву, так и дух закона, но в проекции, как форму выражения массива общепризнанных социальных норм. Приоритеты публичной власти также продолжают играть здесь ведущую роль, воспринимаются как важные ценности, но не единственные и не самодостаточные. И в судебном производстве *целью усмотрения является обеспечение соответствия результата рассмотрения дела тем общепризнанным социальным нормам, которые не закреплены в законодательстве правильным и исчерпывающим образом.*

В результате судебное усмотрение должно обеспечивать согласование применения закона как явления производного с правом объективным как явлением первообразным. Подобную цель можно кратко охарактеризовать как достижение справедливости. Эта категория признана также и законодателем и закреплена в различных нормативных актах. Тем самым законодатель прямо отсылает к содержанию

неписаных правовых норм, воздерживаясь от излишнего регулирования. В наибольшей мере термин «справедливость» характерен для гражданского законодательства¹⁸. В процессуальных кодексах данная категория используется нередко, например, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 391.1), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (п. 3 ст. 6, ст. 9), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226.9, ст. 297, ч. 1 ст. 332, ст. 389.9, ч. 4 ст. 389.28 и др.), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (п. 3 ст. 2, ч. 2 ст. 98, ч. 4 ст. 174, ч. 10 ст. 248.2, ч. 1 ст. 308.10). При этом справедливость указывается и в числе задач или принципов судопроизводства.

Наиболее емко цель судебного усмотрения можно охарактеризовать укорененным в российской культуре словом «правда», которое соединяет юридические и нравственные характеристики и ассоциируется с высшей справедливостью [22]. Небезосновательно отмечается и то, что стремление к достижению правды в смысле истины, доброты и т. п. присутствовало в процессе отправления правосудия еще с античной эпохи¹⁹. Достижение правды считается также целью миссии присяжного заседателя при рассмотрении уголовного дела [23]. И в целом слово «правосудие» означает «правый суд», решение по совести и правде²⁰.

ПРЕДМЕТ УСМОТРЕНИЯ

Далее поставим вопрос о том, *каковы предметы административного*

¹⁷ Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учеб. М. : Прометей, 2017. С. 224–233.

¹⁸ Например, в п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) – как требование к применению аналогии права, в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ – к размеру компенсации утратившему помимо своей воли право участия в корпорации, в п. 1 ст. 308 ГК РФ – к размеру астрента, в п. 5 ст. 393 ГК РФ – при определении размера подлежащих возмещению убытков, в п. 3 ст. 451 ГК РФ – при распределении между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением договора.

¹⁹ Назаров И. Д. Категория правосудия в истории общественной мысли : автореф. ... канд. филос. наук. Иваново, 2016. 29 с.

²⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1998. Т. 3: П. С. 380.

и судебного усмотрения, то есть каким именно материалом они оперируют. И то, и другое усмотрение представляет собой интеллектуальную деятельность. Она связана с формулированием умозаключений исходя из информационного материала. Он, в свою очередь, основан на отражении в сознании судьи общепризнанных социальных норм и ценностей, а в сознании должностного лица – актуальных приоритетов внутренней политики.

Однако для реализации усмотрения недостаточно простого отражения в сознании правоприменителя тех ориентиров, которые заданы целью усмотрения. Материал, которым будет оперировать усмотрение, появляется благодаря мыслительным операциям с являющимися результатом учебного, бытового и практического опыта убеждениями, предположениями и даже стереотипами и предубеждениями. В связи с этим ценности общества или публичной власти, наряду с иными ориентирами, преломляются в сознании правоприменителя в таких проекциях, которые правильнее характеризовать как *установки*. Самые осознанные и непоколебимые из них применительно к обстоятельствам конкретного дела превращаются во *внутренние убеждения*, на основании которых осуществляется оценка доказательств (ст. 26.11 КоАП РФ).

Эти установки отражают действительность с позиции не причинно-следственных и иных ассоциативных связей (как эмпирические положения), а с позиции *долженствования*. Установки выражаются, например, в следующем: «важно то-то» или «такого-то допустить нельзя – это неразумно». Эмпирические положения (следующие из повседневного опыта типичные взаимосвязи между различными фактами) могут являться лишь логическим фундаментом для установок, но не могут их заменить.

По предмету влияния такие установки можно разделить на две группы:

а) *установки, относящиеся к существу дела – вопросам материального права*. Например, это уважение к преклонному возрасту гражданина. Пожилого правонарушителя нет необходимости без очевидно веских оснований подвергать административному аресту. Это также и снисхождение к юному возрасту привлекаемого, хотя и достигшего 16 лет, но в силу возрастных особенностей пока что проявляющего излишнее озорство и браваду. В отношении юноши, в зависимости от конкретной ситуации, конечно, можно разрешить вопрос о прекращении производства по делу в связи с малозначительностью или ограничиться предупреждением;

б) *установки, относящиеся к процессу рассмотрения дела*. К примеру, это не закрепленная в КоАП РФ необходимость добросовестного использования процессуальных прав. Обманное процессуальное поведение привлекаемого или его защитника, может отвернуть от него судебные инстанции. Допустим, если защитник самостоятельно подает жалобу на постановление в определенный суд, настаивает в суде на разрешении жалобы по существу, а после отказа в ее удовлетворении обжалует судебное решение по мотивам нарушения подсудности²¹. Разумеется, если ошибка в подсудности очевидна, вышестоящая инстанция вмешается, но в спорных ситуациях решение может быть иным.

По характеру влияния установки можно разделить на две другие группы:

а) *установки-ценности*, предполагающие необходимость учета тех или иных обстоятельств как важных;

б) *установки-меры*, определяющие разумные пропорции реализации подобных ценностей в соотношении друг

²¹ См., напр.: *Решение* Верхов. Суда Респ. Карелия от 28 июня 2023 г. № 21-114/2023 // Архив Кондопож. гор. суда Респ. Карелия ; *Решение* Верхов. Суда Респ. Карелия от 21 июня 2023 г. № 21-110/2023 // Там же.

с другом и отвечающие на вопрос о том, до какой степени можно реализовывать такую-то ценность.

Приведенные выше примеры относятся к установкам-ценностям. Вторая же группа представляет собой тончайшую материю. Она позволяет определить конкретный размер наказания в неоднозначной ситуации, признать те или иные факты доказанными при противоречивости доказательственной базы, отличить правонарушение малозначительное от заслуживающего минимального наказания по санкции статьи.

Так, КоАП РФ предполагает учет тех или иных обстоятельств (при назначении наказания – чч. 2–3.2 ст. 4.1 КоАП РФ, рассрочке уплаты штрафа – ч. 2 ст. 31.5 КоАП РФ). Каким образом нужно их необходимо учитывать, в кодексе не указано. Предполагается, что правоприменитель как носитель культуры общества имеет жизненный и профессиональный опыт. И он сможет, руководствуясь здравым смыслом и представлениями общества о соразмерности и справедливости в различных жизненных ситуациях, наиболее адекватно индивидуализировать решение применительно к заслуживающим уважения обстоятельствам дела.

К примеру, административно наказуемые составы нередко закрепляют оценочные термины: «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» (ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство»), «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»), «дискредитация использования Вооруженных Сил РФ» (ст. 20.3.3 КоАП РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных

Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации») и т. д. Можно ли квалифицировать по ст. 20.1 КоАП РФ плевок пьяного гражданина мимо урны? В достаточной ли степени являются оскорбительными и квалифицируются по ст. 5.61 КоАП РФ действия ревнивца, если он публично насмешливо назвал своего соперника «артистом»? Будем ли наказывать по ст. 6.1.1 КоАП РФ юношу, который заступился за однокурсницу, отвесив хулигану подзатыльник? А прислушаемся ли мы к доводам защиты о том, что водитель, привлеченный по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, не оказывал неповиновение инспектору ДПС и хотел предъявить документы на автомобиль, но перед этим решил допить пиво²²? Ответов на эти вопросы в законах нет. Именно неписанные нормы, которые год за годом накапливаются в жизненном опыте, мироощущении и уровне культуры должностного лица и судьи, создают у правоприменителя тонкое и взвешенное чувство меры. Только оно ориентирует правоприменительное усмотрение, создавая тот самый баланс публичных и частных интересов, о котором все чаще упоминается как в литературе, так и в судебной практике.

Вместе с тем круг установок-ценностей и установок-мер для правоохранительных структур и суда различается. Он предопределен различными целями административного и судебного усмотрения.

²² Решение Верхов. Суда Республики Карелия от 5 июля 2023 г. по делу № 12-44/2023 // Архив Петрозавод. гор. суда Респ. Карелия.

К установкам, которые являются предметом административного усмотрения, можно отнести *приоритеты внутренней политики и ценности, на которые ориентирован законодатель*. Это социальные нормы, отражающие интересы и приоритеты государственного управления. Они обеспечивают верховенство публичной власти внутри страны. Например, к ним можно отнести позиции о недопустимости ухода от ответственности лица, допустившего правонарушение, важности общей превенции как цели административного наказания, подконтрольности, управляемости и открытости населения для госструктур, своевременном внесении обязательных платежей, оперативности реализации распоряжений вышестоящих структур, поддержании общего авторитета публичной власти и т. д. Административное усмотрение оперирует подобными категориями и формирует наиболее целесообразный вариант разрешения дела.

Разумеется, все эти ценности важны и для самого общества, создавшего публичную власть. Поэтому они же входят и в предмет судебного усмотрения по принципу матрешки. Судья должен учитывать и уважать авторитет государственного управления, в случае подрыва которого сохранение социума ставится под угрозу. Вместе с тем предмет судебного усмотрения этим не ограничивается. В него входят установки, отражающие ценности и приоритеты общества в целом, а не только его публичных институтов.

Говоря метафорически, судебное усмотрение хотя и работает с духом закона как со своего рода плодом, но продолжает сохранять связь с социальными нормами, как с соками и жизненной энергией самого растения под названием «право объективное».

Тем не менее предметы административного и судебного усмотрения в опре-

деленной степени совпадают, поскольку множество социальных норм одновременно являются приоритетами общества в целом и созданных им публичных институтов в частности.

ХАРАКТЕР УСМОТРЕНИЯ

Наконец предлагаем перейти к вопросу о *характере* административного и судебного усмотрения. В этом аспекте они совпадают в наибольшей степени.

Усмотрение представляет собой выбор, как правильно подчеркнул Ю. П. Соловей²³. Но характер этого выбора чаще всего сложный. Собственно, выбором усмотрение завершается, а начало усмотрения носит творческий, инициативный характер, и эта сторона усмотрения требует отдельного изучения. Так, законодатель далеко не всегда в состоянии предложить правоприменителю готовый перечень вариантов решений, похожий на фортепианную клавиатуру. Да и сегодня нельзя требовать такого уровня законотворчества от парламента, которому приходится всё более оперативно реагировать на стремительно меняющиеся реалии внутренней и внешней политики.

Поэтому окончательному выбору, являющемуся завершающим аккордом усмотрения, нередко предшествует трудоемкая, если не сказать мучительная, работа по интеллектуальному формированию перечня для будущего выбора. При этом выбор может оказаться еще и сомнительным с точки зрения его законности.

Как следствие, окончательный выбор требует предварительной реализации творческого ресурса правоприменителя, если предложенные законодателем способы разрешения дела либо не определены, либо не жизнеспособны. Юрисдикту тогда сначала приходится не выбирать, а избрывать один или несколько возможных способов разрешения дела.

²³ Соловей Ю. П., Серков П. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) ... С. 10.

Выбор может проявиться и в принятии первого изобретенного варианта, когда он будет сочтен разумным, и в убеждении о необходимости доработать или пересмотреть такой вариант. Например, КоАП РФ не регулирует процессуальные последствия подачи неподписанной жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении. По этим причинам судебным усмотрением выработана практика возвращения таких жалоб. Она мотивирована общими суждениями, что судья должен иметь объективные данные о том, что заявитель относится к числу лиц, которые вправе обжаловать процессуальный акт. Эта практика поддержана и Верховным Судом Российской Федерации²⁴.

Действительно, *выбор* является ядром усмотрения правоприменителя, и трактовка Ю. П. Соловья, безусловно, правильна. Тем не менее по приведенным причинам хотелось бы облечь это ядро, говоря образно, в творческую и инициативную оболочку. Именно она дает возможность

этому выбору успешно реализоваться в будничных условиях неопределенности, а вместе с выбором образует *принятие дискреционного решения*.

Заключение

В порядке *заключения* хотелось бы предложить следующие определения административному и судебному усмотрению при принятии процессуальных решений в соответствии с КоАП РФ.

Административным усмотрением является *принятие должностным лицом процессуального решения по делу об административном правонарушении на основании собственного видения норм и ценностей, отражающих приоритеты государственного управления и направления внутренней политики публичной власти*.

Судебное усмотрение можно понимать, как *принятие судьей процессуального решения на основании собственного видения общего спектра общепризнанных социальных норм общества, в контексте которых подлежит применению законодательство*.

Список литературы

1. Старилов Ю. Н. Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Л. Л. Попова // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-25-37>
2. Россинский Б. В. Научные взгляды Л. Л. Попова как вектор развития государственного управления в России // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-37-42>
3. Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России: избранное. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 366 с.
4. Зайцев Д. И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 199–208. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208>
5. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. ; вступ. ст. М. В. Баглая. М. : Норма, 1999. 386 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / [вступ. ст. А. Л. Маковского]. М. : Статут, 1998. 352 с.
7. Степанов М. М. Судейское усмотрение в деятельности местных судов в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Российский судья. 2022. № 3. С. 47–51. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-3-47-51>
8. Русскова М. А., Степенко В. Е. Субъекты административной юрисдикции в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов // Юрист. 2021. № 5. С. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-5-61-68>
9. Емельянов А. С. Функции финансового права и механизм финансово-правового регулирования // Реформы и право. 2009. № 4. С. 16–35.

²⁴ См., напр.: *Решение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 окт. 2018 г. № 46-ААД18-12 ; *Решение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 6 сент. 2019 г. № 81-ААД19-24 ; *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 6 июля 2020 г. № 57-АД20-3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Спиридонов Л. И. Размышления о состоянии современной юридической науки (отрывки занятий с аспирантами по теории права) // История государства и права. 2009. № 24. С. 14–21.
11. Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3–12.
12. Старостин С. А. О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5 (21). С. 100–106.
13. Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания: аргументы за // История государства и права. 2009. № 21. С. 38–41.
14. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.
15. Лизикова И. И. Концептуальные подходы к определению права в юридической науке // История государства и права. 2010. № 13. С. 20–22.
16. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12 (156). С. 68–84.
17. Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2008. № 7 (27). С. 4–15.
18. Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М. : Изд-во РПА МЮ РФ, 1992. 206 с.
19. Ляпунов Ю., Ерасов А. Применение статей Особенной части УК РФ, ранее предусматривавших наказание в виде конфискации имущества // Законность. 2006. № 7 (861). С. 10–13.
20. Потапов В. Д. Возвращение кассационной и надзорной жалобы/представления без их рассмотрения по существу: основания и порядок // Уголовное право. 2012. № 2. С. 97–101.
21. Соколова Е. С. Принцип законности в интерпретации Петра I: о правовой основе моделирования «надсловной монархии» в России (первая четверть XVIII в.) // Российский юридический журнал. 2013. № 4 (91). С. 78–81.
22. Коллюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14>
23. Малина М. А. Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан // Российский судья. 2022. № 2. С. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-2-51-55>

References

1. Starilov Yu. N. Has the Public Administration Renaissance Epoch Really Begun in Russia? On the Anniversary of Professor L. L. Popov. *Administrative Law and Procedure*. 2020;7:25-37. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-25-37> (In Russ.)
2. Rossinskiy B. V. L. L. Popov's Scientific Views as a Public Administration Development Vector in Russia. *Administrative Law and Procedure*. 2020;7:37-42. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-37-42> (In Russ.)
3. Popov L. L. *The Renaissance of Public Administration in Russia: Selected Works*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2015. 366 p. (In Russ.)
4. Zaitsev D. I. Administrative Discretion in the Digital Age. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;11:199-208. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208> (In Russ.)
5. Barak A. *Judicial Discretion*. Moscow: Norma Publ.; 1999. 386 p. (In Russ.)
6. Pokrovskii I. A. *Key Issues in Civil Law*. Moscow: Statut Publ.; 1998. 352 p. (In Russ.)
7. Stepanov M. M. Judicial Discretion in the Activities of Local Courts in the Years of the Civil War in Russia (1918 to 1920). *Russian Judge*. 2022;3:47-51. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-3-47-51> (In Russ.)
8. Russkova M. A., Stepenko V. E. Subjects of Administrative Jurisdiction in Fishing and Preservation of Aquatic Biological Resources. *Jurist*. 2021;5:61-68. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-5-61-68> (In Russ.)
9. Emelyanov A.S. Functions of Financial Law and the Mechanism of Financial-Legal Regulation. *Reformy i pravo*. 2009;4:16-35. (In Russ.)
10. Spiridonov L. I. Reflections on the State of Modern Legal Science (Extracts of the Classes with Post-Graduates of the Theory of Law). *History of State and Law*. 2009;24:14-21. (In Russ.)
11. Leist O. E. Three Concepts of Law. *Soviet State and Law*. 1991;12:3-12. (In Russ.)
12. Starostin S. A. On the Relation Between the Concepts of “Administrative Process”, “Administrative Proceedings”, “Administrative Procedures”. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016;5:100-106. (In Russ.)
13. Palekha R. R. Integration Concept of Legal Understanding: Arguments in Favor. *History of State and Law*. 2009;21:38-41. (In Russ.)
14. Martyshev O. V. Can the Main Types of Understanding of Law Be Compatible. *State and Law*. 2003;6:13-21. (In Russ.)

15. Lizikova I. I. Conceptual Approaches to Definition of Law in Legal Science. *History of State and Law*. 2010;13:20-22. (In Russ.)
16. Varlamova N. V. Russian Legal Theory in Search for a Paradigm. *Journal of Russian Law*. 2009;12:68-84. (In Russ.)
17. Ershov V. V. Theoretical and Practical Problems of Law Understanding, Lawmaking and Enforcement. *Rossiiskoe Pravosudie*. 2008;7:4-15. (In Russ.)
18. Ershov V. V. *The Status of Courts in a Rule-of-Law State*. Moscow, 1992. 206 p. (In Russ.)
19. Lyapunov Yu., Erasov A. Application of Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation Previously Providing for Confiscation of Property. *Zakonnost*. 2006;7:10-13. (In Russ.)
20. Potapov V. D. Returning of the Cassation and Supervising Claims/Adductions Without Their Consideration in the Essence: the Bases and the Order. *Criminal Law*. 2012;2:97-101. (In Russ.)
21. Sokolova E. S. The Principle of the Rule of Law in the Interpretation of Peter I: About Legal Basis for Modeling "Above-Class Monarchy" in Russia (First Quarter of XVIII Century). *Russian Juridical Journal*. 2013;4:78-81. (In Russ.)
22. Kolyushin E. I. Values of Truth in Russian State (Constitutional) Law. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;2:8-14. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14> (In Russ.)
23. Malina M. A. Participation of the Population in Exercising Justice Can Radically Change Legal Consciousness of Russian Citizens. *Russian Judge*. 2022;2:51-55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-2-51-55> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Владимирович Щепалов, судья Верховного Суда Республики Карелия (ул. Кирова, 27, Петрозаводск, 185035, Российская Федерация), докторант Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, Москва, 123242, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>; e-mail: schepalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav V. Schepalov, Judge of the Supreme Court of the Republic of Karelia (27 Kirova str., Petrozavodsk, 185035, Russian Federation), Doctoral Candidate at the Kutafin Moscow State Law University (9 bldg. 1 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>; e-mail: schepalov@mail.ru

Поступила | Received
05.03.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.04.2025

Принята к публикации | Accepted
02.04.2025

УДК 343.985

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-271-281

EDN: EQNBRG

Оригинальная научная статья

**Тактико-криминалистические особенности
производства освидетельствования
при проверке сообщений о преступлениях**

А. Т. Анешева

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ b.atmi08@mail.ru

С. Е. Тимошенко

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ svet73-13@mail.ru

Л. С. Шеховцова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

✉ l.sheh@mail.ru

Аннотация. Одним из видов осмотра законодатель называет освидетельствование, суть которого состоит в осмотре тела живого человека. Данное следственное действие является важным инструментом в процессе получения доказательств как на стадии предварительного расследования, так и на стадии возбуждения уголовного дела. Специфика проверки сообщения о преступлении состоит в ограниченном количестве следственных действий, производство которых разрешено законодателем на этой стадии уголовного судопроизводства. В этой связи возрастает ценность каждого из следственных действий, ввиду присущих им уникальных и индивидуальных целей и задач. Освидетельствование относится к категории следственных действий, производство которых возможно на стадии возбуждения уголовного дела, в связи с чем авторы раскрывают тактические особенности его производства в рамках проверки сообщения о преступлении. В статье рассмотрены актуальные вопросы проведения освидетельствования, исследован процессуальный порядок данного следственного действия, определен круг его участников. Перечислены возможные процессуальные статусы участников освидетельствования, проводимого до принятия решения о возбуждении уголовного дела, то есть лиц с неопределенным процессуальным статусом. Авторами исследован вопрос обеспечения прав и законных интересов данных лиц при проведении в отношении них освидетельствования. На основании анализа правоприменительной практики сформулированы ситуации проведения освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, причинением легкого вреда здоровью либо не причинившим легкого вреда здоровью, а также совершенным в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. С учетом целей и задач исследуемого следственного действия авторами рассмотрены тактико-криминалистические особенности производства освидетельствования на подготовительном, рабочем и заключительных его этапах. По результатам анализа судебно-следственной практики, а также действующего законодательства сформулирован алгоритм действий следователя по производству освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. Проведенное

исследование, а также научно-обоснованные рекомендации относительно тактики производства освидетельствования в ходе проверки сообщения о преступлении в полной мере раскрывают возможности данного следственного действия и обеспечивают его популяризацию в правопримени- тельной деятельности.

Ключевые слова: следственные действия; освидетельствование; осмотр; проверка сообщения о преступлении; доказательства; участники уголовного судопроизводства с неопределенным про- цессуальным статусом

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анешева А. Т., Тимошенко С. Е., Шеховцова Л. С. Тактико-криминали- стические особенности производства освидетельствования при проверке сообщений о преступ- лениях // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 271–281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-271-281>. EDN: <https://elibrary.ru/eqnbrg>

Original scientific article

Tactical and Criminalistic Features of Conducting a Physical Examination during the Verification of Crime Reports

A. T. Anesheva

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ b.ami08@mail.ru

S. E. Timoshenko

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ svet73-13@mail.ru

L. S. Shekhovtsova

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ l.sheh@mail.ru

Abstract. The law defines examination as a specific form of inspection – namely, the inspection of a living per-son’s body. This investigative measure is a crucial evidentiary tool employed both during the prelimi-nary investigation and at the stage of initiating a criminal case. A key feature of the verification of a crime report is the limited range of investigative actions permitted by law at this early stage of criminal proceedings. As a result, each permissible action assumes heightened importance due to its unique and often irreplaceable function. Examination belongs to the category of investigative measures legal-ly allowed during the initiation stage, and this article explores its tactical and forensic-specific aspects within that context. The Authors examine current challenges in conducting examinations, the proce-dural framework governing this investigative action, and identify the range of participants involved. Particular attention is given to participants whose procedural status has not yet been determined – i.e., individuals examined before a formal decision to initiate criminal proceedings has been made. The article analyzes how the rights and lawful interests of these individuals can be protected during such procedures. Drawing on law enforcement practice, the article outlines scenarios in which examinations are conducted at the initiation stage for offenses such as: Illicit trafficking of narcotic drugs and psycho-tropic substances, Causing minor bodily harm, or Offenses in the field of road traffic safety and transport operation. In view of the examination’s goals and objectives, the article identifies tactical and criminalistic considerations at each stage of its execution: preparatory, operational, and concluding phases. Based on an analysis of judicial and investigative practice, along with applicable legislation, the Authors formulate a practical algorithm for investigative actions related to conducting examinations during the crime report verification

stage. The research, along with the proposed evidence-based recommendations on tactics, expands the understanding of this procedural tool and encourages its wider application in law enforcement practice.

Keywords: investigative actions; examination; body inspection; verification of crime reports; evidence; participants with undetermined procedural status

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Anesheva A. T., Timoshenko S. E., Shekhovtsova L. S. Tactical and Criminalistic Features of Conducting a Physical Examination during the Verification of Crime Reports. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):271-281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-271-281>. EDN: <https://elibrary.ru/eqnbrg> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Процессуальный порядок проведения освидетельствования как одного из видов осмотра предусмотрен в ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Данное следственное действие относится к категории неотложных, промедление с проведением которых может повлечь невозможность утрату доказательств. Данное положение обосновано уникальными, достигаемыми только данным следственным действием целями и задачами. Освидетельствование имеет некоторое сходство с судебно-медицинской экспертизой и медицинским обследованием, по результатам которых соответствующие специалисты формулируют ответы на поставленные перед ними вопросы. Необходимо отметить, что путем производства освидетельствования возможна фиксация установленных самим следователем телесных повреждений, бросающихся в глаза, признаков нахождения субъекта в состоянии алкогольного опьянения либо психического расстройства. Результаты освидетельствования не исключают необходимости назначения и производства обязательных видов судебных экспертиз, но могут и должны быть представлены в подтверждение тех обстоятельств, которые являются явными на момент проведения освидетельствования и исчезнут по истечении времени. Например, следы ушибов мягких тканей на теле человека, представляющие со-

бой незначительные изменения в окраске кожного покрова и сохраняющиеся в течение непродолжительного времени, либо признаки состояния алкогольного опьянения участника уголовного судопроизводства, прибывшего для производства с ним следственного действия, вынуждающие следователя отказаться от его проведения в назначенный момент. Существенное преимущество освидетельствования состоит в его доступности для производства самим следователем в любой необходимый для расследования момент. Указанные возможности освидетельствования способны обеспечить установление существенного объема обстоятельств, имеющих значение на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям различных видов. Изучение опыта производства освидетельствования позволяет сделать вывод о его использовании исключительно в ходе производства по уголовным делам. Очевидно, что причиной сложившейся ситуации является то, что не все возможности исследуемого следственного действия известны правоприменителю, чем и объясняется столь узкая сфера его использования. Безусловно, освидетельствование по своим возможностям обнаружения, фиксации и изъятия доказательств является одним из исключительных средств проверки сообщений о преступлениях и в связи с этим нуждается в популяризации среди правоприменителей.

Участники освидетельствования

В части 1 ст. 179 УПК РФ законодатель определяет круг лиц, в отношении которых может быть проведено освидетельствование, а именно: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а также свидетель с его согласия, за исключением случаев, когда производство освидетельствования необходимо для оценки достоверности даваемых показаний.

Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ перечень участников уголовного судопроизводства был расширен. В качестве еще одного называется также лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56¹ УПК РФ). Согласно частям 1 и 2 ст. 56¹ УПК РФ такое лицо наделено правами свидетеля, а порядок проведения следственных действий с данной категорией лиц предусмотрен ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

По специально разработанной анкете проведен опрос 70 следователей и дознавателей органов внутренних дел по Новосибирской, Омской, Томской и Челябинской областям. Согласно полученным данным, освидетельствование активно проводится в отношении подозреваемого в 70 % случаев, потерпевшего – в 20 %, свидетеля – в 10 %. К числу лиц, участвующих в проведении осмотра тела живого человека, привлекались и иные участники: специалист в 88 % изученных случаев, переводчик – в 12 %.

Особое внимание следует обратить на вопросы привлечения специалистов при проведении исследуемого следственного действия. В качестве таковых приглашались врачи (52 % случаев), также

участие принимали специалисты-криминалисты, осуществлявшие фото- и видеосъемку хода и результатов следственного действия и оказывавшие помощь в обнаружении и изъятии следов на теле и одежде человека (48 % случаев проведения освидетельствования).

Разделяем позицию Л. В. Виницкого о том, что при проведении освидетельствования, помимо врача, может участвовать и другой специалист-криминалист: «в зависимости от вида экспертизы, которую планируется провести, в случае обнаружения на теле или одежде следов целесообразно пригласить для участия в освидетельствовании и иных специалистов» [1, с. 29].

С точки зрения С. В. Тетюева, «врач призван обнаружить и с использованием медицинской терминологии описать особые приметы, следы преступления, телесные повреждения и место их расположения на теле человека» [2].

В этой связи объективным представляется видение Ю. Д. Лившицем и А. В. Кудрявцевой роли специалиста. Так, при решении задач рассматриваемого следственного действия специалист обнаруживает следы преступления и особые приметы, фиксирует эти следы для приобщения к материалам дела (фотографирует, зарисовывает, фиксирует на видеопленку), помогает следователю в описании особых примет и телесных повреждений в протоколе, изымает и упаковывает обнаруженные следы и другие объекты, отбирает образцы для сравнительного исследования и иные объекты биологического происхождения, определяет способ нанесения телесных повреждений и их последовательность, выделяет имеющие отношение к расследуемому событию следы, проводит предварительное исследование объектов, оказывает помощь в выдвижении версий².

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Лившиц Ю. Д., Кудрявцева А. В. Использование специальных познаний в уголовном процессе : учеб. пособие. Челябинск : Рекпол, 1999. С. 84.

СИТУАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что практика производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела отсутствует. Считаем, это связано с тем, что в ст. 179 УПК РФ законодатель прямо указал на процессуальный статус лиц, в отношении которых может быть проведено рассматриваемое следственное действие. Полагаем, что правоприменитель не использует возможность проведения освидетельствования в ходе проверки сообщений о преступлениях ввиду отсутствия у интересующих лиц процессуального статуса на стадии возбуждения уголовного дела, а соответственно, недопустимости, по его мнению, применения процессуального принуждения в ходе проверки сообщения о преступлении. Вероятно, данное обстоятельство служит дополнительным сдерживающим фактором использования освидетельствования для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления в ходе проверки сообщений о преступлениях.

В связи с тем, что статус участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законе не определен [3–6]³ применительно к реализации возможности производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, полагаем, что права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля, в отношении которого имеется необходимость производства освидетельствования для оценки достоверности даваемых показаний, а также в случае его согласия, следует расширительно толковать, экстраполируя соответствующие уголовно-процессуальные нормы на потенциальных обладателей

процессуального статуса потерпевшего, подозреваемого и свидетеля. На стадии возбуждения уголовного дела данные субъекты традиционно называются, соответственно, пострадавшим, заподозренным, очевидцем.

Несмотря на это, считаем, что для повышения эффективности использования освидетельствования в практике раскрытия преступлений представляется необходимым уточнение в уголовно-процессуальном законе круга лиц, в отношении которых может быть произведено исследуемое следственное действие на стадии возбуждения уголовного дела.

Уяснение круга лиц, в отношении которых может быть проведено освидетельствование, а также формулирование задач, решение которых возможно посредством проведения рассматриваемого нами следственного действия, позволяет уточнить существующие тактико-криминалистические рекомендации с учетом изменений в этой части уголовно-процессуального законодательства, тем самым обеспечив возможность его использования при проверке сообщений о преступлениях.

Производство освидетельствования в ходе проверки сообщений о преступлениях отдельных видов позволяет своевременно зафиксировать особые приметы, следы преступления, находящиеся на теле, выявить состояние опьянения или иные свойства и признаки лиц, указанных в ст. 179 УПК РФ и более подробно рассмотренных выше.

Анализ судебно-следственной практики позволяет определить примерный перечень уголовно-наказуемых деяний, в ходе проверки сообщений о которых целесообразно производство освидетельствования.

1. Преступления, связанные с причинением или без причинения легкого вреда здоровью, например, предусмотренные

³ Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 263–273. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273>

ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 117 «Истязание», ст. 161 «Грабеж» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и др.

При преступлениях данной категории чаще всего на теле пострадавшего и заподозренного имеются характерные следы, свидетельствующие о причинении телесных повреждений и имеющие тенденцию к быстрому исчезновению в связи со спецификой механизма следообразования и слабо выраженной интенсивностью воздействия. К числу таких следов относятся ссадины, ушибы, покраснения, отеки (и другие подобные повреждения) в контактной области, а также иные следы, образующиеся в результате незначительного физического воздействия. В случаях, когда невозможно незамедлительное направление лица для прохождения судебно-медицинской экспертизы с целью установления наличия, локализации, механизма образования и степени тяжести телесных повреждений, а именно по причине удаленности от места нахождения соответствующего экспертного учреждения, ввиду индивидуальных свойств организма пострадавшего или заподозренного, позволяющих прогнозировать быстрое исчезновение видимых следов, целесообразно производство освидетельствования в рамках осуществления проверочных мероприятий по поступившему сообщению о преступлении. По делам данной категории назначение и производство судебно-медицинской экспертизы определения степени тяжести вреда здоровью является обязательным (ст. 196 УПК РФ), а представленный в распоряжение эксперта протокол освидетельствования и прилагающиеся к нему фото- или видеоматериалы позволяют объективно оценить имеющиеся данные и ответить на поставленные вопросы.

2. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

По фактам обнаружения признаков данного вида преступлений производство освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела имеет высокую степень значимости. Осмотр тела живого человека целесообразно проводить, если у заподозренного наблюдаются признаки употребления наркотических средств, психотропных веществ (расширение или сужение зрачков глаз, плохая координация движений и отсутствие запаха алкоголя при этом, бледность кожных покровов и т. д.). В ходе проведения проверки сообщений о преступлениях данной категории фиксация в протоколе освидетельствования признаков употребления наркотических средств и психотропных веществ обуславливает принятие решения о невозможности проведения на текущий момент иных проверочных мероприятий и следственных действий с заподозренным в силу особенностей его состояния. Проведение освидетельствования не заменяет необходимости назначения и производства судебно-медицинской экспертизы или медицинского освидетельствования, а его результаты могут быть предоставлены для дальнейшего исследования.

3. Преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

По фактам обнаружения признаков преступлений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта использование возможности производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела имеет особую значимость, поскольку выявление управляющих транспортным средством лиц с признаками употребления алкоголя, наркотиков, психотропных веществ часто сопровождается их отказом от медицинского обследования с целью установления состояния алкогольного опьянения.

Проведение освидетельствования в порядке ст. 179 УПК РФ в ходе проверки сообщения о преступлении позволяет зафиксировать соответствующие признаки в случае, если на момент доставления в медицинское учреждение по истечении времени произойдут изменения в состоянии заподозренного.

Применительно ко всем категориям уголовно-наказуемых деяний целесообразно проводить освидетельствование при наличии у заподозренных, пострадавших, очевидцев признаков психического расстройства, которые не позволяют проводить проверочные мероприятия и следственные действия с их участием. В качестве внешних проявлений психических расстройств, которые могут быть зафиксированы в ходе производства освидетельствования, можно назвать зрительные и слуховые галлюцинации, двигательное возбуждение, помрачение сознания, тремор мышц лица, вытянутых рук и др. Фиксация в протоколе освидетельствования подобного состояния подтверждает невозможность проведения проверочных мероприятий и следственных действий с данным субъектом, в дальнейшем этот протокол может быть исследован при производстве судебной психиатрической экспертизы в случае принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В качестве одной из целей производства освидетельствования законодатель называет обнаружение особых примет на теле человека. Производство освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях для этого возможно по любой категории уголовно-наказуемых деяний. Использование возможностей данного следственного действия на стадии возбуждения уголовного дела способствует раскрытию преступлений по горячим следам.

Все приведенные ситуации проведения освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях указывают

на важность использования возможностей данного следственного действия.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Тактика производства освидетельствования традиционно состоит из подготовительного, рабочего и заключительного этапов безотносительно к стадии уголовного производства.

Подготовительный этап. При подготовке к проведению рассматриваемого следственного действия следователю необходимо определиться с местом. В случае, если проведение освидетельствования возможно самим следователем, следственное действие может быть проведено в служебном кабинете. При этом необходимо исключить присутствие посторонних лиц, например коллег по кабинету.

В связи с тем, что проверка сообщения о преступлении осуществляется в ситуации временного и информационного дефицита, возможность выбора подходящего времени его проведения минимальна. Промедление с принятием решения может повлечь утрату видимых следов и признаков состояния, в котором находится потенциальный освидетельствуемый, поэтому данное следственное действие должно проводиться безотлагательно.

Важным аспектом подготовительной деятельности является принятие решения о необходимости применения средств фото-, видеофиксации и киносъемки. Если освидетельствование производится в порядке ч. 5 ст. 179 УПК РФ, то есть связано с обнажением освидетельствуемого, то использование указанных технических средств осуществляется с разрешения последнего. Данное обстоятельство должно найти отражение либо в протоколе следственного действия, либо в отдельном заявлении. В случаях принятия

решения об использовании отмеченных выше средств фиксации хода и результатов следственного действия специалист, оказывающий содействие следователю при этом, должен быть одного пола с освидетельствуемым.

При подготовке места проведения освидетельствования необходимо предусмотреть возможность размещения используемых средств на штативе для обеспечения качественной фиксации. Кроме того, в случаях, когда освидетельствуемый и следователь⁴ являются лицами противоположного пола, целесообразно следственное действие проводить в помещении медицинского учреждения, оборудованном ширмой, позволяющей разместиться за ней следователю для фиксации результатов освидетельствования со слов врача.

При проведении освидетельствования в отношении лиц, заподозренных в совершении преступления, следователем должны быть приняты меры для обеспечения безопасности при производстве следственного действия. Для этого может быть использован кабинет, оборудованный решетками на окнах, а также возможностью связи с дежурной частью для вызова сотрудников полиции в случае возникновения необходимости.

Перед проведением освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела целесообразно подготовить на отдельном бланке перечень прав и обязанностей, соответствующих потенциальному процессуальному статусу освидетельствуемого, для ознакомления под подпись.

В случае производства освидетельствования в отношении лица, на которого распространяется перечень прав и обязанностей подозреваемого, необходимо обеспечить оказание квалифицированной юридической помощи — участие адвоката.

Рабочий этап. Следственное действие проводится по окончании подготовитель-

ных действий, ознакомления с постановлением о производстве освидетельствования, разъяснения перечня прав и обязанностей в соответствии с предполагаемым процессуальным статусом. Целесообразно осмотреть видимые части тела освидетельствуемого, выслушав пояснения относительно локализации телесных повреждений, попросить предъявить данные части тела для осмотра. Если имеется необходимость в установлении факта внутривенного употребления наркотических средств и психотропных веществ, необходимо обратить внимание на участки тела, чаще всего используемые для внутривенных инъекций (локтевые сгибы, подколенная область и т. д.). Ход и результаты рабочего этапа, в случае использования средств фото-, видеofиксации и киносъемки, должны быть запечатлены.

Заключительный этап связан с отражением в протоколе следственного действия его хода и результатов. При проведении освидетельствования следователем самостоятельно отражаются обнаруженные обстоятельства и следы, указывается их локализация, внешний вид, размер и прочие характеристики. При проведении освидетельствования врачом фиксация осуществляется параллельно осмотру тела человека в целях обеспечения ее объективности и полноты, врач озвучивает обнаруженные следы находящемуся за ширмой следователю. По окончании следственного действия при использовании технических средств фиксации его хода и результатов к протоколу приобщается фототаблица, видеозапись на энергонезависимом носителе (диск DVD-R). Протокол с приложениями предъявляется для ознакомления всем участвующим лицам.

Применительно к вышеизложенным ситуациям проведения освидетельствования в ходе проверки сообщения о преступлении, а также для оптимизации

⁴ Если иное не предусмотрено в тексте, то под следователем здесь и далее понимается любое лицо, которое уполномочено осуществлять проверку сообщения о преступлении в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

деятельности следователя обоснованным представляется использование следующего алгоритма:

1) изучить имеющиеся материалы по данному факту;

2) осуществить необходимые для принятия решения о проведении освидетельствования проверочные мероприятия (получение объяснения, осмотр места происшествия и др.);

3) принять решение о возможности производства освидетельствования самостоятельно в случае идентичности половой принадлежности следователя и освидетельствуемого, при необходимости привлечь для проведения следственного действия сотрудника одного с освидетельствуемым пола либо врача;

4) принять решение об использовании средств фото- и видеофиксации, определить место проведения следственного действия;

5) принять решение об участии специалиста-криминалиста с целью оказания содействия в обнаружении и изъятии следов на теле освидетельствуемого;

6) в случае проведения освидетельствования в отношении потенциального подозреваемого обеспечить участие защитника;

7) вынести постановление о производстве освидетельствования, ознакомить с его содержанием освидетельствуемого;

8) ознакомить всех участвующих лиц с постановлением о проведении освидетельствования, разъяснить права и обязанности специалистам, участвующим при проведении освидетельствования;

9) до начала следственного действия провести инструктаж о порядке его проведения, а также о порядке фиксации его результатов в протокол в случае привлечения врача;

10) составить протокол освидетельствования, в котором под подписью разъяснить лицам, не имеющим формально на момент производства следственного действия в ходе проверки сооб-

щения о преступлении процессуального статуса подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, соответствующие предполагаемому процессуальному статусу права и обязанности;

11) при использовании фотосъемки и видеозаписи приобщить к протоколу фототаблицу, а также видеозапись;

12) ознакомить всех участвующих с протоколом освидетельствования, фототаблицей, а также содержанием видеозаписи, сделав соответствующую отметку в протоколе;

13) в случае невозможности подписания протокола освидетельствуемым в силу специфики его состояния, в связи с которым было принято решение о необходимости проведения следственного действия, сделать соответствующую отметку и ознакомить всех иных участвующих лиц.

Категории преступлений, по которым наиболее эффективно проведение освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела, а также предложенный алгоритм действий следователя по проведению исследуемого следственного действия при проверке сообщений о преступлениях не носят исчерпывающий характер и могут быть дополнены и уточнены в соответствии с конкретной следственной ситуацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа действующего законодательства, а также сложившейся правоприменительной практики производства освидетельствования указывают на то, что данное следственное действие в достаточной мере используется на стадии предварительного расследования. При этом проведенное исследование продемонстрировало отсутствие опыта использования правоохранительными органами возможностей освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. В целях популяризации

данного следственного действия как эффективного средства получения доказательств при проверке сообщений о преступлениях определен круг его участников применительно к наиболее распространенным в правоприменительной практике составам уголовно наказуемых деяний, определены ситуации, в которых целесообразно производство рассматриваемого следственного действия для установления соответствующих признаков преступления и принятия решения в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ. На основании анализа специальной литературы и действующего законодательства выявлены особенности производства освидетельствования до принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом, предложен порядок действий следователя по обеспечению реализации соответствующих процессуальных прав в исследуе-

мый период уголовного судопроизводства. С учетом целей и задач освидетельствования сформулированы особенности действий следователя на подготовительном, рабочем и заключительном этапе. Все это позволило разработать алгоритм действий следователя по производству освидетельствования в ходе проверки сообщения о преступлении, позволяющий оптимизировать деятельность следователя на этой стадии уголовного судопроизводства. Результаты проведенного исследования в полной мере демонстрируют возможности использования освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела, позволяют оценить уникальные возможности и использовать рассмотренное следственное действие в качестве эффективного средства обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений при проверке сообщений о преступлениях различной категории.

Список литературы

1. Виницкий Л. В. Освидетельствование на предварительном следствии. Смоленск : Смоленск. гуманитар. ун-т, 1997. 76 с.
2. Тетюев С. В. Участие специалиста в следственных действиях, сопровождающихся обнажением // Российский юридический журнал. 2024. № 4 (157). С. 101–111. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_101
3. Верещагина А. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2008. № 6. С. 35–39.
4. Белозеров Ю. Н., Марфицин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. М. : Учеб.-метод. центр при глав. управлении кадров МВД РФ, 1994. 76 с.
5. Миронова А. В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 84–87.
6. Гриценко Т. В., Кравцов С. С. Уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела и процессуальный статус участников данной стадии: проблемные аспекты // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 4. С. 67–74. DOI: <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2023-10-4-9>

References

1. Vinitckii L. V. *Examination during the Preliminary Investigation*. Smolensk: Smolensk Humanitarian University Publ.; 1997. 76 p. (In Russ.)
2. Tetyuev S. V. The Participation of a Specialist in Investigative Actions Accompanied By Exposure. *Russian Juridical Journal*. 2024;4:101-111. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_101 (In Russ.)
3. Vereshchagina A. Subjects at the Stage of Initiating a Criminal Case. *Criminal Law*. 2008;6:35-39. (In Russ.)
4. Belozero Yu. N., Marfitsin P. G. *Protection of the Rights and Legal Interests of Individuals during the Initiation Stage of a Criminal Case*. Moscow: Educational and Methodological Center under the Main Personnel Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.; 1994. 76 p. (In Russ.)
5. Mironova A. V. The Informer and the Eyewitness as an Undefined Status Party in a Criminal Trial. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;9:84-87. (In Russ.)
6. Gritsenko T. V., Kravtsov S. S. Criminal Prosecution at the Stage of Initiation of a Criminal Case and the Procedural Status of Participants in This Stage: Problematic Aspects. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023;10(4):67-74. DOI: <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2023-10-4-9> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амина Тулегеновна Анешева, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2558-794X>; e-mail: b.ami08@mail.ru;

Светлана Евгеньевна Тимошенко, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-8686>; e-mail: svet73-13@mail.ru;

Любовь Сергеевна Шеховцова, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (ул. Академика Волгина, 12, Москва, 117997, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1639-7608>; e-mail: l.sheh@mail.ru

Вклад авторов

А. Т. Анешева – концептуализация (постановка проблемы, разработка концепции статьи).

С. Е. Тимошенко – проведение исследования (сбор статистических данных).

Л. С. Шеховцова – описание результатов и формирование выводов исследования.

ABOUT THE AUTHORS

Amina T. Anesheva, Associate Professor of the Department of Criminalistics at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2558-794X>; e-mail: b.ami08@mail.ru;

Svetlana E. Timoshenko, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-8686>; e-mail: svet73-13@mail.ru;

Liubov S. Shekhovtsova, Associate Professor of the Department of Criminalistics at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Akademika Volgina str., 12, Moscow, 117997, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1639-7608>; e-mail: l.sheh@mail.ru

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

A. T. Anesheva – conceptualization (problem statement and development of the article's conceptual framework).

S. E. Timoshenko – research (collection and analysis of statistical data).

L. S. Shekhovtsova – results and conclusions (description of findings and formulation of conclusions).

Поступила | Received
05.03.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
16.03.2025

Принята к публикации | Accepted
17.03.2025

УДК 343.24

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-282-293

EDN: EYKUKH

Оригинальная научная статья

Соотношение размера штрафа и категории преступления

А. А. Урусов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ knight700@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является определение проблем назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа. Правовой основой штрафа, как и любого наказания, является достижение основных целей наказания – восстановления социальной справедливости, предупреждения новых преступлений и исправления правонарушителя. Достижение этих целей напрямую связано с назначением справедливого наказания. В ходе исследования автор установил, что доля штрафа в общей массе назначенных наказаний занимает четвертое место, но несмотря на это при его исполнении не всегда достигаются цели наказания. При назначении штрафа его размер должен соответствовать тяжести совершенного преступления. В действующем уголовном законодательстве содержатся санкции, в которых за преступления небольшой и средней тяжести назначаются многомиллионные штрафы. По мнению автора, это не позволяет реально исполнить назначенное наказание. В статье рассмотрены различные точки зрения ученых и практических работников, изложенные в юридической литературе, относительно исследуемой проблемы, проанализирована судебная практика назначения штрафа в качестве основного вида уголовного наказания. Анализ реализации в судебной практике наказания в виде штрафа показал, что его размер, закрепленный в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, должен быть связан с тяжестью совершенного деяния. При проведении исследования использованы общенаучные методы (анализ, обобщение, системный подход) познания социально-правовых явлений. В качестве специального метода исследования применялся контент-анализ научных публикаций, сайтов сети Интернет, посвященных практике применения уголовного наказания в виде штрафа. Научная значимость исследования обусловлена необходимостью законодательного закрепления максимальных размеров штрафа в зависимости от категории совершенного преступления. Автором предлагаются возможные пути решения теоретических и прикладных проблем современного уголовного законодательства. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные в статье изменения уголовного законодательства будут способствовать эффективному применению данного института в целях повышения профилактического и исправительного воздействия на правонарушителей.

Ключевые слова: штраф; категории преступлений; осужденный; удельный вес в структуре наказаний; санкция статьи

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Урусов А. А. Соотношение размера штрафа и категории преступления // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 282–293. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-282-293>. EDN: <https://elibrary.ru/eykukh>

Original scientific article

The Proportionality Between the Size of the Fine and the Category of Crime

A. A. Urusov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

✉ knight700@yandex.ru

Abstract. This study aims to identify and analyze the challenges associated with imposing and enforcing criminal penalties in the form of fines. Like any form of punishment, the fine must serve the core objectives of the penal system: restoring social justice, preventing future offenses, and rehabilitating the offender. The effectiveness of these objectives is directly linked to the fairness of the sentence imposed. The research reveals that fines occupy fourth place in frequency among all types of imposed criminal penalties. However, their application does not always succeed in achieving the intended penal objectives. A central thesis of the article is that the amount of a fine must be proportionate to the severity of the offense committed. Yet, current Russian criminal law contains provisions where multi-million-ruble fines are imposed even for minor and mid-level offenses, which, in practice, undermines the feasibility and fairness of enforcement. The Author critically reviews diverse scholarly and practitioner perspectives found in legal literature, and conducts an in-depth analysis of judicial practice related to fines as a primary form of criminal punishment. This analysis confirms that the amount of the fine specified in the sanctions of the Special Part of the Russian Criminal Code should directly correspond to the gravity of the criminal act. The study applies general scientific methods such as analysis, synthesis, and a systematic approach to exploring socio-legal phenomena. In addition, content analysis of scholarly publications and online resources dedicated to the application of fines as criminal sanctions was employed. The scientific relevance of the article lies in its argument for establishing legally binding maximum fine thresholds based on the category of the offense. The Author proposes both theoretical and practical legal reforms aimed at improving the structure and proportionality of financial penalties. The practical value of the research is in its contribution to enhancing the preventive and rehabilitative effectiveness of fines within the broader system of criminal penalties.

Keywords: fine; crime categories; convicted individuals; proportionality in punishment; statutory sanctions

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Urusov A. A. The Proportionality Between the Size of the Fine and the Category of Crime. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):282-293. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-282-293>. EDN: <https://elibrary.ru/eykukh> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Штраф как вид уголовного наказания давно известен российскому уголовному праву и, как справедливо отмечает Н. Н. Насиров, «штраф как мера наказания, затрагивающая экономическую сферу жизнедеятельности осужденного, имеет длительную историю применения и исполнения в Российском государстве» [1, с. 24]. В своем исследовании Д. А. Огорелков указывает, что термин «штраф»

пришел в отечественное уголовное право во времена Петра I, имеет немецкое происхождение и означает «наказание» или «денежное взыскание» [2, с. 182].

В период формирования штрафа как карательной меры он часто применялся в судебной практике и в отдельные исторические периоды преобладал в системе наказаний в Российской империи. Доминирующее положение штрафа не было связано с гуманизмом

к правонарушителю. Взыскание штрафа было выгоднее для потерпевшего, так как преступник возмещал материальный вред за совершенное деяние. В дальнейшем, в годы развития капитализма, экономическую выгоду от взыскания штрафа стала получать государственная казна, а не потерпевший. В это время штраф закрепляется в уголовном законе с целью не назначать лицам из числа элиты строгих видов наказаний.

После октября 1917 г. штраф содержался в нормах уголовного законодательства, и по мере развития и совершенствования как вида наказания его объем в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса имел планомерный рост. Так, в Уголовном кодексе РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г.¹ удельный вес статей Особенной части, где штраф был закреплен в санкции статьи в качестве основного вида наказания, составил 17 %, в УК РСФСР 1926 г.² – 17,5 %, УК РСФСР 1960 г.³ – 24 %, Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 г. – 53,5 %, УК РФ 1996 г. (в ред. 2024 г.) – 66,7 %.

По мере развития российского общества штраф не утратил доминирующего положения в системе уголовных наказаний, но еще не все проблемы, связанные с правовым регулированием назначения и исполнения штрафа, устранены.

МЕСТО ШТРАФА В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

Уголовное законодательство не содержит нормативно-правового закрепления понятия «система наказаний», однако оно имеет теоретическое определение. В большей части учебной литературы по уголовному праву определяется, что система наказаний – это установленный законом

исчерпывающий перечень уголовных наказаний, расположенных в строго определенном порядке в зависимости от возрастания их тяжести, взаимно дополняющих и заменяющих друг друга⁴ [3, с. 35].

Теория уголовного права определяет, что штраф в системе наказаний является мягким видом наказания, так как он размещен в ст. 44 УК РФ на первом месте. В юридической литературе отдельные авторы ставят под сомнение то, что штраф является менее строгим видом наказания по сравнению с теми из них, что стоят выше в перечне уголовных наказаний.

В. А. Уткин и Ю. М. Ткачевский в своих работах проводили сравнительный анализ карательных мер, которые применяются при исполнении штрафа и обязательных работ, и пришли к выводу, что штраф по степени тяжести является более суровым видом наказания [4, с. 8; 5, с. 21].

Т. В. Непомнящая также доказывает, что «штраф – это более строгий вид наказания, чем лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные и исправительные работы. Так, несложные арифметические расчеты денежных взысканий в виде штрафа и в виде удержания в доход государства от 5 до 20 % при назначении исправительных работ за аналогичное преступление показывают, что штраф будет более строгим видом наказания, чем исправительные работы, так как суммы взыскания будут значительно выше при назначении штрафа» [6, с. 190–191].

Соглашаясь с точкой зрения этих авторов, приведем дополнительные доводы, что штраф является не самым мягким видом наказания.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовное право. Общая часть : учеб. / под общ. ред. А. И. Баstryкина. М. : Проспект. 2021. С. 274.

Во-первых, обязательные и исправительные работы назначаются только за преступления небольшой и средней тяжести, тогда как штраф назначается за преступления любой категории. Каждая пятая санкция статей Особенной части УК РФ, содержащая уголовное наказание в виде штрафа в качестве основного вида наказания, относится к тяжким или особо тяжким преступлениям (подробнее см. табл. 2).

Во-вторых, в случае предоставления осужденному рассрочки уплаты штрафа срок исправительного воздействия на осужденного будет превышать периоды исполнения наказаний в виде обязательных работ и исправительных работ. То есть и по этому критерию штраф представляется более строгим видом наказания по отношению к обязательным и исправительным работам.

В-третьих, исходя из экономического фактора штраф также существенно превышает указанные уголовные наказания.

Нами проведен сравнительный анализ материального воздействия на осужденного указанных уголовно-правовых мер.

По мнению большинства юристов, штраф — это уголовное наказание, при котором происходит денежное взыскание с осужденного. Так, например, А. С. Михлин отмечал, что «штраф состоит в изъятии у осужденных в пользу государства определенной приговором суммы денежных средств» [7, с. 41].

Для чистоты исследования определим средний размер штрафа только за преступления небольшой и средней тяжести. Из анализа санкций статей Особенной части УК РФ, где предусмотрено наказание в виде штрафа в качестве основного вида наказания, его средний размер за преступ-

ления небольшой и средней тяжести составляет 426 тыс. руб. (см. табл. 2).

Но и при исполнении обязательных и исправительных работ также происходит взыскание денежных средств. В период исполнения обязательных работ в прямом виде не происходит взыскания с осужденного денежных средств, но любой труд человека имеет определенную стоимость. Так и выполнение осужденным работ «на безвозмездной основе»⁵ приносит государству в лице органов местного самоуправления определенную прибыль. Произведем расчет труда осужденного. Так как осужденный выполняет неквалифицированную работу, то и оплата его труда должна происходить в минимальных размерах. С 1 января 2025 г. минимальный размер оплаты труда составляет 22 440 руб. в месяц⁶. Согласно производственному календарю на 2025 г. количество рабочего времени при 40-часовой рабочей неделе составит 1972 часа за год. С помощью простых математических расчетов вычисляем, что стоимость одного часа составляет 136 руб. То есть при выполнении обязательных работ в размере 480 часов осужденный принесет прибыль государству в пределах 65 280 руб.

При исполнении наказания в виде исправительных работ, согласно ст. 50 УК РФ, происходит удержание из заработной платы осужденного до 20 % в течение двух лет. Согласно указанным условиям произведем расчет удерживаемых сумм, используя два варианта оплаты труда — минимальный размер оплаты труда и среднемесячный размер заработной платы⁷ в РФ. Так, за два года исполнения исправительных работ из заработной платы осужденного в первом случае будет удержано 107 720 руб., во втором — 414 720 руб.

⁵ См. ч. 4 ст. 26 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

⁶ О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» : Федер. закон от 29 окт. 2024 г. № 365-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Среднемесячная заработная плата составляет 86 400 руб. См.: Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Сравнивая удерживаемые суммы за труд осужденного при исполнении обязательных и исправительных работ со средним размером штрафа, приходим к выводу, что только при условии получения осужденным заработной платы выше средних показателей по России размер штрафа будет сопоставим с удерживаемыми суммами.

Приведенные факты и мнения других исследователей подтверждают, что штраф не является самым мягким видом наказания.

Место штрафа в системе уголовных наказаний должно напрямую быть связано с категорией преступления. Можно предположить, что в системе наказания необходимо выделить два вида штрафа – штраф и крупный штраф. Штраф как вид наказания должен применяться только за преступления небольшой и средней тяжести, а крупный штраф – за тяжкие и особо тяжкие преступления. Более подробно данное положение будет доказано в следующих разделах статьи.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ШТРАФА

Штраф является альтернативным и одномоментным видом уголовного наказания и имеет профилактическое воздействие на правонарушителя. Эту точку зрения поддерживают многие исследователи проблем назначения штрафа. Так, например, О. В. Грицай указывает, что «штраф представляет собой правовое явление, имеющее двойственную правовую природу. С одной стороны, штраф является видом уголовного наказания, с другой – разновидностью имущественного взыскания, назначаемого по приговору суда» [8, с. 67].

Частота применения штрафа в современном уголовном законодательстве

постоянно растет. С момента принятия УК РФ удельный вес статей Особенной части данного кодекса, в санкциях которых закреплен основной вид уголовного наказания в виде штрафа, по нашим расчетам, увеличился с 53,5 % (на 1 января 1997 г.) до 66,7 % (на 1 декабря 2024 г.). Широкое включение штрафа в санкции статей Особенной части УК РФ не уменьшило количество проблемных вопросов, касающихся назначения и исполнения данной меры государственного принуждения.

Штраф широко применяется при назначении наказаний практически за все виды преступных деяний. Однако увеличение доли штрафа в санкциях статей Особенной части УК РФ не привело к росту приговоров суда, в которых бы фигурировал штраф как основной вид наказания. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, удельный вес штрафа среди других видов уголовных наказаний, назначаемых судами, за последнее десятилетие незначительно снизился и остается на уровне 13 %. Удельный вес штрафа в структуре назначенных судами наказаний в 2014 г. составил 15,7 %, в 2016 г. – 14,1 %, 2018 г. – 13,4 %, 2020 г. – 11,9 %, 2022 г. – 13 %, 2023 г. – 14,5 %⁸.

В 2022 г. российскими судами штраф как основной вид уголовного наказания чаще всего назначался за преступления, предусмотренные статьями главы 21 УК РФ «Преступления против собственности» (30,8 %), главы 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» (26,6 %), главы 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (17,6 %), главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (6,4 %), главы 22 УК РФ

⁸ См. сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014–2023 гг. (Данные судебной статистики // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации. 2024. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.11.2024)).

«Преступления в сфере экономической деятельности» (3,8 %)⁹.

Законодательное закрепление штрафа в санкциях статей Особенной части УК РФ происходит неравномерно. Суды также назначают данный вид наказания в разных долях по сравнению с другими видами уголовных наказаний, предусмотренных в санкциях применяемых статей. При этом судебная практика по отдельным главам УК РФ значительно отличается от законодательного закрепления штрафа в уголовном законе. Анализ судебной практики применения штрафа как основного вида наказания по отношению к другим видам уголовных наказаний представлен в таблице 1. В данной таблице отражается удельный вес штрафа в струк-

туре наказаний, закрепленных в санкциях статей Особенной части УК РФ по видам преступлений.

Приведенные в таблице 1 данные подтверждают точку зрения Н. Ф. Кузнецовой, которая отмечала, что суды чаще назначают наказание в виде лишения свободы, нежели альтернативные виды наказания [9, с. 6–7]. Необходимо обратить внимание на позицию суда при назначении наказания за преступления с корыстной мотивацией. Так, например, за преступления против собственности (гл. 21 УК РФ) суд назначает штраф только каждому 10 осужденному за такого рода преступления, а за экономические преступления (гл. 22 УК РФ) к 1/3 осужденных применяется рассматриваемая мера государственного

Таблица 1

Динамика удельного веса лиц, осужденных к штрафу, от всех осужденных¹⁰

Глава УК РФ	Удельный вес штрафа в санкциях статей от всех статей данной главы УК РФ, %	Удельный вес лиц, осужденных к штрафу, в зависимости от всех осужденных по данной главе УК РФ, %		
		2018 г.	2020 г.	2022 г.
16	29	2,4	2,4	2,7
17	16,6	12,8	13,6	7,8
18	20	0,2	0,5	0,5
19	100	25,3	22,5	27
20	55,6	1,6	1,3	1,3
21	76,5	9	8,7	10
22	94	30,7	27,8	28,5
23	100	25,5	34,9	34,3
24	50	3,8	8,6	13,6
25	66,7	15,8	16,8	16,9
26	94	17,2	13,3	14,8
27	77	4,8	4,1	4,5
28	60	15,5	18,2	26,4
29	56,5	14,2	9,5	8
30	94	54	52,1	54,4
31	66,7	18,1	11,8	11,2
32	73	62,6	52,4	54,6
33	14	21,5	23,4	26,4
34	20			
ВСЕГО	66,7	13,4	11,9	13

⁹ См. сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014–2023 гг. (Данные судебной статистики ...).

¹⁰ Там же.

принуждения. При этом практически все санкции статей глав 21 и 22 УК РФ содержат штраф как основной вид уголовного наказания. Наибольший удельный вес назначения судами штрафа за общественно опасные деяния имеют преступления, предусмотренные статьями главы 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления») и 32 («Преступления против порядка управления») УК РФ, по которым штраф назначается чаще, чем другие виды наказаний.

Также судам следовало бы чаще назначать наказание в виде штрафа за преступления корыстной мотивации. На наш взгляд, правы А. В. Макаров и Л. А. Мисюля, считая, что наказание в виде штрафа имеет экономическое содержание и является невыгодным для лиц, совершивших корыстные преступления [10, с. 27]. Такой позиции придерживаются и другие участники дискуссии о проблемах назначения штрафа. О. В. Баженов подчеркивает, что целью штрафа является поражение благосостояния преступника за совершенное преступление [11, с. 67]. В свою очередь Т. В. Васильева указывает на то, что штраф направлен на ущемление имущественных благ преступника¹¹.

Как справедливо отмечает А. А. Турышев, «корыстный мотив – внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды посредством совершения преступления для себя или близких лиц» [12, с. 21]. И для исправления преступного корыстного умысла правонарушителя целесообразно применять наказание, которое окажет наибольший эффект на изменение внутренней мотивации лица. Именно утрата имущественных благ для данных лиц бу-

дет являться фактором, сдерживающим их от преступной деятельности. Осужденный за преступление должен понести экономическую утрату, превышающую прибыль от противоправной общественно опасной деятельности.

О том, что штраф должен назначаться за корыстные преступления, пишут в своих работах многие ученые. Так, И. М. Гальперин полагал, что профилактическая цель штрафа заключается в том, что данный вид наказания должен быть правонарушителя по карману, в связи с чем совершение преступления становится невыгодным для него [13, с. 122]. Продолжая мысль И. М. Гальперина, О. В. Грицай пишет: «если размер штрафа будет значительно меньше причиненного вреда, то превентивная цель наказания вряд ли будет достигнута» [8, с. 69]. В указанных работах обнаруживается связь между побудительными мотивами совершения преступлений (корысть, пренебрежительное отношение к материальным ценностям, принадлежащим физическим и юридическим лицам) и характером наказания в виде денежного штрафа. И. Н. Лемперт приходит к выводу, что законодатель, устанавливая штраф в качестве меры наказания за те или иные преступления, исходит из того, что цели наказания в этих случаях могут быть достигнуты посредством применения такого взыскания. Произошедшие социальные изменения, в частности, рост роли материальных потребностей и интересов, создают необходимые предпосылки для более широкого применения штрафа¹². Исправительное воздействие штрафа на правонарушителя отмечают большое количество исследователей. Например, Е. Э. Попова высказывает мнение, что «данный вид уголовного наказания реализует исправительное воздействие на лицо, совершившее

¹¹ Васильева Т. В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа (социально-правовые проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 8–9.

¹² Лемперт И. Н. Правовая характеристика штрафа как вида уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 14–16.

преступление, еще на стадии назначения уголовного наказания. Кроме того, и на стадии назначения, и на стадии исполнения штраф имеет хороший потенциал воспитательного воздействия на осужденного, так как правоограничения, обращенные к свободному распоряжению собственными доходами, начинают свое действие немедленно» [14, с. 30].

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

На сегодняшний день не осталось никаких сомнений в том, что правильное применение штрафа в судебной практике имеет серьезное психологическое воздействие на преступника, а финансовые последствия могут сделать совершение широкого спектра преступлений контрпродуктивным. Однако существующие пробелы и коллизии отечественного уголовного закона снижают эффективность штрафа [15, с. 63].

Одной из таких проблем является соотношение размера штрафа с тяжестью

Перед законодателем и судом возникает непростая задача. Законодатель должен установить в уголовном законе такой размер штрафа, который соответствовал бы тяжести совершенного преступного деяния и имел действительное карательное воздействие на преступника. У суда более сложная задача: ему необходимо, исходя из санкции статьи, по которой лицо привлекается к уголовной ответственности, определить такой размера штрафа, чтобы он был посильным для уплаты осужденным, а не превратился в средство его разорения [8, с. 67].

Исходя из анализа санкций статей Особенной части УК РФ, можно сделать вывод, что законодатель не удался четко разграничить фиксируемые суммы, определяющие размер штрафа по категориям преступлений. Проведенное исследование определило, что многомиллионные штрафы назначаются как за тяжкие и особо тяжкие преступления, так и за преступления небольшой и средней тяжести практически в таком же соотношении. Более подробный анализ представлен в таблице 2.

Таблица 2

Удельный вес санкций статей, в которых имеется наказание в виде штрафа, в зависимости от его размера и категории преступлений, %

Размер штрафа, руб.	Категории преступлений (ст. 15 УК РФ)				Итого
	небольшой тяжести	средней тяжести	тяжкие	особо тяжкие	
до 50 тыс.	3,4				3,4
50–500 тыс.	44,7	16,4	5,8		66,9
500 тыс. – 1 млн	4,8	4,1	7,1	0,4	16,4
1–5 млн	2	3,4	6,3	1,6	13,3
ВСЕГО	54,9	23,9	19,2	2	100
Средний размер штрафа, руб.	330 тыс.	665 тыс.	1,2 млн	3 млн	

совершенного преступления. В юридической литературе неоднократно отмечается, что наказание в виде штрафа должно быть таким, чтобы была возможность его реально исполнить, иначе смысл уголовного наказания в виде штрафа будет утерян [16, с. 20].

Судебная практика показывает, что суды чаще назначают штраф за преступления небольшой и средней тяжести, но и за тяжкие и особо тяжкие преступления удельный вес штрафа не такой маленький. По статистическим данным Судебного департамента при Верховном

Суде РФ за 2022 год, штраф как основной вид уголовного наказания был назначен:

- за преступления небольшой тяжести – 55 %;
- преступления средней тяжести – 40,9 %;
- тяжкие преступления – 1,4 %;
- особо тяжкие преступления – 2,7 %¹³.

Как видно из таблицы 2, больше половины санкций статей Особенной части УК РФ, содержащих уголовное наказание в виде штрафа в качестве основного вида наказания, относятся к преступлениям небольшой тяжести. При этом уголовный закон предоставляет суду возможность назначать штраф свыше 500 тыс. руб. за преступления небольшой и средней тяжести; удельный вес таких санкций составляет 14,3 %. Эта опция стала доступна правоприменителю в мае 2011 г. после внесения законодателем изменений в УК РФ. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ¹⁴ исключил из ч. 2 ст. 46 УК РФ правило, по которому штраф в размере свыше 500 тыс. руб. может назначаться только за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Такая позиция законодателя вызвала ряд проблем при исполнении данного вида наказания. Возможность назначения крупных сумм штрафа усугубила проблему реализации принципа пропорциональности при назначении наказаний. Не всегда размер штрафа пропорционален другим альтернативным видам наказания, закрепленным в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Подтверждением этого является санкция ч. 3 ст. 298¹ УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего

дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации», в которой определен размер штрафа до 5 млн руб., при этом альтернативным видом уголовного наказания выступают обязательные работы до 480 часов.

По мнению Г. К. Буранова, несоответствие пропорций размеров (сроков) наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ осложняет реализацию принципа справедливости при замене штрафа другим видом уголовного наказания в случае злостного уклонения от исполнения штрафа [17, с. 35–36]. Опасность многомиллионных штрафов за преступления небольшой и средней тяжести заключается в том, что они могут превратить приговор суда в фикцию, что обострит и так сложную проблему исполнения штрафа.

По статистическим данным Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, основная масса штрафов осталась невзысканной. Так, удельный вес взысканных сумм от назначенных по приговору суда в 2019 г. составил 13,5 %, в 2020 г. – 12,4 %, 2021 г. – 13,7 %, 2022 г. – 8,6 %, 2023 г. – 12,6 %¹⁵.

Проблема неисполнения штрафа широко рассматривается в юридической литературе, при этом нет единого мнения о ее решении. В. М. Степашин правильно отмечает, что в законодательной и правоприменительной практике отсутствует универсальное понятие злостного уклонения от отбывания наказания, «законодательство изобилует пробелами или недостаточно эффективными решениями в части определения злостности уклонения от конкретных видов наказания и их конкретных последствий» [18, с. 136]. Задача раскрытия

¹³ См. сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014–2023 гг. (*Данные судебной статистики* ...).

¹⁴ *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции* : Федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ *Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов* // Федеральная служба судебных приставов (ФССП России). 2024. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения: 25.11.2024).

проблемы злостности уклонения исполнения наказания в виде штрафа в нашем исследовании не ставится, поэтому не будем останавливаться на этой проблеме. Но можем предположить, что, если бы последствия при злостном уклонении исполнения штрафа определялись в зависимости от категории преступления, за которое осужденному назначено наказание в виде штрафа, количество неисполненных штрафов было бы снижено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, размер и вид наказания должны зависеть от категории преступления. Согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что термины «тяжесть преступления» и «категория преступления» неразделимы, поэтому законодателю необходимо определить пределы размера штрафа в зависимости от категории преступления.

В юридической литературе отмечалось, что необходима градация размеров штрафа в зависимости от категории преступлений при соблюдении соразмерности с длительностью других альтернативных наказаний [19, с. 168]. Целесообразно поддержать данную позицию. Законодателю следовало бы внести изменения в ст. 46 УК РФ и установить пределы размера штрафа. С нашей точки зрения, за преступления небольшой и средней тяжести размер штрафа не должен превышать 500 тыс. руб., за тяжкие преступления – 1 млн руб., за особо тяжкие преступления сумма штрафа может превышать 1 млн руб.

Эти изменения потребуют корректировку практически каждой четвертой санкции статей, в которых определяется штраф как вид уголовного наказания, но это сделает уголовный закон более эффективным как при его применении в судебной практике, так и при исполнении наказания в виде штрафа.

Список литературы

1. Насиров Н. И. Штраф как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17). С. 24–27.
2. Огорелков Д. А. Законодательное определение наказания в виде штрафа как основа его уголовно-правового воздействия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 181–185. DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_2_181
3. Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-12-33-48>
4. Уткин В. А. Парадоксы штрафа // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 9–12.
5. Ткачевский Ю. М. Замена одного уголовного наказания другим в процессе его исполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 2. С. 20–34.
6. Непомнящая Т. В. Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и применения на практике // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 3 (36). С. 190–195.
7. Михлин А. С. Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 41–43.
8. Грицай О. В. Актуальные проблемы применения штрафа как меры имущественного взыскания, установленной приговором суда // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 66–72.
9. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2003. № 1. С. 3–19.
10. Макаров А. В., Мисюля Л. А. Штраф как финансово-правовая санкция в системе мер уголовной ответственности // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 25–28.
11. Баженов О. В. Некоторые особенности назначения наказания в виде штрафа // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 66–70.
12. Турышев А. А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4 (79). С. 17–21. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11003>
13. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М. : Юрид. лит., 1983. 206 с.

14. Попова Е. Э. Некоторые проблемы реализации уголовного наказания в виде штрафа и перспективы их решения с участием общественности // Российский следователь. 2012. № 18. С. 30–31.
15. Тхайшаов З. А. К вопросу о более широком применении штрафа как вида уголовного наказания // Уголовное право. 2010. № 3. С. 63–66.
16. Плешков В. А. Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 20–24.
17. Буранов Г. К. Последствия уклонения от уплаты штрафа по Уголовному кодексу РФ и уголовному законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 72. С. 33–37.
18. Степашин В. М. Условность уголовного наказания (на примере штрафа) // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 3. С. 135–141. DOI [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(3\).135-141](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(3).135-141)
19. Степашин В. М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении : моногр. М. : Юрлитинформ, 2024. 326 с.

References

1. Nasirov N. I. Fine as a Kind of Criminal Punishment: Legal Aspects. *Penal Law*. 2014;1:24-27. (In Russ.)
2. Ogorelkov D. A. Legislative Definition of Punishment in the Form of A Fine as the Basis of Its Criminal – Legal Impact. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2021;2:181-185. DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_2_181 (In Russ.)
3. Lopashenko N. A. On Criminal Punishments in Russia: Notes on the Margins of the Criminal Code (from the Present Time to the Future). *Statute*. 2021;12:33-48. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-12-33-48> (In Russ.)
4. Utkin V. A. The Paradoxes of Fine. *Criminal Justice*. 2014;2:9-12. (In Russ.)
5. Tkachevskiy Y. M. Substitution of One Criminal Sentence by Another in the Process of Its Enforcement. *Moscow University Bulletin. Series II. Law*. 2006;2:20-34. (In Russ.)
6. Nepomnyashchaya T. V. Penalty as a Form of Criminal Punishment: Problems of Legal Regulation and Application in Practice. *Herald of Omsk University. Series Law*. 2013;3:190-195. (In Russ.)
7. Mikhlin A. S. Execution of Non-Custodial Sentences. *Russian Justice*. 1997;6:41-43. (In Russ.)
8. Gritsai O. V. Current Issues in Applying Fines as a Judicial Measure of Financial Penalty. *Russian Justice*. 2008;10:66-72. (In Russ.)
9. Kuznetsova N. F. Seven Years of the Criminal Code of the Russian Federation. *Moscow University Bulletin. Series II. Law*. 2003;1:3-19. (In Russ.)
10. Makarov A. V., Misyulya L. A. The Financial Penalty as a Legal Sanction in the System of Measures of Criminal Liability. *Russian Justice*. 2017;8:25-28. (In Russ.)
11. Bazhenov O. V. Peculiarities of Punishment by a Fine. *Man: Crime and Punishment*. 2012;1:66-70. (In Russ.)
12. Turyshchev A. A. Avaricious Motive of Crime. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2020;26(4):17-21. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11003> (In Russ.)
13. Galperin I. M. *Punishment: Social Functions and Practice*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publ.; 1983. 206 p. (In Russ.)
14. Popova E. E. Certain Problems of Realization of Criminal Punishment in the Form of Fine and Perspectives of Resolution Thereof with Participation of Public. *Russian Investigator*. 2012;18:30-31. (In Russ.)
15. Tkhaishaov Z. A. To a Question on Wider Application of the Penalty as the Form of Criminal Punishment. *Criminal Law*. 2010;3:63-66. (In Russ.)
16. Pleshkov V. A. Enforcement of Court-Imposed Fines as Criminal Sanctions. *Criminal-Executory System: law, economy, management*. 2009;4:20-24. (In Russ.)
17. Buranov G. K. Consequences of Evasion of Fine Payment under the Criminal Code of the Russian Federation and CIS Countries. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2010;72:33-37. (In Russ.)
18. Stepashin V. M. The Arbitrariness of Criminal Punishment (the Example of the Fine). *Law Enforcement Review*. 2018;2(3):135-141. DOI [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(3\).135-141](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(3).135-141) (In Russ.)
19. Stepashin V. M. *The Implementation of Penal Economy in Criminal Responsibility and Sentencing*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. 326 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Алексеевич Урусов, доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55А, Омск, 644077, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0649-4985>; SPIN-код: 1262-4866; AuthorID: 923485; e-mail: knight700@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Urusov, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Dostoevsky Omsk State University (55A Mira pr., Omsk, 644077, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0649-4985>; SPIN-code: 1262-4866; AuthorID: 923485; e-mail: knight700@yandex.ru

Поступила | Received
06.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
09.02.2025

Принята к публикации | Accepted
10.02.2025

УДК 343.985.7

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309

EDN: EBWGMW

Оригинальная научная статья

Хищения в бюджетной сфере как объект криминалистического исследования

А. В. Чумаков

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация

✉ kchumakov_a_v@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе исследованы хищения в бюджетной сфере как значительно распространенные деяния, наносящие огромный ущерб бюджетной системе страны, обществу и гражданам. Автор в обоснование своих суждений об актуальности темы и распространенности хищений приводит статистические данные из разных источников, таких как Счетная палата РФ, Министерство внутренних дел РФ и т. д. В работе отмечены отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, связанные с тематикой настоящего исследования, а также обозначены приоритетные направления Стратегии, в том числе борьба с нецелевым использованием и хищением государственных бюджетных средств. В исследовании сформулированы авторское видение актуальных проблем противодействия хищениям бюджетных средств и выводы о необходимости научных разработок в области криминалистической методики расследования для эффективного выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Автором исследовано понятие «бюджетные средства», сформулированное как в действующем законодательстве, так и в научных трудах разных лет. Также в статье представлены признаки преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств (специфический объект и предмет преступных посягательств; особая сфера деятельности – бюджетная сфера и подсферы (например, госзакупки); субъекты преступлений: должностные лица, служащие, управленцы различных организаций и др.; корыстный мотив; преимущественно организованные формы преступной деятельности и другие признаки), дано авторское определение понятия рассматриваемого вида криминальной деятельности. Сформулирован вывод о том, что предложенное определение и признаки являются надлежащей методологической основой в том числе для формирования криминалистической характеристики и методики (методик) расследования данных преступлений. На основании изученных материалов следственной и судебной практики, научных работ криминалистической, уголовно-правовой и криминологической тематики автор заключает, что преступления, связанные с хищениями бюджетных средств, часто сопровождаются другими экономическими преступлениями, должностными, служебными, коррупционными посягательствами, иными преступлениями, такими как приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград, подделка официального документа, использование заведомо подложного документа, а также наименее распространенными, но встречающимися в судебной практике составами (например, убийство).

Ключевые слова: преступления в бюджетной сфере; бюджетные средства; коррупционные преступления; сопутствующие должностные преступления; криминалистическая методика; расследование хищений; госзакупки; организованная преступная деятельность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чумаков А. В. Хищения в бюджетной сфере как объект криминалистического исследования // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 294–309. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309>. EDN: <https://elibrary.ru/ebwgmw>

© Чумаков А. В., 2025

Original scientific article

Embezzlement in the Public Sector as an Object of Forensic Research

A. V. Chumakov

Novosibirsk Law Institute (branch) of the Tomsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ chumakov_a_v@mail.ru

Abstract. This paper investigates embezzlement in the public (budgetary) sector, a widespread phenomenon that causes significant harm to the national budget system, society, and individual citizens. To justify the relevance and scale of the issue, the Author cites statistical data from authoritative sources such as the Accounts Chamber of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs. The analysis incorporates key provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation relevant to the topic, including the Strategy's prioritization of combating the misappropriation and misuse of state budget funds. The study presents the Author's perspective on urgent issues in countering budget-related embezzlement and underscores the need for advanced forensic methodology to ensure effective detection, investigation, and prevention of such crimes. The concept of "budgetary funds" is examined in both current legislation and scholarly discourse. The paper outlines key features of crimes involving public-sector embezzlement, including: a specific object and subject of criminal encroachment; the specialized nature of the affected domain (e.g., public procurement); offenders, such as public officials, employees, and executives; self-serving motives and organized criminal methods; additional features characteristic of complex economic crimes. The Author offers a refined definition of this criminal phenomenon, emphasizing its potential as a methodological foundation for developing forensic profiles and investigation techniques. Based on a review of investigative and judicial practices and a broad spectrum of academic literature in forensic science, criminal law, and criminology, the paper concludes that embezzlement in the budgetary sphere is often intertwined with other offenses, such as: economic and official misconduct, corruption crimes, forgery and use of fraudulent documents and, in rare cases, even serious offenses such as murder.

Keywords: budgetary crimes; public funds; corruption-related offenses; official misconduct; forensic methodology; embezzlement investigation; public procurement; organized crime

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Chumakov A. V. Embezzlement in the Public Sector as an Object of Forensic Research. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):294-309. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309>. EDN: <https://elibrary.ru/ebwgmw> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в средствах массовой информации все чаще появляются сообщения о выявленных массовых хищениях государственных бюджетных средств. Ущерб от совершения таких преступлений ежегодно исчисляется многими миллиардными суммами. Так, за 2019

и 2020 гг. одна только Счетная палата Российской Федерации выявила 128 нарушений, которые касались хищений средств из бюджета, нецелевого использования бюджетных средств и коррупции, с общим ущербом в 24 млрд руб.¹ В 2022 г. возбуждено свыше 630 дел о хищениях выделенных на национальные

¹ Счетная палата выявила бюджетные хищения на 24 млрд рублей за два года // Право.Ru. 2020. URL: <https://pravo.ru/news/228167/> (дата обращения: 04.06.2024).

проекты бюджетных средств более чем на 1 млрд руб.²

Между тем в июле 2021 г. Президентом РФ В. В. Путиным была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³ (далее – Стратегия). В соответствии с этим важнейшим нормативным доктринальным документом достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, ориентированной в числе прочего на решение задач предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁴, одной из основных задач по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, является борьба с нецелевым использованием и хищением государственных бюджетных средств.

Несмотря на все принимаемые меры, по мнению многих исследователей, хищения государственных бюджетных средств стали так называемой институционализированной формой казнокрадства [1, с. 87], а совершение таких преступлений наносит гигантский вред

не только бюджету, но и обществу, всем гражданам, авторитету всего государства. В этой связи, безусловно, актуальными видятся научные разработки теоретико-методологического и, главное, прикладного характера по предупреждению и расследованию хищений бюджетных средств, то есть прежде всего исследования в области криминалистической методики расследования этих преступлений.

Законодатель о хищениях в бюджетной сфере

Нормативного определения понятия «хищения в бюджетной сфере (бюджетных средств)» не существует. Однако законодатель сформулировал отдельные определения понятий «хищение» и «бюджетные средства». В соответствии с примеч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Уголовный закон, как известно, не предусматривает уголовную ответственность за хищение бюджетных средств в качестве самостоятельного состава (составов) преступления. УК РФ предусматривает ответственность за ряд преступлений против собственности, сходных по объективной стороне и могущих относиться к хищению именно государственных бюджетных средств: кража (ст. 158), мошенничество (ст. 159), включая специальные составы – мошенничество при получении выплат (ст. 159.2), присвоение и растрата (ст. 160). Однако с точки

² В 2022 году возбуждено свыше 630 дел о хищениях более чем 1 млрд рублей для нацпроектов // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17273477> (дата обращения: 04.12.2024).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

зрения криминалистического исследования, а значит, и нужд правоприменительной практики было бы ошибочным, более того – вредным, взять за основу искомого определения только эти составы преступлений. Обоснуем это далее.

Вполне логичным будет выдвижение гипотезы о том, что искомое определение необходимо формировать также и через понятие «бюджетные средства». Законодатель в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) понимает под бюджетными средствами средства бюджета бюджетной системы РФ, то есть государственные и муниципальные финансовые ресурсы, к которым относятся бюджеты и внебюджетные фонды. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением Р. Р. Яруллина, что под бюджетными средствами понимаются только средства бюджетов органов государственной власти и местного самоуправления, иначе говоря, понятие «бюджетные средства» на средства внебюджетных фондов не распространяется [2].

Применение сравнительно-правового подхода обязывает обратиться к законодательной практике других стран, например к опыту соседей. Согласно Бюджетному кодексу Республики Казахстан⁵ бюджетные средства – это деньги и иные активы государства, поступление в государственную собственность и расходование которых отражаются в бюджете в денежной форме. Бюджетный кодекс Республики Казахстан трактует понятие довольно расширительно. Помимо непосредственно денежных средств, в него включаются и иные активы, выраженные в денежной форме. Однако данное опре-

деление не позволяет уточнить, в какой момент денежные средства становятся бюджетными, а в какой перестают ими быть⁶.

Бюджетный кодекс Республики Беларусь, так же как и БК РФ, оперирует понятием «бюджетные средства», использует его для формирования других определений, но при этом не раскрывает его значение⁷. В пункте 11 ст. 2 Бюджетного кодекса Украины бюджетные средства трактуются как надлежащие в соответствии с законодательством поступления бюджета и расходы бюджета⁸.

Вернемся к российским нормативным реалиям. Как отмечается в специальной литературе, бюджетные средства представляют собой денежное обеспечение, адресуемое государством соответствующим федеральным, государственным и муниципальным учреждениям и организациям в рамках исполнения целевых программ их расходования, например, в рамках государственного заказа в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁹. Эти средства имеют строго ограниченные статьи расходования, поступают на счет организации и находятся в ведении соответствующего должностного лица. Любое отклонение от направления бюджетных средств на реализацию утвержденных государством планов является преступлением (причем не только хищением. – А. Ч.). Как правило, по словам С. С. Шестало, часть выделенных денег незаконным образом присваивается должностными лицами

⁵ Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 г. № 171-VIII. Доступ из ИПС «Эділет».

⁶ Пункт 12-2 ч. 1 ст. 3 Бюджетного кодекса Республики Казахстан.

⁷ Бюджетный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 412-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0800412> (дата обращения: 04.02.2025).

⁸ Бюджетный кодекс Украины от 8 июля 2010 года № 2456-VI // Юрист. 2025. URL: <https://clck.ru/3GN4fk> (дата обращения: 04.02.2025)

⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

или иным образом обращается ими в свою пользу¹⁰. Автор, на наш взгляд, не вполне точен в этой формулировке. Бюджетные средства присваиваются не только должностными лицами, но и зачастую в соучастии с ними, например, различными предпринимателями и другими лицами. Однако С. С. Шестало абсолютно прав в том, что хищения бюджетных средств посягают одновременно на несколько объектов: государственное имущество, интересы собственности, интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, — поскольку затрудняют реализацию социальных программ и влекут значительные экономические последствия. Как отмечают Ю. П. Гармаев, Э. А. Иванов, С. А. Маркунцов, «Хищение бюджетных средств лишает государственные органы необходимых ресурсов для выполнения стоящих перед ними задач, что может стать критичным в кризисные периоды» [3, с. 6].

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ДОКТРИНАЛЬНОМУ
ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ
«ХИЩЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ»**

Любой криминалист, предпринявший исследование того или иного вида преступной деятельности и далее средств и методов борьбы с ней, должен обладать надлежащим методологическим инструментарием. Прежде всего к этому инструментарии следует отнести определение понятия, признаки и классификацию (и/или типологию) той самой совокупности преступлений, что составляет анализируемую преступную деятельность. Решение этой задачи — подбора надлежащей методологической основы предмета исследования — позволяет четко и доступно продемонстрировать целевой аудитории (следователям, иным правоприменителям

и не только им), для борьбы с какими преступлениями посягательствами разработаны соответствующие научные положения и прикладные рекомендации, что включить в перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по конкретному уголовному делу, в каких основных направлениях и с какими акцентами-принципами вести расследование и т. п., а главное, какой результат расследования можно будет признать положительным, а какую работу следственно-оперативной группы — эффективной.

По мнению В. Е. Корноухова, в качестве оснований формирования криминалистической методики должны выбираться такие, которые определяют как минимум значительную распространенность преступлений, а также типовые закономерности поисково-познавательных процессов [4, с. 6]. Ученый абсолютно прав, хотя, помимо названных критериев, могут и должны быть и иные принципы, основания формирования. Но об этом далее.

Итак, прежде чем перейти непосредственно к формированию некой базовой (по отношению к частным) криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств, необходимо: а) определить критерии выбора основания данной методики; б) проанализировать устойчивые признаки-атрибуты рассматриваемой преступной деятельности; в) предложить определение ее понятия, причем именно в криминалистическом, а не только в уголовно-правовом, криминологическом значении.

В криминалистике определению понятия «хищения в бюджетной сфере» или «хищение бюджетных средств» уделяется явно недостаточно внимания. Д. В. Паршин, один из немногих сосредоточившихся на данной проблеме, в своих трудах определяет хищение бюджетных

¹⁰ Шестало С. С. Вопрос: Какая ответственность предусмотрена за хищение бюджетных средств? Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

средств как «корыстные преступления с заранее продуманной схемой совершения и сокрытия» [5, с. 118]. Вероятно, ввиду более узкого предмета своего диссертационного исследования¹¹ автор явно слишком широко и неопределенно формулирует анализируемое понятие. Вместе с тем он прав в том, что опасность таких преступлений состоит не только в связи со значительным размером причиняемого вреда, но и создании организованных преступных групп. При организованных формах преступной деятельности увеличиваются размеры хищений, повышается их латентность, расширяются территориальные возможности преступного сообщества [5, с. 118]. На этом признаке, а точнее атрибуте, наиболее опасных форм хищений остановимся позже.

Других определений рассматриваемого понятия в криминалистическом аспекте найти не удалось, зато упоминаний хищений бюджетных средств без их определения достаточно много. Смежные понятия, а иногда и их толкования, а также, что важно, значимые признаки хищений бюджетных средств часто встречаются и рассматриваются в криминологических, уголовно-правовых исследованиях и научных трудах по экономическим наукам. Так, определяя преступность в бюджетной сфере, А. В. Макаров пишет, что под ней «следует понимать негативное социально-правовое явление, выражающееся в общественно опасных посягательствах на совокупность общественных отношений, возникающих в связи с образованием и использованием фондов денежных средств, сосредотачиваемых в бюджетах всех уровней»¹². По сути, автор определяет этот вид преступности только через категорию «обра-

зование и использование фондов и бюджетов всех уровней».

Ю. А. Валеева, рассуждая об особенностях уголовной ответственности за хищение бюджетных средств, выразилась максимально лаконично и эмоционально: «Хищение бюджетных средств – это воровство у государства» [6, с. 682]. Н. Ф. Кузовлева в работе, посвященной формированию механизма контроля за использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок, отмечает: «Бюджетные средства – это все денежные средства, которыми располагает государство в очередном финансовом году... Бюджетные средства подвергаются атаке со стороны коррупционеров, мошенников и похитителей. При этом наиболее распространенными рисками являются коррупция и хищение денежных средств» [7, с. 118].

Рассматривая особенности криминологической характеристики и предупреждения должностных преступлений в бюджетной сфере, А. К. Щегулина указывает: «Должностное преступление в бюджетной сфере – это умышленное деяние, сочетающее объективные признаки злоупотребления властью или должностным положением, превышение власти или должностных полномочий с такими элементами противоправного поведения, как расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их назначения, либо расходование негосударственных внебюджетных доходов на цели, не соответствующие условиям, определенным законодательством РФ, и бюджетам указанных фондов, наказуемость за которые устанавливает Бюджетный кодекс РФ. Должностное преступление в бюджетной сфере специфично тем, что его предметом выступают

¹¹ *Паришин Д. В.* Совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. 196 с.

¹² *Макаров А. В.* Преступность в бюджетной сфере: понятие, тенденции, предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 24.

бюджетные средства, то есть доходы соответствующих бюджетов; субъектом является должностное лицо, обладающее определенным объемом прав по распоряжению бюджетными средствами, а надлежащая квалификация содеянного возможна на основе норм как уголовного, так и бюджетного законодательства РФ. Критерием разграничения должностного проступка в бюджетной сфере и должностного преступления являются последствия содеянного»¹³.

В. В. Светлова в статье, посвященной методическому обеспечению раскрытия преступлений, связанных с обналичиванием бюджетных средств, приходит к выводу о том, что «наиболее опасные виды мошенничеств — это мошенничества, направленные на хищение средств государственного бюджета с использованием финансовых операций по возмещению ранее уплаченных налогов, прежде всего — налога на добавленную стоимость» [8, с. 231].

Таким образом, исследователи непосредственно не определяют понятие хищений бюджетных средств, но упоминают о нем в контексте определений других смежных преступлений или в контексте преступных посягательств, являющихся частью искомого целого. Авторы как будто резюмируют очевидность анализируемого понятия и скорее стараются подчеркнуть общественную опасность самого феномена и его связь с коррупцией, нежели методично раскрыть его определение через атрибуты-признаки. В целом можно сказать, что ученые не ставили перед собой задачу сформулировать искомое определение, а потому критика их позиций была бы некорректна.

ПОНЯТИЕ «БЮДЖЕТНЫЕ СРЕДСТВА» В НАУЧНОЙ ДОКТРИНЕ

В уголовно-правовых науках существуют различные мнения по поводу определения понятия «бюджетные средства». По мнению Б. В. Волженкина, «бюджетные средства (бюджетные ассигнования) — средства бюджетов разных уровней (федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, местные бюджеты), направляемые на развитие экономики, финансирование социально-культурных мероприятий, оборону страны, содержание органов государственной власти и местного самоуправления»¹⁴.

Р. Р. Фазылов под бюджетными средствами понимает «денежные средства федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, а также бюджетов муниципальных образований, которые становятся бюджетными с момента совершения Банком России или кредитной организацией операции по зачислению (учету) любых денежных средств на счет органа, исполняющего бюджет»¹⁵.

Д. А. Бойков отмечает: «Бюджетными средствами являются денежные средства, поступающие в безвозмездном и безвозвратном порядке в соответствии с законодательством РФ в распоряжение органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Они предназначены для финансового обеспечения задач и функций государства в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, социальной защиты населения, развития рыночной инфраструктуры, обеспечения охраны окружающей природной среды, охраны воспроизводства природных ресурсов и в других

¹³ Щегулина А. К. Криминологическая характеристика и предупреждение должностных преступлений в бюджетной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 12.

¹⁴ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 70.

¹⁵ Фазылов Р. Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств государственных внебюджетных фондов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 7.

сферах социально-экономической, политической жизни»¹⁶.

Н. Г. Деменкова рассматривает понятие «бюджетные средства» в широком и узком смысле. В широком смысле они представляют собой денежные средства, зачисленные в доход (зачисленные на счет) соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и предназначенные для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Бюджетные средства в узком смысле – это денежные средства, фактически распределенные главными распорядителями и распорядителями бюджетных средств по подведомственным распорядителям и получателям, соответственно, в формах, предусмотренных БК РФ¹⁷.

Е. А. Киршина утверждает, что бюджетные средства – это финансовые ресурсы государства и его субъектов, выраженные в определенной, установленной действующим законодательством форме и направляемые на обеспечение выполнения гарантий, закрепленных в Конституции РФ [9, с. 68].

Все эти определения дают общее понимание сущности бюджетных средств, уровней их распределения и задач, для решения которых они направляются, а также момента, юридического факта их возникновения, в том числе как объекта преступного посягательства. В пред-

ложенных определениях авторами заложены важные признаки бюджетных средств: многоуровневость бюджетов, их многоцелевое назначение, разделяемое по сферам деятельности (развитие экономики, социально-культурных мероприятий, оборона, сельское хозяйство, охрана природы и т. д.). Перечисление этих сфер – подход весьма продуктивный для криминалистического исследования, он и будет взят нами на вооружение, поскольку именно эти сферы становятся объектом особенно опасных посягательств со стороны преступников, организованных преступных формирований. Криминалисты-разработчики уже имеющихся криминалистических методик пошли в основном именно по такому пути. Их исследования преимущественно ориентируются на сферы финансового обеспечения со стороны государства [10; 11]¹⁸. Иногда предмет исследований ограничивается одной формой хищений, главным образом мошенничеством [12–18]¹⁹.

Однако эти формулировки при всей их ценности не в полной мере предоставляют возможность дать криминалистически значимое определение хищений бюджетных средств. Для решения этой задачи нужен криминалистический методологический подход, идея о котором раскрыта нами в исследовании «Расследование мошенничества при получении выплат»²⁰.

¹⁶ Бойков Д. А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 73–74.

¹⁷ Деменкова Н. Г. Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Благовещенск, 2007. С. 20.

¹⁸ См., напр.: Титова К. А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. 232 с. ; Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 296 с. ; и др.

¹⁹ См., напр.: Гарбуз Г. С. Методика по расследованию присвоения или растраты, совершаемых в бюджетной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 233 с. ; Багмет А. М., Перов В. А. Расследование преступлений о хищении бюджетных денежных средств и злоупотреблении должностными полномочиями в сфере налогообложения : учеб.-метод. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 280 с. ; Исаев С. С.-Х. Расследование мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 536 с. ; и др.

²⁰ Чумаков А. В., Гармаев Ю. П. Расследование мошенничества при получении выплат : моногр. М. : Юрлитинформ, 2020. 220 с.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ
ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ**

Как отмечено выше, в качестве основания формирования криминалистической методики не следует брать только уголовно-правовое (составы преступлений – хищений, предусмотренных ст.ст. 158, 159, 159.2 и 160 УК РФ), то есть речь не идет о так называемой типичной²¹ методике. Основание ее формирования должно быть несколько шире и иметь криминалистические критерии классификации, поскольку сам этот подход значительно более эффективен для решения задач борьбы с преступностью.

Этот тезис хотя и общепризнан в криминалистическом научном сообществе, но все же требует дополнительного обоснования. В. А. Образцов отмечал это в том смысле, что научно продуманное с опорой на данные следственной практики в сочетании с *уголовно-правовыми и иными факторами* (курсив наш. – А. Ч.) построение криминалистических классификаций преступлений является важным и необходимым условием разработки эффективных методик расследования определенных категорий преступлений²².

Следует обратить особое внимание на предложенное В. А. Образцовым универсальное основание для криминалистической классификации преступлений. По мнению ученого, это сфера деятельности человека, потому что именно она определяет закономерности преступного поведения и отражения в окружающей среде. Сфера деятельности – это кусок, участок социальной действительности, к которому применяется деятельность

того или иного вида. Значительная часть преступлений связана со сферой профессиональной деятельности (хозяйственной, медицинской, юридической и т. д.) [19, с. 91]. Бюджетная сфера в данном контексте представляет собой весьма сложную область деятельности, в которой тесно переплетается целый комплекс различных по своей социальной и юридической природе общественных отношений, имеющих тем не менее общие закономерности. Именно эта сфера является криминалистически значимым признаком выделения искомой крупной группы преступлений. Хотя, в зависимости от контекста, вполне синонимичным будет и термин «хищения бюджетных средств».

Интересно мнение В. П. Корж, что перспективной для корректировки существующих и разработки новых методик расследования отдельных видов преступлений является их криминалистическая классификация [20, с. 75]. Подчеркнута задача корректировки существующих методик расследования. О необходимости не только разработки новых методик, но и совершенствования существующих, связанных с появлением новых способов преступлений, изменением контингента субъектов преступных посягательств, изменением обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений и т. п., говорил и Р. С. Белкин²³. Таким образом, суть формируемой нами базовой методики расследования хищений в бюджетной сфере заключается не в создании какой-либо полностью новой криминалистической методики, а в значительной мере в корректировке, переработке и дополнении существующих подходов, модернизации уже созданных криминалистических

²¹ Как это предлагали И. А. Возгрин, С. Ю. Косарев и другие ученые. См., напр.: *Возгрин И. А.* Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций. СПб. : Изд-во С.-Петерб. юрид. ин-та МВД России, 1993. Ч. 3. С. 10–13.

²² *Образцов В. А.* Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 18.

²³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальности. 3. изд., доп. М. : Юнити, 2001. С. 751.

методик, главное, с учетом обновленных методологических подходов, основных приоритетов политики государства и ряда иных критериев.

Вернемся к криминалистическим классификациям преступлений, про которые А. В. Шмонин верно замечает, что относительно них, несмотря на большое внимание со стороны видных ученых-криминалистов, в настоящее время по-прежнему отсутствует единство мнений [21, с. 117]. Н. П. Яблоков отмечал, что методики расследования должны разрабатываться применительно к двум классификационным системам – уголовно-правовой и криминалистической (криминалистически значимой). Конечно, уголовно-правовые признаки составов преступлений объективно играют важную или даже основную роль, являются исходными, однако криминалистические основания деления преступлений обязательно бывают связаны с уголовно-правовыми категориями. Н. П. Яблоков и другие ученые не раз подчеркивали, что криминалистические основания классификации фактически призваны обеспечить ориентацию следователя в ключевых обстоятельствах расследуемого преступления, собирание доказательств, достаточных для определения уголовно-правового вида расследуемого преступления и быстрейшего решения всех задач его раскрытия [22, с. 42–43; 23, с. 339].

Ранее мы уже отмечали, что коррупционная составляющая усматривается хотя и не по любому делу о хищении в бюджетной сфере, но по большинству наиболее общественно опасных организованных преступлений в особо крупных размерах; коррупция – это очевидный атрибут хищения бюджетных средств. Так, анализ правоприменительной практики по уголовным делам о мошенни-

честве при получении выплат как одной из разновидностей хищений бюджетных средств демонстрирует важную закономерность, согласно которой более чем в 80 % случаев²⁴ совершались сопутствующие преступления: иные преступления в сфере экономики, прежде всего, хищения (ст.ст. 158–160 УК РФ и др.), взяточничество и прочие коррупционные (ст.ст. 285, 290–291.2 УК РФ и др.); иные сопутствующие преступления, такие как приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград (ст. 324 УК РФ), подделка официального документа (ч. 1 ст. 327 УК РФ), использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ) и др. Дополнительно проведенные исследования показывают, что по многим уголовным делам следователи, помимо перечисленных преступлений, устанавливают признаки организованной преступной деятельности, прежде всего преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

Именно в силу этой закономерности, то есть с учетом множественности составов преступлений, по которым квалифицируется де-факто анализируемая преступная деятельность, организованного их характера, строго говоря, в криминалистическом аспекте корректнее говорить не о хищениях в бюджетной сфере, а о преступлениях, связанных с хищениями в бюджетной сфере. Хотя, учитывая эту оговорку, для краткости можно использовать и первую формулировку.

Исходя из такого посыла, при создании базовой криминалистической методики расследования хищений в бюджетной сфере необходимо делать акцент на определение задач, направленных на расследование в первую очередь организованных

²⁴ Данная информация получена по результатам обобщения 100 приговоров, вынесенных судами Новосибирской области и других регионов Российской Федерации по уголовным делам о хищениях бюджетных средств.

и организованно-коррупцированных типов хищений. Как мы уже отмечали, «к числу основных задач расследования такого рода хищений относятся... изобличение организаторов, руководителей, наиболее активных членов организованных преступных групп (далее – ОПГ) или организованных преступных сообществ (далее – ОПС), профессиональных преступников, их осуждение; пресечение деятельности, разрушение ОПГ и ОПС в соответствующей сфере (государственные и муниципальные закупки, государственный оборонный заказ, национальные проекты и другие), выявление и разрушение коррупционных связей преступных формирований с должностными лицами»²⁵.

Вот почему в одной из предшествующих работ применительно к криминалистически значимому понятию мошенничества при получении выплат (как разновидности хищений бюджетных средств) было заявлено, что «это предусмотренные статьей 159.2 УК РФ и сопутствующими составами преступлений (в сфере экономики, коррупционными, иными) общественно опасные деяния, совершаемые в сфере отношений социального обеспечения, направленные на хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, реализуемые различными способами обмана или злоупотребления доверием, в том числе за счет предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, внесения изменений в ранее предоставленную информацию, а равно умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат или препятствующих возникновению права на их получение»²⁶.

Итак, для определения понятия «преступления, связанные с хищениями в бюджетной сфере», или, для краткости, «хищения в бюджетной сфере (бюджетных средств)», необходимо определить основные криминалистически значимые признаки этих преступлений.

1. Основной (но не единственный) непосредственный объект преступных хищений бюджетных средств – общественные отношения, связанные с распределением бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов и с расходованием этих средств по целевому назначению. Однако имеются и факультативные объекты посягательства: собственность, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления и др.

2. Предмет хищений бюджетных средств – это, как правило, денежные средства, включенные в соответствии с действующим российским законодательством в бюджетную систему Российской Федерации средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Анализируемая преступная деятельность обычно совершается именно с целью хищения этих средств.

3. Преступные деяния, связанные с хищениями бюджетных средств, совершаются в бюджетной сфере, где, согласно статистическим данным, наиболее общественно опасными и при этом криминально уязвимыми являются сферы реализации приоритетных национальных проектов (включая гособоронзаказ и т. д.), государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг, системы оказания государственной социальной помощи (социальные выплаты) и др.

4. Преступные последствия деяний, связанных с хищениями бюджетных средств, выражаются в имущественном

²⁵ Чумаков А. В. Задачи и принципы расследования хищений бюджетных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2022-1-122-127>

²⁶ Чумаков А. В., Гармаев Ю. П. Указ. соч. С. 40.

ущербе, причиняемом государству, а также гражданам, организациям и всему обществу как участникам системы распределения бюджетных средств.

5. Типичными субъектами преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, являются:

а) служащие и должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных внебюджетных фондов, государственных корпораций, Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований РФ, а также иных организаций, перечисленных в примеч. 1 ст. 285 УК РФ;

б) лица, выполняющие управленческие функции, и другие работники коммерческих и иных организаций (см. примеч. 1 ст. 201 УК РФ);

в) граждане, участвующие в распределении и использовании тех или иных бюджетных средств;

г) иные лица.

6. Преступления, связанные с хищениями бюджетных средств, как правило, совершаются с корыстным мотивом. Отдельные соучастники преступной деятельности могут иметь и другие мотивы. Однако общая мотивационная направленность хищений проявляется в корысти – стремлении к безвозмездному изъятию и (или) обращению бюджетных средств в пользу виновного или других лиц.

7. Основными, или титульными, деяниями, связанными с хищениями бюджетных средств, являются хищения в форме кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничества, включая специальные его составы (ст.ст. 159, 159.2 УК РФ), присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ).

8. Необязательным (неатрибутивным), но широко распространенным признаком преступной деятельности, связанной с хищениями бюджетных средств, является наличие в механизме преступной деятельности коррупционной составляющей, на-

пример, взяточничества (ст.ст. 290–291.2 УК РФ) и проч., и/или признаков иных должностных, служебных преступлений [24], не относящихся к категории коррупционных:

– злоупотребления должностными полномочиями, если деяние совершено не из корыстной, а из иной личной заинтересованности (ст. 285 УК РФ);

– нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст.ст. 285.1 и 285.2 УК РФ);

– злоупотребления должностными полномочиями и прочих преступлений, связанных с выполнением государственного оборонного заказа (ст.ст. 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ);

– превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ);

– незаконного участия в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ);

– служебного подлога, в том числе совершенного не из корыстной, а из иной личной заинтересованности (ст. 292 УК РФ);

– халатности (ст. 293 УК РФ) и других преступлений.

9. Помимо хищений (в узком смысле слова), коррупционных и должностных преступлений, характерным признаком рассматриваемой преступной деятельности является взаимосвязь с экономическими (раздел VII УК РФ) и прочими преступлениями, такими как приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград (ст. 324 УК РФ), подделка официального документа (ч. 1 ст. 327 УК РФ), использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ), а также менее распространенными, но встречающимися в судебной практике составами (например, преступлениями против жизни и здоровья). Об этом ранее уже было сказано в исследованиях, касающихся особенностей методики расследования мошенничеств

при получении выплат²⁷. Таким образом, реальная криминальная практика показывает, что наиболее общественно опасные хищения бюджетных средств совершаются в совокупности с коррупционными, должностными и иными перечисленными преступлениями. Соответственно, выявляя и расследуя хищения в бюджетной сфере, необходимо выдвигать и проверять версии о сопутствующих преступлениях. В большинстве наиболее опасных хищений бюджетных средств сопутствующие преступления практически всегда тесно связаны с ними, становятся причинами либо условиями, элементами способов совершения основных преступлений.

10. Еще одним необязательным, но широко распространенным признаком преступной деятельности, связанной с хищениями бюджетных средств, является высокий уровень ее организованности.

Безусловно, любая совокупность признаков, равно как и определение понятия «преступления, связанные с хищениями в бюджетной сфере», не могут дать исчерпывающей картины криминалистически значимых свойств такого сложного феномена, как преступления, связанные с хищениями бюджетных средств. Но вместе с тем такая совокупность дает некое общее и непротиворечивое их описание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из всего изложенного, можно сформулировать определение понятия «преступления, связанные с хищениями бюджетных средств», или, кратко, «хищения бюджетных средств», в криминалистическом аспекте. Это предусмот-

ренные ст.ст. 158, 159, 159.2, 160 УК РФ и зачастую сопутствующими составами преступлений (коррупционными, должностными, экономическими и иными), как правило, высокоорганизованные общественно опасные деяния с коррупционной составляющей, направленные на хищения средств бюджетов разных уровней, предназначенных для развития экономики, финансирования социально-культурных мероприятий, обороны страны, содержания органов государственной власти и местного самоуправления, других сфер социально-экономической и политической жизни, существенно нарушающие охраняемые законом интересы государства и его граждан, всего общества.

Полагаем, что такое определение обеспечивает относительно краткое, но вполне релевантное и непротиворечивое понимание преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств. Следующим необходимым шагом станет разработка классификационной системы анализируемых преступлений. Однако это является предметом отдельного глубокого исследования, основы которого заложены в том числе и в этой статье. В целом же на предложенной методологической основе можно не столько начинать, сколько продолжать как процесс построения криминалистической характеристики и системы базовой методики расследования данных преступлений, так и тактические, технические и иные разработки в указанном актуальном направлении развития и криминалистики, и любой другой уголовно-правовой науки.

Список литературы

1. Наумов Ю. Г., Самолысов П. В. Сговоры на торгах как угроза национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 86–91.
2. Яруллин Р. Р. Нецелевое использование средств бюджетной системы России в условиях противодействия коррупции // Фундаментальные исследования. 2016. № 10-3. С. 678–684.
3. Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты : моногр. М. : Юриспруденция, 2020. 240 с.

²⁷ Чумаков А. В., Гармаев Ю. П. Указ. соч.

4. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М. : Норма, 2008. 223 с.
5. Паршин Д. В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 111–120.
6. Валеева Ю. А. Уголовная ответственность за хищение бюджетных средств // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1 (29). С. 681–684.
7. Кузовлева Н. Ф. Формирование механизма контроля за использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности и противодействия теневой экономики : сб. науч. тр. М. : Науч. консультант, 2018. С. 118–126.
8. Светлова В. В. Методическое обеспечение раскрытия преступлений, связанных с обналичиванием бюджетных средств // Синергия учета, анализа и аудита в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства : сб. материалов II междунар. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Петровой В. И. и проф. Баканова М. И. (Москва, 10 нояб. 2015 г.). М. : Аудитор, 2016. С. 229–236.
9. Киршина Е. А. Бюджетные средства как предмет преступного посягательства // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 66–68.
10. Алиева Г. А. К вопросу о выявлении и раскрытии хищений бюджетных средств в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2 (12). С. 14–16.
11. Анников А. В. Актуальные проблемы получения первичной информации о фактах хищения бюджетных средств при реализации государственного оборонного заказа // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 2 (39). С. 45–48.
12. Менжега М. М., Иванов В. О. Мошенничество в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (15 янв. 2017 г., г. Екатеринбург) : в 3 ч. Уфа : АЭТЕРНА, 2017. Ч. 3. С. 133–137.
13. Гитинов Р. К. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере автострахования // Российский следователь. 2011. № 12. С. 8–11.
14. Орлов А. С. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере кредитования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–3 (38). С. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11822>
15. Низаева С. Р. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 251–253.
16. Ермоленко Д. А. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации // E-Scio. 2020. № 2 (41). С. 123–127.
17. Третьякова Е. И. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничества, повлекшего утрату права на жилье // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 241–251. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-10023>
18. Алиев Р. В. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере долевого строительства // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 44–51. DOI: https://doi.org/10.51980/2686-939X_2022_4_44
19. Образцов В. А. Преступления, связанные с профессиональной деятельностью, как объект криминалистического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. Вып. 36. С. 91.
20. Корж В. П. Проблемы формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями в сфере экономики // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 74–79.
21. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики : моногр. М. : Юрлитинформ, 2010. 415 с.
22. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 5. С. 40–51.
23. Герасимов И. Ф. Вопросы криминалистической классификации в методике расследования преступлений // Демократия и право развитого социалистического общества : материалы всесоюз. науч. конф. (Москва, 21–23 нояб. 1973 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 399–400.
24. Кононов Д. А. Вопросы соотношения служебных и должностных преступлений в современном российском уголовном праве // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2 (78). С. 127–130.

References

1. Naumov Yu. G., Samolysov P. V. Evil Tendering as a National Security Issue. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2017;2:86-91. (In Russ.)
2. Yarullin R. R. Misuse of Budget Funds in Russia's Budgetary System in the Context of Anti-Corruption Environment. *Fundamental Research*. 2016;10-3:678-684. (In Russ.)
3. Garmaev Yu. P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. *Anti-Corruption Compliance in the Russian Federation: Interdisciplinary Aspects*. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2020. 240 p. (In Russ.)

4. Kornoukhov V. E. *Methods of Crime Investigation: Theoretical Foundations*. Moscow: Norma Publ.; 2008. 223 p. (In Russ.)
5. Parshin D. V. Revisiting the Identity of the Perpetrator as an Element of Criminalistic Characteristics of the Embezzlement of Public Funds Intended For the Implementation of Priority Guidelines in Agricultural Development. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2017;4:111-120. (In Russ.)
6. Valeeva Yu. A. Criminal Responsibility for Theft of Budgetary Funds. *Forum molodykh uchenykh*. 2019;1-1:681-684. (In Russ.)
7. Kuzovleva N. F. Establishing a Mechanism for Monitoring the Use of Budgetary Funds in the Sphere of Public Procurement. In: *Current Issues in Ensuring Economic Security and Combating the Shadow Economy*. Moscow: Nauchnyi konsul'tant Publ.; 2018. P. 118–126. (In Russ.)
8. Svetlova V. V. Methodological Support for the Detection of Crimes Related to the Cashing Out of Budgetary Funds. In: *Synergy of Accounting, Analysis, and Auditing in Ensuring the Economic Security of Business and the State*. Moscow: Auditor Publ.; 2016. P. 229–236. (In Russ.)
9. Kirshina E. A. Budget as the Subject of a Criminal Assault. *Gaps in Russian Legislation*. 2016;3:66-68. (In Russ.)
10. Alieva G. A. The Issue of Identifying and Disclosing of Plunders of Budgetary Funds in the Sphere of Housing and Communal Services. *Plekhanov Scientific Bulletin*. 2017;2:14-16. (In Russ.)
11. Annikov A. V. Actual Problems of Obtaining Primary Data about the Facts of Embezzlement of Public Funds in the Implementation of State Defense Order. *Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2016;2:45-48. (In Russ.)
12. Menzhega M. M., Ivanov V. O. Fraud in the Field of Procurement for State and Municipal Needs. In: *Problems of Implementing the Results of Innovative Developments. Pt. 3*. Ufa: AETERNA Publ.; 2017. P. 133–137. (In Russ.)
13. Gitinov R. K. Criminalistic characteristics of fraud in the sphere of auto-insurance. *Russian Investigator*. 2011;12:8-11. (In Russ.)
14. Orlov A. S. To the Issue of Forensic Characteristics of Fraud in the Field of Lending. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;11-3:90-94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11822> (In Russ.)
15. Nizaeva S. R. Criminal Characteristics of Fraud in the Sphere of Turnover of Residential Property. *Eurasian Law Journal*. 2017;4:251-253. (In Russ.)
16. Ermolenko D. A. Criminalistic Characteristics of Fraud in the Field of Computer Information. *E-Scio*. 2020;2:123-127. (In Russ.)
17. Tretiakova E. I. Some Elements of Criminalistic Characteristic of the Fraud Which Entailed Loss of the Right for Housing. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2019;1:241-251. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-10023> (In Russ.)
18. Aliev R. V. Criminalistic Characteristics of Fraud in the Field of Shared-Equity Construction. *Nauchnyi komponent*. 2022;4:44-51. DOI: https://doi.org/10.51980/2686-939X_2022_4_44 (In Russ.)
19. Obratsov V. A. Crimes Related to Professional Activity as an Object of Forensic Research. *Issues of Combating Crime*. 1982;36:91. (In Russ.)
20. Korzh V. P. Problems of Formation of New Methods of Investigation of Crimes Committed By Organised Crime in Economics. In: Stepanenko D. A. (Ed.). *Forensic Readings on Lake Baikal – 2015*. Irkutsk, 2015. P. 74–79. (In Russ.)
21. Shmonin A. V. *Methodology of Forensic Techniques*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. 415 p. (In Russ.)
22. Yablokov N. P. Criminalistics Classification of Crimes in the Investigation method and Its Types. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2015;5:40-51. (In Russ.)
23. Gerasimov I. F. Issues of Forensic Classification in Crime Investigation Methods. In: *Democracy and Law in a Developed Socialist Society*. Moscow: Moscow University Publ.; 1975. P. 399–400. (In Russ.)
24. Kononov D. A. The Questions of Ratio of “Service Crimes” and “Malfeasance” in the Modern Russian Criminal Law. *Scientific Thought of Caucasus*. 2014;2:127-130. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Вадимович Чумаков, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института (филиала) Национального исследовательского Томского

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Chumakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at the Novosibirsk Law Institute (branch) of the Tomsk State University (7 Sovetskaya

государственного университета (ул. Советская, 7, Новосибирск, 630007, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>; e-mail: chumakov_a_v@mail.ru

str., Novosibirsk, 630007, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>; e-mail: chumakov_a_v@mail.ru

Поступила | Received
18.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.03.2025

Принята к публикации | Accepted
11.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (in English), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *Л. А. Зарубина*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2025

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 07.07.2025

Подписано в печать 26.06.2025

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 13,16. Уч.-изд. л. 14,25.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Российская Федерация

Scientific journal “Siberian Law Review”

Editor: *L. A. Zarubina*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal “Siberian Law Review” reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal “Siberian Law Review”, 2025

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 07.07.2025

Signed print 26.06.2025

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 13.16. Edit. pr. pg. 14.25.

Printed in LLC “Printing Center “Tatyana”

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russian Federation